НАУКА И РЕЛИГИЯ

3

1991

ISSN 0130-7045

В НОМЕРЕ:

Здесь представлены расписные пасхальные яйца работы Олеси Сахаровой. О ней читайте на с. 34.

Богоматерь с младенцем. Копия старинной иконы. Это пасхальное яйцо украшено бижутерией.

Галерея портретов патриархов Русской православной церкви. На обратной стороне — копия «Троицы» Андрея Рублева.

В номере

НАУКА И РЕЛИГИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ — ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО «ЗНАНИЕ»

3 Март '91

На 1-й странице обложки воспроизведена картина О. Кандаурова «Русь. Гимн первый» из серии «Алтари». О ней читайте на с. 35.

Зарегистрирован Государственным комитетом СССР по печати
Регистрационный номер 732

Издается с сентября 1959 года

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Адрес редакции:
109004, Москва,
Товарищеский пер., 8

Телефоны
272-25-57
272-40-91

Сдано в набор 24.12.90.
Подписано к печати 18.02.91.
Формат 60×90/8
Бумага офсетная № 2.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 8,0.
Усл. кр.-отт. 9,75.
Уч.-изд. л. 11,24
Тираж 790600 экз.
Заказ 01070030.
Цена 60 к.

Журнальный комплекс издательства «Радянська Україна».
252146, Киев-146,
ул. Героев Космоса, 6.

Политика и религия

Глобальная политизация общества — характерная примета времени. Возможна ли, однако, сегодня политика, свободная от нравственных обязательств? И как решается в этом контексте проблема соотношения политики и религии, политики и морали в истории европейской цивилизации? Об этом — предлагаемая статья.

В. ГАРАДЖА,
доктор философских наук

Первые христиане не помышляли о том, как изменить мир и сделать его лучше. Они были уверены в близком его конце и думали о спасении. Уповали не на переустройство мира, а на грядущее царство божье, которое «не от мира сего». Евангелие не несло призыва к политическому освобождению, скорее оно призывало к освобождению от политики, выходу из политической игры.

Христианство возникло в размежевании с античным представлением о единстве политики и этики. Оно отказывалось видеть в человеке политическое по самой природе своей существо, поскольку не в политическом существовании человека реализуются его потенции. Религиозное измерение человека, таким образом, не представлялось простым продолжением его мирского измерения. Христианство учило, как быть свободным в несвободном мире, где политическая власть с помощью насилия порабощает человека. Это порабощение оказывается тотальным в том только случае, если существование человека целиком заполнено политикой, если политика, человеческая природа и этика составляют неразрывное единство. Христианство начало с того, что провело принципиальное разграничение между этикой и политикой. Есть нечто более высокое, нежели любые земные цели, привязанности, действия, которые остаются на уровне отношения человека к человеку, государству, обществу. Есть мир внешний и есть внутренний — духовный, мир человеческого существования по ту сторону политической жизни.

В своем первоначальном облике христианство учило противостоять государственной машине Римской империи, притязавшей на власть не только над телом, но и над душой своих подданных. В то же время оно не превращало верующих в некое обособленное от мира сообщество, оно не было аполитичным.

Евангельский Христос осуждает беззаконие, насилие, угнетение и социальное неравенство, национально-племенную рознь. Все это стало предметом нравственного осуждения. Жестким политико-правовым предписаниям был противопоставлен закон человеческого сердца, насилию — любовь как форма связи между людьми, как нравственный принцип противления злу. Иными словами, не всякие средства, но лишь нравственно оправданные, приемлемы в борьбе со злом. Христианство сделало мораль религиозной и через нее оно получило возможность влиять на светскую историю, на политическую борьбу, на отношение человека к государственной власти, на освободительные движения народов. Механизм этого влияния включает взаимодействие между стихийным ходом исторических событий, имманентными миру ценностями — политикой, земным царством — и трансцендентным ему духовным началом, нравственно-религиозными постулатами — царством божьим. Он, этот механизм, построен на антиномии духовной и мирской власти, трактуемой по-разному и выявляемой в многообразных формах. У Августина в его учении о двух градах это противопоставление государству церкви. В учении Лютера о двух царствах речь идет о светских и духовных властях, через которые осуществляется божественное управление миром и за смешение которых он обличает католицизм.

Разделение двух царств, веры и политической деятельности, града божьего и мирского определило те два полюса притяжения, между которыми бьется христианское понимание истории: полное их разделение, с одной стороны, и отождествление — с другой. В своем стремлении быть представленным в мире и влиять на мирскую жизнь человека христианство сталкивается с двумя опасностями. Оно хочет вывести человека за пределы этого мира, за рамки существующего, рискуя внушить ему полное безразличие, пассивное отношение к социально-политической действительности, изолировать от мира и сделать аполитичным. Такой ценой может быть куплено освобождение христианской личности от посягательств на нее, на ее совесть со стороны политической власти. Но тогда царство божье оказывается за пределами истории, оно просто обозначает «иной мир», и разрывается связь между христианским спасением и мирской жизнью. Другая опасность заключается в смешении светского и религиозного, злоупотреблении религией для защиты мирских интересов, превращения теологии в служанку политики. Решающим является вопрос о том, возможно ли осуществить царство божье на земле; в какой мере божественное может воплотиться в мирском; исчерпывает ли миссию христианской веры духовное освобождение, утешение в сознании, спасение от внешнего мира в мире внутреннем?

Если миссия христианства заключается во внутреннем освобождении человека от испорченного мира, то подчинение христианством Римской мировой империи было его поражением. «Огосударствление» христианства, которое произошло в IV веке при императоре Константине, означало приспособление веры в Бога к нуждам государства во имя его христианизации. Приняв союз с государством, церковь обрела политическую власть и взяла на себя обязательство оправдания государственно-политической власти. Приспособив веру в Бога к политике, она тем самым поставила под вопрос нравственную состоятельность самой веры. Впоследствии Вольтер скажет, что церковь, созданная, чтобы проповедовать мораль, часто предавалась политической игре и человеческим страстям.

Другого рода исторический опыт политической вовлеченности христианской религии был продиктован революционным желанием осуществить царство божье на земле. Этим стремлением вдохновлялись первые революционные движения в Европе. Христианской революционной традиции от Иоахима Флорского и Томаса Мюнцера до современных политических теологий освобождения свой-

ственно представление о царстве божьем не как об ином, потустороннем мире, но как о мире, ставшем другим, изменившемся благодаря усилиям человека. Так или иначе, вплоть до начала новой истории, политика представала в религиозном облачении как защита дела божьего на земле.

В конечном счете христианству было предъявлено обвинение в политическом использовании религии. Французский просветительский атеизм в этом смысле носил преимущественно политический характер. По словам Ф. Энгельса, когда в XVIII веке буржуазия достаточно окрепла, чтобы выработать собственную идеологию, она совершила свою великую и законченную революцию во Франции, апеллируя исключительно к юридическим и политическим идеям и думая о религии лишь постольку, поскольку эта последняя преграждала ей дорогу. Политика отделилась от религии.

Начиная с эпохи Просвещения, европейская цивилизация развивалась под знаком доминирующей рациональности. Новое время начиналось как вступление в век Разума. Одной из его предпосылок были развивающаяся секуляризация, обретение независимости от религии искусством, наукой, правом, моралью, политикой. Церкви больше не принадлежало последнее слово во всех этих областях мирской жизни.

Разделение этики и политики, от христианства пришедшее в европейскую мысль, обретает новые черты, наполняется иным содержанием. Оно связано теперь с верой в разум как ту силу, которая способна сделать человека свободным, дать ему власть над природой и самим собой. Освобождаясь от религиозной опеки, этика обретает опору в самом разуме, в науке. Спиноза говорит о том, что Вселенная как целое способна порождать в человеке все те чувства, включая любовь, которые раньше представлялись непременно связанными с верой в Бога как в личностное начало. И это означает, что мораль может быть связана с наукой, что она нуждается в ней как в опоре. Наука ведет к окончательному и полному просвещению человечества разумом и тем самым открывает перед ним перспективу безграничного прогресса.

Возрастающий прогресс образования, связанный с неизбежным прогрессом науки, служит, по мнению Кондорсэ, порукой в улучшении участи рода человеческого, которое можно рассматривать как бесконечный, ничем не ограниченный процесс. Он полагает, что совершенствование законов и общественных учреждений является прямым следствием прогресса наук и что природа связывает неразрывной цепью истину, счастье и добродетель, что одним из наиболее важных для общего счастья результатов прогресса человеческого разума должно считать разрушение предрассудков. Просветительская философия связывает с христианской религией невежество, догматизм, косность, двуличие, ханжество, фанатизм.

Триумф Разума, считали просветители, ведет к разрушению иллюзий, суеверий. Разумно мыслящий человек не нарушает правил морали, потому что разум помогает ему справиться со своими страстями, обуздать их. Мораль не является больше в глазах просветителей трансцендентной, извне заданной человеку, она становится состоянием самого человека как разумного, мыслящего существа. Гоббс убеждает, что человеческий разум — высшая инстанция в вопросах морали. Итак, разумная человеческая мораль, человеческое право и политика. По Канту, в достигшем совершеннолетия мире этика становится делом практического разума.

Рационализация мира включала в себя и нравственно-религиозный компонент. Новое время начиналось с Возрождения и протестантской Реформации. Рационализация, совершавшаяся на основе протестантской этики, также вела к тому, что М. Вебер назвал «разволшебствлением» мира,— утрате его религиозного измерения, к обезбоженности.

В мире действуют люди, направляемые собственным разумом. Наука, познавая истину, призвана теперь помочь решению основных проблем как в области нравственности, так и политики, Человек, уповающий на разум и науку в строительстве своего мира, опирался на нравственные стимулы в меньшей степени, чем современный человек.

И все же ситуация с нравственностью оказалась проблематичной, внутренне противоречивой. Вопреки христианской традиции примат политики над этикой и правом воспринимается как знамение нового времени. Политика, ставшая независимой, автономной от религии отраслью человеческой деятельности, формулирует стоящие перед обществом цели и изыскивает способы их осуществления, руководствуясь определенными социальными интересами, экономической выгодой, идеологическими ориентирами. Все больше утверждающееся сциентистски-позитивистское понимание политики разрывает ее былые связи с нравственностью, точнее — нравственно-религиозным комплексом. Христианское средневековье связывало политику с моралью посредством религиозной веры, религиозного измерения мира. Как раз эта связь, в том виде, в каком она исторически сложилась, была оборвана с развитием секуляризации. «Естественное состояние человека» становится отправным моментом в осмыслении и разработке как этики, так и политики.

Состояние общества в этом случае характеризуется преобладанием эгоистических интересов, вражды, соперничеством, войнами. Макиавелли видит идеал государственной власти в дохристианской Римской империи. Величие и мощь государства должны хранить и преумножать властители, поскольку общество состоит из эгоистичных и незрелых индивидуумов. В этих целях политики должны использовать все подходящие средства, не связывая себя моральными обязательствами и ограничениями. В соответствии с пессимистическим взглядом на человеческую природу обосновывалась необходимость поддерживать общественный и государственный порядок в противодействии этике и вседозволенности в выборе политических средств утверждения власти.

Естественный человек в понимании Гоббса движим только эгоизмом, стремлением к самосохранению и наслаждениям. Отсюда естественное состояние человека — война всех против всех. Чтобы этого избежать, на основе договора создается государство, и повиновение государю становится залогом мирной и гуманной жизни.

Хорошее —это только то, что санкционировано властью. Совестью граждан является общественный закон. Религия — это поклонение тем силам, которые признает в качестве объекта поклонения и страха государство, а поклонение тем силам, которые государство не признает, есть предрассудок.

Руссо имел определенные основания возложить на искусство и науки ответственность за моральную деградацию цивилизованного человека. Это было предвестие той критики научно-технической цивилизации, которая строилась как критика мира, утратившего веру в Бога.

В целом же для Просвещения характерно стремление связать критику христианства с задачей политической эмансипации человека, развития демократии. И просветительский атеизм внес заметный вклад в становление современной цивилизации, ее демократических ценностей. Он способствовал освобождению морали от религиозного контроля, авторитаризма и нетерпимости. Утверждая принципы объяснения явлений естественными причинами без ссылки на Бога-творца, он способствовал также становлению современной науки.

Окончание следует

ИЗ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Фреска XVII в. из Софийского собора в Вологде

Святая равноапостольная великая княгиня Российская Ольга.

...В лето 6463 (955 г.). Пошла Ольга в Греки и пришла к Царьграду. Царем был тогда Константин, сын Льва. Пришла к нему Ольга, и увидев ее удивительную красоту и мудрость, изумлен был царь ее умом, беседовал с нею и сказал ей: «Следует тебе с нами в сем городе царствовать!» Она же, поняв, что хотел сказать царь, ответила ему: «Язычница я. Если же хочешь меня крестить, то крести меня сам; если же нет, то не крещусь». И крестил ее царь с патриархом. Будучи же крещена, радовалась она душою и телом. И наставил ее патриарх в вере, и сказал ей: «Благословенна ты в женах русских, поскольку возлюбила свет, а тьму оставила. Будут благославлять тебя сыновья русские до конца дней потомков твоих!» И поучал ее о церковном уставе, о молитве и о посте, о милостыне и о содержании в чистоте тела. Она же, наклонив голову, стояла, внимая поучениям, как губка, впитывающая влагу. И поклонившись патриарху, отвечала: «Да буду я защищена от сетей неприязни твоими молитвами, владыка!» Дано было ей в крещении имя Елена, как и древней царице, матери Великого Константина. И благословив, отпустил ее патриарх.

А после крещения позвал ее к себе царь и сказал ей: «Хочу взять тебя в жены». Она же отвечала: «Как же хочешь меня взять, коли сам меня крестил и назвал своей дочерью? У христиан такого обычая нет, это ты сам знаешь!» И сказал царь: «Перехитрила ты меня, Ольга!» И дал ей много подарков, золото и серебро, парчу и сосуды разные, и отпустив ее, назвал ее дочерью своей. Она же, желая вернуться домой, пришла к патриарху, прося благословения своему дому, и сказала ему: «Люди мои и сын мой — язычники, пусть Бог сбережет их от всякого зла». И ответил патриарх: «Дитя мое! Во Христе ты крестилась, во Христа облеклась, Христос и сохранит тебя, как сохранил он Еноха из первых людей, потом Ноя в ковчеге, Авраама от Авимелеха, Лота от содомлян, Моисея от фараона, Давыда от Саула, трех отроков от печи (огненной), Даниила от зверей (во рву львином), так и тебя он избавит от неприязни и от сетей (диавольских)». И благословил ее патриарх, и пошла она с миром в свою землю, и пришла к Киеву.

Так же было, как при Соломоне пришла царица Эфиопская к Соломону, захотев услышать Соломонову мудрость, и много увидела проявлений мудрости. Так и здесь блаженная Ольга искала настоящей мудрости Божьей, только та — человеческой (мудрости искала), а эта — Божьей. «Ищущие мудрости да обрящут ее»; «Премудрость на росстаниях возглашается, отважных на путях водит, на стенах крепостных проповедует, у ворот городских восклицает: сколько же лет благочестивым страдать за правду...» Эта же блаженная Ольга от юности своей пыталась найти, что́ лучше всего на этом свете, и нашла жемчуг драгоценный, который есть Христос. Сказал же Соломон: «Стремление верующего услаждает его душу» и «Облеки сердце свое мудростью», и «Возлюблю любящих меня, и ищущие меня — меня найдут». Сказал Господь: «Приходящих ко мне не отгоню от себя».

Эта же Ольга пришла в Киев, и прислал к ней греческий царь, говоря: «Многим одарил тебя. Ты же обещала мне: когда вернусь в Русь, много пришлю всяких даров — рабов, воск, и кожи, и воинов в помощь». Отвечала Ольга послам так: «Скажите: если ты так же постоишь у меня в Почайне, как я в Суду (т. е. в Золотом Роге.— А. Н.), тогда дам тебе». И с этим отпустила послов.

Жила Ольга с сыном своим Святославом, и уговаривала его мать креститься, но пренебрегал он этим и уши затыкал; однако, если кто хотел креститься, не возбранял тому, но издевался над ним. «Некрещеным вера христианская уродством представляется»; «Не смыслят они, не разумеют, во тьме ходя», и не понимают славы Господа. «Ожирели сердца их, трудно ушами слышать, а очами видеть». Сказал Соломон: «Дела нечестивых далеки от мудрости», «потому что я звал вас и не послушали вы меня. Так вот и Ольга часто говорила: «Сын мой, я познала Бога и радуюсь; вот и ты, если познаешь, тоже начнешь радоваться». Он же, не слушая сего, говорил: «Как я могу захотеть один веру переменить? Мои дружинники этому смеяться будут!» Она же говорила ему: «Если ты крестишься, все так же сделают».

Он же, не слушая матери, жил по языческим обычаям, не зная, что если кто матери не слушает, попадает в беду, как сказано: «Если кто отца или матери не слушает, то смерть примет». Он же к тому еще и сердился на мать. Соломон говорил: «Укоряющий злых примет и себе досаду, обличающий нечестивого говорит на свое (поругание); потому что обличения нечестивых для них болезненны. Не обличай злых, чтобы они тебя не возненавидели». Но Ольга любила своего сына Святослава, когда говорила: «Да будет воля Божия. Если Бог захочет помиловать потомков моих и землю русскую, да повелит их сердцем обратиться к Богу, как это было и мне даровано». И говоря так, молилась за сына и за людей его все дни и ночи, заботясь о своем сыне до его возмужания».

ПРАМАТЕРЬ ВСЕХ КНЯЗЕЙ РУССКИХ

Андрей НИКИТИН

«...Блажен еси и преблажен Богом препрославленный граде Пскове, яко вседильный Бог от страны твоея произведе и породи нам таковый чудный плод благоцветущий, блаженную Ольгу. Блажени есмы и мы, сподобившеся от Бога получити таковый благоплодный царствиеиный зрелый сад, благочестием умноженный, и премудрый и пресладкий добродетельми, и добролиственный благоуправлением, имже мы вси, яко благосенно лиственным древом покрываеми, от всякого вреда вражия избавляемся душевне и телесне, от него же пресладкого вкуса богоразумия насыщаеми веселимся...» .

Такими словами русский художник XVI века завершил вступительную статью к пространному поэтическому и нравоучительному повествованию о жизни и подвигах древнерусской княгини Ольги. И надо сказать, героиня повести его заслужила.

Жена «Игоря Старого», как именует его «Слово о законе и благодати», мать Святослава Игоревича, ставшего в определенной мере фигурой легендарной, бабка «равноапостольного» Владимира Святого, окончательно утвердившего на Руси христианство и церковь, княгиня Ольга по праву занимает совершенно исключительное место в русской истории. В пантеон русских святых она вошла значительно раньше, чем был канонизирован ее внук, освятив тем самым и свое языческое имя.

Но если заслуга Ольги в сфере церковной не вызывает сомнений, то столь же величественной предстает ее фигура на фоне политической истории России: до XVIII века она остается единственной самодержавной правительницей — прекрасным администратором и талантливым дипломатом.

И все же очень многое в ее истории для нас остается неясным.

Больше всего подробностей о жизни и деятельности княгини можно обнаружить в уже цитированной «Книге Степенной», в «Житии святой блаженной равноапостольной, премудростию славной, великой княгини Ольги, нареченной во святом крещении Елены, первой обратившейся от рускаго рода своим благочестием к Богу, и о мужественном и о подвиге, и как в Царствующем граде получила святое крещение, и о смерти ее, и о перенесении многочудесных и нетленных мощей ее, и отчасти похвала».

Обширное сочинение, составленное с привлечением всех доступных источников, в первую очередь «Повести временных лет», затем церковного предания и — по-видимому — местных псковских легенд, тогда же, в первой половине XVI века стало своеобразным «введением» в «Книгу Степенную царского родословия...»[1] Она была составлена во времена Ивана IV. В ней излагалась история русских князей, обработанная под углом зрения церкви. Авторы и редакторы «Книги Степенной...» сделали княгиню (в полном соответствии с заголовком одного из самых древних списков ее жития) не только «праматерью всех князей русских», но, по сути дела, основоположницей русского государства и русской церкви.

Можно сказать, что именно в «Книге Степенной» образ княгини обрел свою литературно-историческую законченность, получил истинную канонизацию, а сам текст в сознании последующих историков в значительной мере потеснил свой летописный источник. Вот почему и нам с этого жития стоит начать свой путь в X век.

В нем мы находим, с одной стороны, законченный литературный портрет княгини, а с другой — наиболее отчетливо выраженную церковно-государственную тенденцию, переносящую при рассмотрении генеалогический акцент первой русской династии с Рюрика на Игоря и Ольгу. Не потому ли, что Рюрик, пусть даже состоявший в родстве с «Августом кесарем» (как утверждали историографы Ивана IV), тем не менее оставался человеком неизвестным? К тому же он был скорее всего язычником, а Ольгу принял византийский император и нарек своей «дщерью»; ее крестил константинопольский патриарх.

Более того. Достоверность существования Ольги и ее поездка в Царьград подтверждалась не только летописью, но и свидетельством новгородского архиепископа Антония (в миру Добрыни Ядрейковича), видевшего в 1200 году в ризнице св. Софии в Константинополе драгоценное блюдо, полученное патриархом от Ольги.

Между тем, происхождение самой Ольги и тогда, когда автор жития сделал ее современницей императора Льва IV Мудрого (881—912) и его брата Александра (912—913), и теперь, когда нам известно значительно больше, остается неясным. «Повесть временных лет» утверждает, что Игорю ее привел «в лето 6411» (т. е. в 903 г.) «из града Плескова» Олег, воспитатель князя, по одной из версий — близкий родственник Рюрика. «Книга Степенная» уточняет и дополняет эти слова, конкретизируя происхождение Ольги от «Плесковской страны», от «веси Выбутской, от языка варяжска, от рода же не княжеска ни вельможска, но от простых людей». Указание это вполне согласуется с тем фактом, что как в собственно псковских летописях, так и в новгородских мы находим устойчивое написание имени Пскова в виде «Плескова» вплоть до середины XIV века.

Картина встречи Игоря с Ольгой в «Житии» описана в самых романтических тонах и представляет собой одну из самых ярких страниц в истории русской художественной литературы.

Молодой князь тешился охотой «в области Псковской», хотел перебраться через реку, увидел «некоего плывущего» в лодке, подозвал его и, только отъехав от берега, обнаружил, что его везет девушка поразительной красоты. Воспламенившись желанием, князь стал думать, как ему овладеть ею, но перевозчица оказалась не только красива, но целомудренна и умна. Проникновенными, глубоко запавшими в сердце князя речами, она сумела погасить его похоть, напомнить о княжеском достоинстве и задуматься о своем предназначении как главы государства (как видно, Ольга хорошо знала, кого везет). Игорь расстался с нею, унося в памяти ее слова и прекрасный образ. Когда же ему пришло время выбирать невесту, он вспомнил «дивную в девицах» Ольгу, послал за ней «сродника своего князя Олега», же-

[1] Книга Степенная царскаго родословия, содержащая историю российскую с начала оныя до времен государя царя и великого князя Иоанна Васильевича. Ч. 1. М., 1775. С. 6.

нился и сделал незнатную псковитянку великой русской княгиней.

Как показывает история, выбор оказался в высшей степени удачным.

Авторы «Жития» интересовались Игорем меньше, чем автор «Повести временных лет». В «Житии» Ольги Игорь проходит как бы тенью, возникая лишь в завязке очередного сюжета. Столь же мало внимания уделено и семейной жизни княгини. Читатель узнает только, что после женитьбы Игорь отправился на греков, а по возвращении из похода у него родился Святослав. Вскоре Игорь был убит древлянами, но как далеко это событие отстояло от предыдущего — неизвестно. Точно так же авторы «Жития» умалчивают и о причине Игоревой смерти, подчеркивая лишь «злоумышление» на Игоря древлянского князя Мала, желавшего получить по смерти князя его вдову.

Здесь нам поневоле приходится обратиться к «Повести...», которой в общем-то довольно точно следует «Житие», лишь перерабатывая ее в плане нравоучительном, заменяя жесткий лаконизм реплик и кратких диалогов пространными речами в духе средневекового сентиментализма. И хотя плач Ольги по убитому мужу своей художественностью вполне соответствует сцене знакомства Игоря с Ольгой, нам, интересующимся фактической канвой событий, лучше напомнить о них читателям по летописи.

Гибель Игоря произошла отнюдь не в результате козней древлянского князя, а из-за ненасытной жадности самого Игоря. Вернувшись после заключения мира с греками, Игорь вздумал собрать вторую дань с древлян, которых уже обобрал его воевода Свенельд. Но и этого ему показалось мало. Отправив добычу в Киев, Игорь решил «походить еще».

Ольга хоронит заживо древлянских послов

Ольга сжигает древлянских послов

На иллюстрациях воспроизведены миниатюры из Радзивиловской летописи.

Война с древлянами

Ольга берет Искоростень

Древляне предупреждали его, что это добром не кончится, но он не послушал их и был убит.

Как и в «Житии», в «Повести...» этот сюжет был лишь увертюрой к яркой и впечатляющей картине мести Ольги за мужа. Сначала месть молодой вдовы обрушилась на два посольства древлян, сватавших ее за своего князя Мала. Первое было заживо погребено «на дворе тюремном», второе — сожжено в бане, после чего пять тысяч «лучших мужей» древлянских было ею избито на тризне по Игорю у стен древлянской столицы Искоростеня. На следующий год, выступив вместе с сыном, Ольга уничтожила древлянское войско, сожгла с помощью птиц город, привязав к их ногам горящую паклю, и оставшиеся в живых древляне были пленены и проданы в рабство.

Увенчав свое вступление на престол жестокой победой, Ольга, по свидетельству «Жития», обратилась к делам государственным. Первой ее заботой стала завоеванная древлянская земля, куда ею была назначена новая администрация. Затем Ольга прошла по всей Русской земле вплоть до Новгорода и Пскова, устанавливая везде погосты (административные центры), учреждая дани и оброки. Почему-то особенно запомнилась она на реке Мсте, хотя, возможно, первоначально в тексте стояло не название реки, а выражение «по мсте», то есть «по совершении мести».

Вскоре после того, как Ольга вернулась в Киев, наступил ее «звездный час».

Согласно «Житию», Ольга давно склонялась к христианству, «возненавидев идолов и гнушаясь их». Однако, как утверждает автор, «тогда в стране Русской не было благочестивого учителя» — священника, способного наставить княгиню в новой вере. Последнее не соответствует действительности. Христиане уже были на Руси, они занимали видное положение при дворе Игоря и даже имели свою соборную церковь святого Ильи, куда, как мы знаем из договора Игоря с греками, ходила присягать «христианская Русь».

Поездка в Константинополь и обстоятельства крещения Ольги похожи одновременно на авантюрный роман и на сентиментально-дидактическую повесть. Отправившись в путешест-

вие, «дабы своими очами увидеть красоту службы христианской», Ольга была встречена византийским императором Иоанном Цимисхием. Он был ослеплен ее красотой, умом, восхищен ее решением креститься, и тут же стал домогаться ее руки и сердца. Чтобы обезопасить себя от притязаний императора, Ольга потребовала, чтобы именно он был ее восприемником при крещении: по церковным канонам это полностью исключало возможность матримониальных поползновений последнего.

На Русь великая княгиня вернулась христианкой, со священником, богослужебными книгами и иконами, а также с чудотворным крестом, подобным тому, который принесла из Иерусалима в Константинополь Елена, мать Константина Великого. Ольга вернулась проповедницей новой веры, однако в собственном семействе ее ожидала неудача. Ее сын Святослав, уже достаточно взрослый, чтобы ходить в набеги, категорически отказался принять крещение, ссылаясь, как сказали бы мы сейчас, на общественное мнение — в первую очередь, на мнение его дружинников, которые оставались язычниками.

Крещение Ольги

Стоит заметить, что, начиная с победы Ольги над древлянами, автор «Жития» великой княгини следует схеме летописного рассказа, за небольшими исключениями не вводя в него новых эпизодов, но «распространяя» уже имеющиеся — превращая брошенную вскользь реплику в пространный монолог, полный цветистого красноречия и нравоучительных сентенций. То же нежелание Святослава креститься, изложенное в «Повести...», как всегда, лаконично и точно («смеяться станет надо мной дружина!»), здесь приобрело характер столкновения двух мировоззрений, между которыми лежит пропасть, вырытая «врагом и человеконенавистником» дьяволом.

Знаменательно, что известная летописная характеристика Святослава, рисующая образ идеального воина, неприхотливого в быту, всю жизнь проводящего в походах и набегах, здесь превращается в краткое и энергичное о нем суждение: «Сын же ее великий князь Святослав, яко зверь был обычаем... не смыслил, не разумел, во тьме ходя и не желая видеть славы Господа». Или, еще короче: «зверским нравом живый».

Изображенный таким образом характер Святослава позволил автору «Жития» по контрасту создать идеальный образ его матери — женщины-правительницы, заронившей семена христианской проповеди в сердце своего любимого внука Владимира, который в конце концов завершил на Руси начатое ею дело.

После Константинополя, она посетила родные места, на слиянии рек Псковы и Великой водрузила крест (по-видимому, следуя примеру апостола Андрея, который, согласно летописной легенде, водрузил крест на горах Киевских) в ознаменование будущего града Пскова.

Не ограничившись этим, она по возвращении в Киев послала — как если бы город был уже заложен! — «много злата на Плескову реку», предназначенного для строительства церкви Святой Живоначальной Троицы — храма, ставшего для псковичей таким же символом своего города и республики, каким для новгородцев была София. Конечно, водружение креста и строительство храма — лишь проявление местного псковского патриотизма, утверждавшего таким образом первенство псковской святыни не только перед новгородским и киевским Софийскими соборами, но даже перед Десятинной церковью Киева, основанной Владимиром Святым...

Ольга скончалась 11 июля 969 года, завещав похоронить ее по христианскому обряду, не насыпая над могилой холма и не творя языческой тризны, но послав патриарху в Константинополь «злато» на поминовение души. Так и было сделано. Примерно четверть века спустя или несколько позже внук Ольги, Владимир Святославович, завершив «крещение Руси», торжественно перенес останки своей бабки в только что построенную Десятинную церковь. По словам автора «Жития», мощи «равноапостольской» княгини лежали в специальном склепе с окошечком, которое — как сообщает туманное предание — открывалось лишь для искренне верующих. Мощи исчезли, по-видимому, во время монгольского нашествия.

И все же не чудеса, исходившие от нетленных мощей Ольги, о которых упоминают авторы «Жития» и похвальных слов, а земная жизнь древнерусской княгини, ее политический авторитет и незаурядный ум утвердили представление о ней как об исключительной женщине, оставившей после себя почтительную память и романизированное жизнеописание.

Насколько оно реально? Что здесь соответствует действительности, а что привнесено церковными авторами?

Вопрос далеко не праздный. От выяснения обстоятельств жизни и деятельности русской княгини, последовательности и содержания событий, о которых так различно рассказывают ее «Житие» и «Повесть временных лет», зависит решение многих кардинальных вопросов русской истории X века. Ведь история Ольги — это история Рюрика и его преемников: Олега, Игоря и Святослава, то есть история возникновения древнерусского государства и его взаимоотношений с другими народами Восточной Европы — славянами, греками, скандинавами и тюрками. Это еще и история утверждения на русской земле христианства, формирования древнерусской культуры — от письменности, градостроительства, храмового зодчества, ювелирного дела до государственных институтов, дипломатической службы, торговых корпораций, институтов права и фиска... И все это укладывается всего в один век — от появления Рюрика на страницах летописи до смерти Святослава в 971 году.

Ольга становится «стержневой» фигурой если не всей «Повести временных лет», то легко выделяемого из нее «Сказания о первых князьях», возникшего гораздо раньше, чем даже «Начальный свод», реконструированный А. А. Шахматовым. Возможно, «Сказание...» начиналось приходом Рюрика на Русь, а заканчивалось утверждением христианства Владимиром, хотя можно допустить, что первый вариант его охватывал период от правления Олега до гибели Святослава.

И вот что удивительно: воюет с греками Олег, прибивая свой щит на врата Царьграда, идет на греков Игорь, чтобы потом пасть от мечей древлян, ходит в походы Святослав, утверждая «центр своей земли» на Дунае, однако читатель воспринимает все это как исторический «фон» для Ольги, «приведенной» к Игорю и ждавшей только своего часа, чтобы начать «устраивать» Русскую землю, показывая ей дальнейший путь к святому крещению!

Какое же чувство испытывает после этого историк, обнаружив, что большая часть построений «Жития» не находит фактического подтверждения?!

А ведь так оно и есть. Житийная легенда о княгине Ольге расходится не только с реальной историей, но и с «Повестью временных лет». О перепутанности событий в «Житии» можно не говорить: их композиция целиком на совести авторов. Однако с императором Иоанном Цимисхием, который позднее наголову разбил Святослава под Доростолом, Ольга никак встретиться не могла: Цимисхий вступил на византийский престол примерно через полгода после ее смерти. Ольгу принимал в Константинополе и оставил описание этого приема император Константин VII Багрянородный. Однако (и это стало источником бесконечных споров историков!) он ни словом не упомянул о ее крещении. Более того, как следует из составленного им описания приема, русскую княгиню сопровождал в этой поездке священник, тем самым молчаливо свидетельствуя о христианстве Ольги.

Но так ли это?

Недоуменные вопросы возникают и при обсуждении происхождения русской княгини. Давно доказано, что «весь Выбутская» до XV века не существовала, а серьезным соперником Пскова-Плескова оказывается древняя столица Первого Болгарского царства Плиска-Плескова. И не только из-за совпадения имен. В одном из рукописных сборников XV века, принадлежавшем А. С. Уварову, сохранилось известие, что «Игоря же (Олег) жени в Болгарех, поят за него княжну именем Олгу. И бе мудра велми...»[2] Факт чрезвычайно важный, на него обращали внимание многие наши историки, такие как Д. И. Иловайский и М. Н. Тихомиров. Но если его принять, как относиться тогда к другим утверждениям «Жития»?

Сомнения вызывает и рассказ о жестокой мести Ольги за мужа, заимствованный целиком из «Повести...» и вошедший во все хрестоматии по русской истории. Сама гибель Игоря

Погребение Ольги

от руки древлян очевидна, ее подтверждает один из греческих источников, современных Святославу, правда, с весьма серьезными коррективами, на которых я остановлюсь в своем месте. Однако тройное мщение Ольги давно поставлено под сомнение — как с литературной, так и с фактической стороны. Дело даже не в правдоподобии. Описание вполне соответствует нравам эпохи. Ольга не только могла — она была обязана мстить древлянам за гибель мужа, могла захватить первую группу послов (хотя и это сомнительно — послов всегда защищала их неприкосновенность!), могла сжечь их в бане, закопать живыми в землю, перебить... Но нельзя представить, что одна группа древлянской знати за другой шла на гибель, не догадываясь об этом и даже не интересуясь, что случилось с их предшественниками.

Доказательством литературности, фантастичности самой мести служит и сюжет с сожжением города древлян Искоростеня при помощи птиц. Убедившись в бесполезности осады города, Ольга применила хитрость: объявила древлянам, что удовлетворена местью, согласилась по-прежнему брать с них дань, а на первый раз потребовала от каждого дома голубей и воробьев — «для лекарства от глазной болезни», как объяснено в «Летописце Переяславля Суздальского». К птицам воины Ольги привязали тряпки с зажженным трутом, и когда вечером птицы полетели в свои гнезда, город запылал...

Но все это уже описывалось — и неоднократно — в самых различных произведениях средневековья![3] Достаточно упомянуть, что по словам Снорри Стурлусона, именно таким образом овладевает каким-то городом в Сицилии Харальд Суровый[4], и ту же самую хитрость Саксон Грамматик приписывает девятому королю Дании, Фротону I, взявшему таким способом «город Гандуван»[5].

Однако самый серьезный удар по житию (и летописи!) наносит хронология, наиболее полно представленная в Лаврентьевском и Ипатьевском летописных сводах, тогда как в «Книге Степенной» мы обнаруживаем лишь ее итоги: Ольга умерла в 969 году, через пятнадцать лет после крещения, а до крещения прошло десять лет со дня смерти Игоря. Выходит, что Игорь был убит в 945 году, а крестилась Ольга в 955 году...

И это при том, что Олег «привел» ее Игорю в 903 году?!

К моменту выхода замуж Ольге должно было быть не меньше 13—14 лет, что считалось тогда брачным возрастом. Однако все согласны, что Святослав родился после похода Игоря на греков в 941 году: после смерти отца, как говорит «Повесть...», он был вельми «детеск», то есть «очень мал». Сидя на коне, и поддерживаемый с двух сторон воеводой Свенельдом и своим воспитателем Асмудом, Святослав не имел сил даже поднять копье — оно выпало у него из рук. Все это указывает, что Святослав родился не раньше 942 года, когда Ольге было уже 52—53 года! Если и в наши дни столь позднее рождение первенца вызывает удивление, то в ту эпоху подобное представить просто невозможно. Женщина в этом возрасте считалась дряхлой старухой, и так оно нередко и было.

Разительное несоответствие хронологии интересующего нас периода открывается и при сравнении двух летописных традиций — южно-русской, представленной Лаврентьевским, Ипатьевским, Радзивиловским летописными сводами, и северо-русской (новгородской), которая представлена Новгородской Первой летописью «младшего извода». В последней не только отсутствуют все даты событий между 854 и 920 годами, но расхождение в датировках последующих событий достигает тринадцати лет. Если же рассматривать даты и события за весь период жизни Ольги, то единственную точную календарную дату мы обнаруживаем в договоре Олега с греками — 2 сентября 6420 (т. е. 912) года — которая при переводе на наше исчисление требует тоже изменения в связи с указанным там же «15-м индиктом»: индикт начинался вместе с годом 1 сентября и 2 сентября 912 г. приходится на 6421 год и 1-й индикт.

Первой действительно согласованной датой северного и южного летописания оказывается 955 год — год путешествия княгини Ольги в Константинополь. Здесь впервые сходятся хронологические ряды, разошедшиеся еще при определении даты «начала» Русской земли. В свою оче-

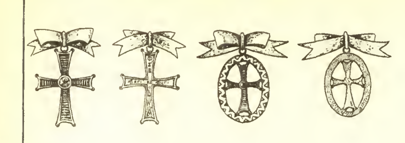
---

[2] «Русская старина». Июль 1888. С. 217.

[3] Приводимый А. Никитиным факт может быть осмыслен иначе: не как литературное заимствование, а как подражание самой Ольги (Хельги!) примерам, известным ей от своих северных родственников. При таком толковании достоверность «Жития» повышается. (Прим. ред.).

[4] С. Стурлусон. Круг земной. М., 1980. С. 405.

[5] Ф. Л. Морошкин. Историко-критические исследования о руссах и славянах. СПб. С. 45.

В январе 1913 года, накануне празднования 300-летия дома Романовых, Общество святой Ольги предложило учредить особый орден — Имени древнерусской княгини. Орден был утвержден Николаем II в 1914 году. В разработке эскизов этой награды принимала участие императрица Александра Федоровна. В числе заслуг, за которые могли быть отмечены Знаком отличия святой Ольги, был пункт: «...матерям героев, оказавших подвиги, достойные увековечения в летописях Отечества». Единственной женщиной, награжденной этим орденом, была Вера Николаевна Панаева, потерявшая в первой мировой войне трех сыновей. Все трое были Георгиевскими кавалерами.

редь, это заставляет думать, что именно поездка княгини в Константинополь была главным моментом ее биографии. Значит ли это, что все остальное домыслил автор «Сказания о первых князьях»? Однако и эта дата, как я покажу в дальнейшем, потребовала скрупулезной проверки и оказалась неверной...

Так что же скрывается за разночтениями хронологии и самих событий в летописных сводах: простое сокращение, вызванное небрежным обращением с источниками, собственный взгляд на историю одного из редакторов свода или отражение определенной историографической традиции?

Растерянность вполне оправдана. Если сравнить хронологию Лаврентьевского свода с Новгородской «Первой летописью», окажется, что последний морской поход Олега на Царьград с 907 года в Новгородской летописи переместился в 922 год, на пятнадцать лет позже и, что особенно важно, по смыслу текста произошел уже после рождения Святослава. Само появление Святослава на свет в новгородской версии произошло вскоре после женитьбы Игоря на Ольге, что вполне закономерно. Однако все это вступает в резкое противоречие с указанием южнорусской летописной традиции на младенческий возраст Святослава к моменту похода Ольги на древлян: по новому раскладу дат в 946 г. ему должно быть около 25 лет, что не согласуется уже ни с чем дальнейшим...

Чтобы попытаться решить вставшие здесь вопросы, мешающие разобраться в переплетении исторических фактов, домыслов и прямого вымысла, которые мешают увидеть реальный облик Ольги и оценить ее деятельность, историк должен вернуться к истокам событий. И в первую очередь — к личности человека, который, если следовать «Повести временных лет», был основателем династии и самого древнерусского государства (причем не в Киеве, а в Новгороде) и оставил по себе память столь смутную, что многие исследователи вообще сомневаются в существовании этого персонажа.

Речь идет о Рюрике.

Святые женщины в православной иконе

КОНСТАНТИН и ЕЛЕНА, равноапостольные царь и царица. День памяти — 3 июня. Елена (скончалась в 327 г.), приняв христианскую веру, приобщила к ней своего сына Константина (скончался в 337 г.), и он стал первым христианским императором Рима. По церковному преданию, святая Елена сподобилась найти вблизи Иерусалима тот самый крест, на котором был распят Иисус Христос.

ПАРАСКЕВА (III в.) — великомученица, именуемая Пятница. День памяти — 10 ноября (даты указаны по новому стилю). Дочь богатых римлян. В юности стала христианкой и дала обет безбрачия. Во время гонений императора Диоклетиана на христиан была приведена на суд к правителю области, на предложение отречься от Христа и стать его супругой ответила отказом. В наказание за верность избранному пути ей отрубили голову.

Св. Параскеву очень чтили на Руси. Сохранилось много ее изображений, древнерусские княгини нередко получали при крещении ее имя.

ФЕВРОНИЯ, святая благоверная княгиня Муромская, в монашестве Ефросиния. Супруга князя Муромского Петра Георгиевича (в монашестве Давид). Оба скончались в один год — 1228. День памяти Петра и Февронии — 8 июля. Подробно их жизнь описана в знаменитой «Повести о Петре и Февронии», но насколько достоверны содержащиеся в этом произведении сведения, неизвестно.

ЗАХАРИЯ и ЕЛИСАВЕТА, родители Иоанна Крестителя. День памяти — 18 сентября. До самой старости у них не было детей. Но уже в преклонных годах священник Захария, во время службы в храме, получил обетование от ангела о зачатии сына. (Лк., 1,55—25).

На нашей обложке воспроизводится редкий иконографический сюжет, изображающий супружеское объятие.

ИЗ «ПОВЕСТИ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ» (XVI в.)

Когда подошло время их благочестивого преставления, умоляли они Бога, чтобы им умереть в одно и то же время. И завещали они положить их обоих в одном гробу. И велели они сделать в одном камне два гроба, имеющих между собою одну перегородку. Сами же они одновременно облеклись в монашеские одежды...

После их смерти хотели люди положить блаженного князя Петра внутри города у соборной церкви пречистой Богородицы, Февронию же — вне города в женском монастыре у церкви Воздвиженья честного креста, говоря, что в монашеском образе нельзя положить святых в одном гробе. И сделали им отдельные гробы, и положили в них тела: святого Петра, названного Давидом, положили в от-

Окончание на с. 10

Академик Д.С. ЛИХАЧЕВ:
«Женщина на Руси не была униженной!»

Из беседы с корреспондентом журнала Александром Романовым

— Дмитрий Сергеевич, в мартовском номере нашего журнала, традиционно посвященном женщине, центральной фигурой оказалась княгиня Ольга. Без вашего слова об этой равноапостольной святой, выдающейся деятельнице русской истории, родоначальнице женских правлений в нашем государстве, не обойтись.

— Для меня княгиня Ольга — своеобразный символ матриархата. Спокойная, уравновешенная женщина, прозорливая правительница, проявляющая при этом и мудрость, и твердость, и отвагу. Об этом говорит и ее отношение к войне, лишениям. А вспомним исполненное особой сложности путешествие к византийскому императору — она отлично владела искусством дипломатии. Все эти качества, документально подтвержденные, вполне доказывают, что женщина на Руси не была униженной. Тому примеры — и Ефросинья Полоцкая, и княгиня Мария, руководившая восстанием против орды. А более поздний образ — Феодосия Морозова, боярыня, оказавшаяся одним из главных действующих лиц трагедии раскола. На мой взгляд, это была не менее значительная фигура, чем протопоп Аввакум. Кстати, вопреки бытующему (конечно, благодаря знаменитому полотну Сурикова) представлению о ней как о фанатичке, чуждой радостям жизни, ее переписка с Аввакумом, другие источники рисуют нам ее как прекрасную мать, хлебосольную хозяйку, вообще поразительно одаренную русскую женщину, с ярким, живым умом, бесспорно преобладавшим над чувствами, сколь сильными они ни были.

Удивительно, как все эти замечательные женщины владели словом. В летописях переданы слова Ольги, которые и сегодня воспринимаются как афоризмы. В X—XI веках изречения вообще ценились высоко, ибо, как правило, на их основе заключались даже военные государственные договоры. «Где святая София, там и Новгород»,— сказала она. И еще: «Не быть Торжку на месте Новгорода!». Это поистине княжеская, вечевая речь. Ольга — первая из русских князей, поставившая себя наравне с византийским императором. Не случайно и церковь причислила ее к лику святых как первую христианку среди князей. Надо понять, что принятие христианства в те времена означало прорыв вперед. Ее сын Святослав отказался от новой веры, боясь, что дружина начнет смеяться над ним.

Княгиня-мать оказалась выше предрассудков времени.

Летописное предание об Ольге сложилось лишь через несколько десятилетий после ее смерти.

В 1037 году Ярослав Мудрый добился учреждения в Киеве особой митрополии константинопольского патриархата, что поднимало международный престиж Русской земли. Он стремился к расширению прав митрополии, постепенного ее освобождения из-под опеки и патриарха, и византийского императора. Ярослав понимал и то, что для самостоятельности русской церкви необходимы русские святые и упорно настаивал на канонизации княгини Ольги, варягов-христиан, убитых язычниками в Киеве при Владимире, и своих братьев — Бориса и Глеба. Император упорствовал — и согласился лишь на братьев князя. Но уже и одно это придало княжеской власти ореол святости.

В это время и возник летописный свод 1037—1039 годов, в котором сказание о крещении Ольги легко отделяется от привнесенных в него народных преданий. Они заметны в известном летописном эпизоде о том, как Ольга обманула царя в самый момент крещения. С рассказом о крещении связано повествование о кончине Ольги. «Сей похорони блаженную Ольгу. Си бысть предътекущия крестьяньстей земли, акы деньница пред солнцемъ...». «...Сию бо хвалят рустие сынове аки начальницю... Се бо вси человеци прославляють (бога), видяще(ю) лежащю в теле на многа лета» (Лаврентьевская летопись, 969 год).

Очень близки сказания о крещении Ольги и крещении Руси. Эта похвала Ольге и по существу, и стилистически схожа с похвалой Владимиру. Подчеркну еще раз — сравнение Ольги с царицей Еленой поддерживается сравнением Владимира с Константином. Ибо дело Ольги и Владимира — для Руси то же, что дело равноапостольных Елены и Константина — для Византии.

Сказание об Ольге своеобразно проецировало будущее крещение Руси. Княгиня молится о просвещении земли русской крещением. Летописное сказание постоянно ссылается на нее как на первую русскую христианку, хотя фактически она была далеко не первой. Жизненный пример Ольги, принявшей христианство, для Владимира — такой же стимул к крещению, как для киевлян пример самого Владимира. Ольга, как «деньница пред сонцем», как «заря пред светом», предшествует Владимиру, чье дело развил и умножил Ярослав Мудрый.

Начало на с. 9

дельный гроб и поставили его в церкви святой Богородицы в городе до утра, тело же святой Февронии, названной Ефросиньей, положили в отдельный гроб и поставили вне города в церкви Воздвижения честного и животворящего креста. Общий же гроб, который они повелели сами себе вытесать в одном камне, стоял пустой в том же храме соборной пречистой церкви, что внутри города. Утром, проснувшись, люди нашли их отдельные гробы, в которые их положили, пустыми. Святые же их тела нашли внутри города в соборной церкви пречистой Богородицы в едином гробу, который они сами себе велели сделать. Неразумные люди, как при жизни их мятущиеся, так и после честного их преставления, опять переложили их тела в отдельные гробы и снова разнесли. И вновь наутро оказались святые в едином гробу. И после этого уже не смели прикасаться к их святым телам и положили их в едином гробу, в котором они сами велели, у соборной церкви Рождества Пресвятой Богородицы внутри города (Мурома)...

ФИЛОСОФСКИЕ ЧТЕНИЯ

СВЯТЫНЯ или ПРИЗРАК?

Размышления о природе авторитарного сознания и свободе воли

П. С. ГУРЕВИЧ,
доктор философических наук

Люди по-разному относятся к свободе. В древних Афинах Сократ, приговоренный к смерти, сам выпил бокал с ядом. Так требовало его человеческое достоинство. Однако в ту же пору подданный восточной империи почитал за счастье возможность раствориться в величии монарха, не дорожа ни личной гордостью, ни независимостью.

В восточных деспотиях индивидуальность, уникальность личности рассматривались не как ценность, а напротив, как зло, как помеха, а человек — лишь как материал, который содействует приобщению к высшим, внеличностным ценностям. Сознание такого типа естественно тяготеет к власти, полагая, что власть и есть выражение искомого абсолюта.

Но, может быть, именно в этом устремлении к безличным установлениям человек и черпает жизненные силы? Неоднократно в европейской культуре, вплоть до наших дней, возрождается обостренная тяга к язычеству с его культом рода, деспотической опекой. Вытесненное христианством, язычество постоянно напоминает о себе. И происходит это отнюдь не из тоски по языческим идолам, а скорее из потребности в сильной власти, в вожде.

По мнению В. Соловьева, упадок средневекового миросозерцания обусловлен именно тем, что оно и связанный с ним строй жизни, как на Западе, так и на Востоке, представляют собой исторический компромисс между христианством и язычеством. Этот компромисс, по его мнению, имеет характер двоеверия или полуверия и ошибочно принимается за само христианство как его противниками, так и защитниками. «В средневековом миросозерцании и жизненном строе,— пишет В. Соловьев,— новое духовное начало не овладело старым языческим: они утвердились во внешнем сопоставлении, и само христианство — вообще и в целом — было принято как внешний факт, а не как задача, разрешаемая собственною нравственной историческою деятельностью человека. В происходящих отсюда противоречиях заключаются коренные причины упадка средневекового миросозерцания»[1].

По мысли философа, вследствие узаконения языческих элементов истина христианской веры перестала быть нормой действительности, превратилась в отвлеченный теоретический догмат, и христианству был придан несвойственный ему характер одностороннего и нетерпимого догматизма.

Язычество — живое воплощение авторитарного сознания. Ведь оно и предполагает обожествление человека, наделение его сверхличностными качествами. Героизация идола, возвышение его над всеми — таков смысл древнего язычества и всех его возрождаемых форм.

Не случайно времена культа Сталина совпали с восхвалением язычества, а христианство в ту пору трактовалось как религия рабов. При этом совершенно игнорировался его вклад в развитие европейской и мировой культуры, а главное — в укрепление веры как духовного достояния человека, его уникального свойства. В язычестве же всячески подчеркивалось то, что служило возвеличиванию вождя и воителя.

Идеализация язычества — явление, присущее отнюдь не исключительно русской или славянской культуре. Свидетельство тому — «новые правые» в современной Франции, связывающие рождение первой формы гуманизма с вторжением из Центральной Азии в Китай, Индию, в Европу кочевых народов, которые принесли с собою особый арийский дух.

Как-то в беседе с Луи Повелем — одним из лидеров «новых правых» я спросил, можно ли представить себе гуманизм без суверенной личности. Отвечая мне, французский философ обрушился на стойкий стереотип, укоренившийся в западном сознании, культ индивидуализма.

— Но ведь сама идея гуманизма,— сказал я,— предполагает возвышение человека как автономного, самостоятельного существа.

— На путях индивидуализма человек не может обрести счастья и благоденствия. Индивид может ощутить свою самостийность только внутри культуры, а не в собственной суверенности.

Вступая в противоречие с европейской гуманистической традицией, согласно которой гуманизм невозможен без свободной, независимой личности, «новые правые» утверждают, будто гуманизация мира осуществима только на путях возрождения язычества и растворения человека в корневой общности, каковой является культура, раса, наука.

Однако любая программа культурного ренессанса не может реализоваться безлично. Если культура, как это признают и «новые правые», имеет человеческое измерение, то ее обогащение может осуществляться только через становление личности. Всякий иной путь ведет лишь к абстрактному конституированию «духа культуры», умозрительному обнаружению в нем «достойных» качеств. Не культура возвышает человека, а человек творит культуру.

Пока человек оставался в лоне язычества, пока он был слит с космосом, не существовало и гуманизма как специфического духовного умонастроения. В античной культуре индивид лишь частичка «космоса», подражание ему.

Чтобы подойти к тайне человека, дающей ростки гуманизма, противостоящего диктату авторитарности, надо, прежде всего, исторически отделить индивид от космоса, от всеобщей субстанции. Древние греки сделали только шаг на этом пути. Но шаг весьма значительный. Казалось бы, совершенно очевидно: без живого индивида, наделенного телесностью, разумом, чувствами, человеколюбие утрачивает свою основу. Можно ли возвышать человека, который утрачивает свою основу? Можно ли возвышать человека, который добровольно бежит от свободы, обожествляет власть?

Среди современных версий гуманизма немало, однако, и таких, которые выносят за скобки именно человека. Поклонники информатизации общества размышляют порою о том, что можно, скажем, сконструировать некое бесплотное существо, которое станет воплощением разума и вместе с тем раскроет возможности человека. То, что советский писатель-фантаст А. Беляев считал предостережением, в наши дни рождает энтузиазм ревнителей информации.

Что касается христианства, то именно оно продемонстрировало некую дискредитацию человеческого тела, именно в нем оформилась идея «греховности плоти». Но вот противоречие: христианство, принижающее

Окончание на с. 26

Первую статью П. С. Гуревича об авторитарном сознании см. в нашем журнале № 7, 1990.

[1] *Соловьев Вл. Положение к чтению Владимира Соловьева в Психологическом обществе о причинах упадка средневекового миросозерцания. — Советская культура. 8 апреля 1989 г.*

«И ВОЗЗОВЕТ ПРОШЕДШЕЕ...»

Русской православной церкви возвращены 34 монастыря. Среди них знаменитый некогда Иосифо-Волоколамский. Сейчас он восстанавливается. Обретет ли обитель прежнюю славу и величие? Или ей уготована иная судьба? Мы решили обратиться к этой теме — к истории и нынешнему дню монастыря, когда решается его будущее. И не ведая наших планов, нас поддержали читатели. «Очень хочется узнать побольше об Иосифо-Волоколамском монастыре. Я учился в школе, расположенной на его территории, три года, а толком что-то разузнать о нем так и не смог. Я свидетель того, как отсюда грузовиками вывозили после войны какие-то ценности. Интересно, что это было?» — это строки из письма Л. К. Тюрина (Архангельск)...

Колокольня Успенского собора. Фото 1940 г.

Е. ЛАТЫШЕВА

Стены монастырские могут выдержать и натиск кочевнических набегов, и долгую осаду иноземцев Против одного они бессильны — беспризора и людского небрежения. Вынь душу, останови естественный ход вещей — и вот уже крошится, как щепа, многометровая толща, и вековая опора и броня обращается в прах. Как вернуть к жизни разоренные, пришедшие в упадок, закрытые в 20-е годы обители?

Может быть, сравнение. раскинувшегося в монастырской ограде палаточного городка в эмблемах Международного Красного креста с полевым лазаретом покажется слишком прямолинейным, но именно таково первое впечатление от посещения Успенского Иосифо-Волоколамского монастыря летом прошлого года. Это ему на помощь пришел Красный крест (его немецкое отделение) и развернул здесь лагерь по экстремальной модели — такие устраиваются в районах стихийных бедствий: с запасом продовольствия, медикаментов и госпиталем, переделанным, впрочем, для данного случая под столовую. Немецкий Красный крест обеспечил материальную сторону предприятия, о котором пойдет речь.

В мае 1989 года Иосифо-Волоколамский монастырь был передан Московскому Патриархату, а точнее, его Издательскому отделу. Здесь «на базе мужского монастыря» планируется также создать центр «развития религиозных, научных, культурных и туристических контактов»: так сказано в решении Московского областного совета. Осуществление этой идеи, понятно, требовало немалых средств — значит — ищи благодетеля.

Первыми на предложение о сотрудничестве, то есть на призыв о помощи, владыки Питирима, главы Издательского отдела, откликнулись деловые круги ФРГ и правительство земли Рейнланд-Пфальц, а фирма «Вила музыка» взяла на себя расходы по организации и содержанию лагеря для ведения восстановительных работ. Всего немецкая сторона выделила на реставрацию несколько миллионов марок. Так началось совместное предприятие, получившее название «Просветитель».

Уже в конце июня прибыла первая смена добровольных помощников: сто тридцать немцев и русских жили в палатках, ели из одного котла и делали общее дело. По большей части это была самая простая, грубая работа, и они, разнорабочие, таскали доски, вскапывали землю под будущий парк и разбирали завалы в пропахших вековой сыростью монастырских башнях. Расчищая запущенную территорию, они готовили площадку для будущей смены — строителей-мастеров. Позже немцев сменили американцы — это было проявление доброй воли Всемирного Совета церквей. Есть договоренность о продолжении работ и на нынешний год. Как сказано в Великой Книге: ищите и обрящете, просите и дано вам будет...

Пять веков прошло с тех пор, как сорокалетний игумен Иосиф (в миру Иван Санин) на им же расчищенном от леса месте, на стрелке двух рек, поставил большой деревянный крест и положил быть здесь новой обители. Тесны оказались игумену стены прежнего Боровского монастыря, где сам основатель его, старец Пафнутий, назначил Иосифа своим преемником. Особым усердием и рачительностью о монастырском хозяйстве отличался этот инок, а самую тяжелую работу — колол, рубил, вручную молол зерно, пек хлеб на всех — делал играючи, за что и выделен был среди прочих. Сам неся строжайшие послушания, пробовал было Иосиф по смерти Пафнутия ввести жесткий порядок и для всей братии, да воспротивилась она железному уставу, и, оставив Боровский монастырь, удалился игумен в глухие волоколамские леса, дабы основать новую пустынь, и уже в скором времени суждено ему было прославиться на всю Россию под именем Иосифа Волоцкого.

Намерению своему твердокаменный игумен не изменил: его общежительный устав для монахов был строг до крайности. Вначале так и было — сидели на хлебе и воде, ходили в рубище, а трудились от зари до зари. Под страхом изгнания из монастыря запрещалось принимать в келью меды, пиво и вино или ходить за чем-либо в деревню. Ослушников отлучали от трапезы, а, бывало, от церкви. Женщинам вход в обитель был заказан, и потому, дабы не делать никаких исключений, Иосиф не виделся даже с собственной матерью. Так пытался он воскресить предание о праведной иноческой жизни, следуя завету Сергия Радонежского.

Поступающие в монастырь давали обет нищеты, отказываясь от всякого имущества, но одновременно каждый из них становился «коллективным» владетелем монастырских вотчин и немалых богатств. Казна монастыря составлялась главным образом из вкладов на помин души, «чтоб душа во веки беспамятна не была». Многие окрестные обыватели с наступлением старости принимали постриг и отдавали в монастырь все, что имели. Родовитые же князья и бояре, заботясь о душе, за посмертное поминовение жаловали монастырю деревеньку с крестьянами и разные доходные угодья. «А с нищих Бог не берет, а с каждого богатого будет взято по его средствам»,— поучал Иосиф Волоцкий в «Послании к княгине Голениной». И приводил в пример иных доброделателей: «А владыко новгородский Геннадий дал монастырю сельцо Мечевское, да два деревни, да сельцо Чемесово в Рузе, да колокол за сто рублей. А князь Семен Иванович Бельский прислал двести рублей и велел узнать, где монастырю можно купить земли, а велел писать в годовое поминание отца, мать, да себя третьим».

Долг свой перед миром волоцкий игумен помнил и кормил немалое число неимущих, убогих и странных. В неурожайные годы в трапезной монастыря помимо братии сидело по шестьсот-семьсот человек. И голодных своих детей оставляли матери под монастырскими стенами, и не пустовали никогда монастырский странноприимный дом и больница. В одно из таких лихолетий кончился в обители хлеб, и тогда Иосиф сделал займы, и хотя роптали чернецы на этакое расточительство, слава об этом его поступке прокатилась по русской земле, и сам московский князь Василий III ответил на него щедрой помощью. Значит, не пропали втуне увещевания Иосифа, помимо всего прочего писателя и проповедника, о милости к крестьянам: «Писание повелевает рабов, как братию, миловать, питать и одевать и о душах их заботиться, научать на всякие добрые дела; если же рабы и сироты у тебя в такой тесноте, то не только им добрых дел делать, но, умирая с голоду, они не могут удержаться от злых обычаев».

Таким предстает славный волоцкий игумен, по характеристике В. О. Ключевского, «человек порядка и дисциплины, с сильным чутьем действительности и людских отношений, с невысоким мнением о людях и с великой верой в силу устава и навыка, лучше понимавший нужды и слабости людей, чем возвышенные качества и стремления души человеческой... При таком обращении с людьми и делами Иосиф, по его признанию, не имевший ничего своего при поселении в волоколамском лесу, мог оставить после себя один из самых богатых монастырей в тогдашней России».

Не только процветающее, благоустроенное хозяйство и вотчины в пяти центральных уездах, 30 тысяч десятин пахотных земель оставил по себе подвижник, отдавший монастырю 36 лет жизни. Его наследие исчислялось и другими ценностями: монастырский храм Успения Богородицы, расписанный Дионисием; личио составленное собрание икон Андрея Рублева и иконописная мастерская; училище для монахов. Стараниями игумена Иосифо-Волоколамский монастырь стал центром древнерусской книжности. Именно здесь этим своеобразным русским схоластом и доктринером написан знаменитый «Просветитель, или Книга на новгородских

еретиков», состоящий из 16 страстных полемических Слов. Здесь же велись летописи, писались жития святых, составлен грандиозный свод по всемирной истории — «Русский хронограф» 1512 года.

В смутное время Иосифо-Волоколамский монастырь был сильно поврежден и разграблен поляками и свое былое величие потерял. Однако после этого удара обитель возродилась. При царе Алексее Михайловиче монастырь был восстановлен и вплоть до революции 1917 года оставался средоточием хозяйственной и культурной жизни целого района. И ярмарку свою имел, «чтобы прибыло церкви Божией в подможение». И давал работу разному мастеровому люду из окрестных сел — позолотчикам, кровельщикам, резчикам по дереву.

Уже давно известно: если в доме не живут, он быстро ветшает и разрушается. Так и обитель. Как закрыли Иосифо-Волоколамский монастырь в 1922 году, пришел он в запустение. Впрочем, какие-то хозяева временами появлялись. Например, краеведческий музей — ему отошла вся монастырская утварь, не взятая экспедициями Русского музея и Третьяковской галереи, собиравшими по обителям иконы и шитье. Библиотека имени Ленина и Историческая отобрали для себя 400 книжных раритетов, наиболее ценные и древние рукописи, а также монастырский архив. Все остальное отдано было на волю случая.

Располагались здесь детский дом и школа села Теряево. Сами существовавшие на убогие остаточные средства, разве могли они поддерживать в сохранности эти стены? Нет, конечно. Только усугубляли ситуацию своим присутствием. Вездесущие мальчишки, по малолетству и неразумию, изрядно потрепали оставшуюся библиотеку, таская из нее средневековые фолианты для разведения костерков на задворках школы. К 80-м годам детдом вообще пришлось отсюда переселить — закрыла санэпидемстанция.

Пострадал не только сам монастырь — постепенно обезлюдели и близлежащие села. Население их сократилось более чем втрое против дореволюцнонного, да и мудрено ли, если не стало спроса на рабочие руки. Некогда кипучая жизнь сменилась здесь анабиозом.

Окропить бы это место живой-мертвой водой, чтобы очнулась обнтель от летаргии и засияла всеми своими былыми красками! И ведь нельзя сказать, что не пытались, что вовсе равнодушно взирали местные властн на этот медленно-неумолимый распад. Нет, делали,что могли, чтобы поддерживать культурный и экскурсионный «объект» в более или менее благопристойном виде. Двадцать пять лет, с 1964 года, тянулась здесь долгая и мучительная, как китайская пытка, госреставрация. Дв не в чьей-то заботе или, напротив, пренебреженни дело. Бессмысленна сама работа, если ею управляет не хозяин, а бумажный, отчужденный от живых потребностей план, если нет прямой цели, ради которой все делается. Подновили в одном месте, а в другом уже посыпалось. И мастера часто снимались с работ, и, как в бездонную яму, ухали средства. Да и подрядчики брались в основном за ту работу, что выгоднее. Если, например, позолотить купола, можно

Преподобный Иосиф, игумен Волоколамский. Миниатюра XVII в.

сразу освоить большие капиталовложения. И вот — жаром горят на солнце свечи куполов, н фасады красиво побелены, а внутри зданий — тлен и запустение. К 1989 году не было завершено ни одного объекта.

67 лет простоял сиротой Иоснфо-Волоколамский монастырь... Словно отбывая наказание за чьн-то былые грехн. Такие мысли невольно приходят на ум, когда задаешься вопросом: квк могло все это случиться?Не оттого ли еще, что наше священство, пребывая при старом н новом режнмах в рабской зависнмости от государственной власти, оправдывая ее безнравственные предприятия, отиюдь не всегда следоввло путем Христовых заповедей? И не это ли — наряду с террором и массовым рвстлением народа новой влвстью, освобождавшей человека от моральных запретов и совести,— ие это ли уже в 20-е — 30-е годы отозвалось твким страшным безразличием русских к своей вере и судьбе национальной церкви? И только спустя десятилетия, очищенная страданием, возвращается она к своему народу, а он жадно стремится сегодня распознать в ее служителях своих наставников и духовидцев.

Они приехали сюда не просто работать — они приехали с миссией. Да и мыслима ли благотворительность без высокой одухотворяющей идеи? Такой идеей для немцев, работавших прошлым летом на восстановлении Иосифо-Волоколвмского монвстыря, стало нскупленне вины отцов и своей страны во время последней войны, принесшей России столько бед и разрушений. Груз прошлого грехом лежит на нынешнем поколении Германии — так считают они, и снять этот грех может только созидание — покаяние вкупе с практическим деланием.

Осенью-зимой 1941 года в окрестностях Волоколамска, на подступвх к Москве, шли, как известно, особенно ожесточенные бон (вспомним легендврное Дубосеково, оборонявших его панфиловцев), и этот район подвергся сильным разрушениям. Пострадал и Волоцкий монастырь. В 1942 году была взорвана 75-метровая колокольня Успенского собора, знаменитаи тем, что явилась прообразом колокольни Ивана Великого в Кремле. Долгое время былв в ходу официальная версия, будто бы это фашисты уничтожили ее при отступлении. Нет, это сделалн советские войска, согласно вроде бы действовавшему тогда приказу не оствлять в районах боевых действий высотных строенни, которые могут быть использованы протнвннком для стратегического наблюдення.

При любой эмоциональной оценке этого факта, сегодня остается только

руками развести: что поделаешь — война. И если в мирное время сами столько раз с легкостью необыкновеи-иой закладывали динамнт в фуида-менты своих же соборов, то как судить людей, в военных условиях прииимав-ших вынужденное, быть может, реше-ние. Но разве это снимает ответствен-ность с тех, кто вынудил к этому: ие мы — оии пришли к иам с войной.

Интересиая, почти символичная де-таль: руководнтель иемецкой группы, 67-летний строитель Людвиг Хнльспах в Советском Союзе второй раз. Впервые появился здесь в составе гитлеровской армии, затем — трехлет-ний плеи. Валил лес под Пензой, работал иа камеиоломие и таскал мешкн на чаеразвесочиой фабрнке. И все же, несмотря на эти, вряд ли приятные, воспоминания о России, пенсионер н член евангелической об-щины города Ворме Людвнг Хильспах с энтузназмом отклнкнулся на предло-жение поехать в Советский Союз по-мочь православной церквн в восста-новленни одной из ее святынь. Люди должиы помогать друг другу, иначе мнр рухнет — так объясннл он цель своего приезда.

Генеральная идея «во искупление» стала своего рода штандартом всего предприятия. Одиако это значит, что имеиио она определяла решение каж-дого из члеиов немецкой брнгады. Преобладало любопытство: побывать в новой стране, своими глазами уви-деть, что́ в ней пронсходит. Были и другие мотивы. «Я будущий архитек-тор,— сказала мне двадцатилетняя Випке фои Аакен,— и для меня работа здесь — еще н необходнмая профес-сиональная практика». Выпускница школы Гизелла Вундер больше всего хотела бы поблнже познакомиться со своими советскимн ровесниками. А То-мас Грузек, 27 лет, студент-строитель, на вопрос, как бы ои провел каникулы, если бы ие приехал в Россию, ответил, что, наверное, подрабатывал бы иа постройке гаража у себя в Германии или Швейцарии.

Как всегда, у молодежи нитерес общения н новых открытнй превосхо-дит все остальные, в том числе и меркантильиые. Не случайно для многих этот опыт не первый, и онн уже работали в лагерях подобного типа в Германии, Испании и Португалии. Бок о бок с иностраицами — советские сверстники: студенты педагогического, исторического, архивного институтов, школьники здешнего села. В восемь — подъем, до пяти — работа. По выходным — экскурсии в Москву, Во-локоламск, Загорск. Вечером — об-щий круг, гитара, песнн. Словом, молодежный лагерь, похожий на сотни и тысячи других. К полуиочи, насытив-шись дневиой заботой, он устало засыпает. Древние стены безмолвно сторожат этот краткнй покой. И, как тени, витают над ннмн картины досто-славных времен.

Крепко стоял иа родной земле игумеи Иоснф, плоть от плоти ее. От-того, наверное, н взгляды его иаходили в русском обществе живой отклик и со-чувствие. Иное де-ло — иден, заие-сенные к нам с дале-ких берегов, да так и не прижнвшиеся на северной почве и при всей своей нравственной привлекательности оста-вившие русское духовенство равно-душным. Волею судеб оказался нгумеи в центре идейных столкновеиий, озна-меновавших начало XVI столетия, и возглавил целое направление, по его имени получившее иазваиие иосиф-лянства.

Иосифляиам противостояли нестя-жатели — в основном кириллобело-зерскне монахи (ниаче — заволжскне старцы) с Нилом Сорским во главе. Вопрос решался такой: подобает лн монастырям, пристало лн инокам, то есть отказавшимся от мира людям, владеть селами, иметь свои торгн н промыслы, кабалить крестьян и отда-вать деньги в рост? «Вшедшн в мо-настырь не перестаем чужое себе прнсваивать, села, имения то с бесстыдным ласкательством выпраши-ваем у вельмож, то покупаем... беспре-стаино разъезжаем по городам; смот-рим в рукн богачей, раболепно угож-даем им, чтоб выманить нлн дереве-нишку, или серебрншко».

Против кого же направлены эти обличения? Неужто против волоцкого игумена? Да не он ли ввел у себя в обители строгий общежительный устав, прн котором любой его чернец даже хлебной крошки лишней не видал? И был ли лицемерен он во всяком лнчном отказе от житейских благ? Ннчуть, но, по всей видимости, принадлежал Иосиф к тому типу людей, у которых при полном внешнем к себе иебреженнн скрывается под ветхимн одеждами неукротимое чес-толюбие н властолюбие безмерное. Это был хозяин, вожак, как мы сказали бы сегодня, прирожденный лидер. И по-тому за свою ндею борец неутомнмый.

Его же главный идейный протнвник строгнй пустынножитель Нил Сорскнй считал монастырское землевладение отступлением от иноческого долга. Долгое время жил он на Афоне и вериулся оттуда в убеждении, что «стяжания, яже по насилию от чужих трудов собираема, нам не иа пользу» и не то что землн, а н «сосуды златы н серебряны не подобает нам имети, такожде н прочая украшения нзлиш-няя». Нила поддержал его ученнк, в миру князь, «высокоумный» Вассиан Патрикеев, а в дальнейшем, уже после смерти Иосифа в 1515 году, к нему примкнул и знаменитый Максим Грек, афонский монах, приглашенный Васи-лием III для переводов и исправлення богослужебных книг.

Получивший образование в Париже н Флоренции, знакомый с гуманистами итальяиского Возрождения, книжник и созерцатель Максим мог бы осветить своим словом российские духовные потемки, да только благородные его идеи разбивалнсь о стену интересов и нужд церкви. В сочинении «Повесть страшна и достопамятна» он излагает свое представление о праведном ино-ческом житин, ставя в пример карту-зианских монахов: они не пекутся о том, как приобрести в изобилии имения и богатства, н лишь одио есть у них сокровище неистощимое — прн-лежание н исполиеиие евангельских заповедей. Каждое утро два моиаха отправляются с сумой в город и просят хлеба Христа ради. Так и живут милостыней и рукоделием.

Собор 1503 года иестяжателн, тогда еще с Нилом Сорским во главе, проиграли. Хотя стоял за инмн н поддержнвал сам великий князь Иван III — у того своя корысть: отпи-сать обшнрные церковные владения на себя. Да только сказал тут свое слово волоцкнй игумен (а ведь уехал уже с Собора, воротнли с полдорогн): «Стяжания церковная — Божья суть стяжания», да «если у монастырей сел не будет, то как честному н благород-иому человеку постричься?». Яростный полемист, догматик и зла-тоуст, Иоснф умело подверстанными цитатамн из Священного Писания, ссылаясь на ветхозаветных пророков и отцов церкви, оправдал-таки мо-настырское владение, так что безого-ворочно пошел за ним заколебав-шийся было Собор, а великий князь, досадуя, отступил. Это была первая — практическая победа Иоснфа над «умственными» старцами. Вторая его победа, идейная, свершилась через пятнадцать лет после его смерти, когда иа церковном Соборе 1531 года былн окончательно слом-лены нестяжатели. Князя-инока Вас-сиана и Максима Грека сослалн, да не куда-нибудь, а именно в Иоснфову обитель «на исправление», которое оказалось столь непомерно тяжелым, что иесчастный Максим пал ниц перед своими тюремщиками, плакал, каялся и умолял о помиловании. Ему дали послабление и перевели в Тверской Отроч, а затем Тронце-Сергиев мо-настырь, где он продолжал зани-маться переводами и просил только вернуть его на родину, Афон, но так и не был отпущен, теперь уже царем Иваном Грозным, и до скончания своих дней тосковал по Святой горе.

Судьба другого заточенника Воло-коламского монастыря Вассиана Пат-рикеева оказалась еще горше. Не принявший обвинений Собора, не от-рекшийся ни от единого своего слова, так и сгнил он в застенках Германо-вой башни (кстати сказать, позже ее узниками стали обвиненный в ереси Матвей Башкин н сведенный с прн-стола царь Василий Иванович

Шуйский). Ни могила, ни точная дата смерти Вассиана не известны. По всей видимости, зарыт где-нибудь наспех за оградой. А в храме Успения Богородицы покоятся мощи преподобного Иосифа, спустя полвека после кончины причисленного к лику святых.

Митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим и президент ландтага земли Рейнланд-Пфальц (Германия) г-н Фолькерт знакомятся с ходом реставрационных работ

В советское время монастырь лишился не только своих владений, а также книг, икон и утвари — ценностей материальных. Были потери и иного порядка. Существовала здесь когда-то своя традиция колокольного звона, и вот прервалась, и вряд ли теперь восстановима. Кажется, закончился долгий век монастыря, и вся его унылая картина за последние десятилетия способна была вызывать лишь чувства горечи и сожаления. Однако нет, нашлись здесь люди, из местной интеллигенции, которые считают, что, и пройдя через тяжкие испытания, почти все утратив, монастырь значительно приобрел в духовном плане и только возвысился в унижении своем. Как цветы запоздалые, как неразделенная любовь, было нечто в гордом этом распаде, что отзывалось тихой болью сострадания и врачевало душу наблюдавших его.

Сегодня в монастыре все иначе. Но не все видят в том перемены к лучшему. И многие из тех, кто был свидетелем его бесконечного унижения, пожелали бы ему лучше остаться в прежнем незавидном положении, если ценой возрождения будет оскудение духовной атмосферы этого места.

К немцам окрестные жители отнеслись с симпатией. Работали ребята на совесть, а кирпичную кладку делали так, что на папиросной бумаге выступов не отпечатается, вызывая тем самым в русской душе искреннее восхищение. И все-таки... Тем ли, что так бытово расположились в святых стенах со своей кухней и ненашими продуктами, или бросалась в глаза нечаянно забытая на берегу озера банка из-под кока-колы, только было что-то очень чуждое во всем этом предприятии, вызывавшее неосознанный внутренний протест. Нет-нет, это была не зависть — скорее шок, соблазн, да еще раздражение, которое всегда возникает при виде непривычного, неприятого.

А ведь два года назад, когда только стало известно о передаче Волоцкого монастыря православной церкви, эти люди так радовались. Они представляли себе, как начнет возрождаться обитель силами добровольцев и будущих насельников, как и произошло, например, в Оптиной пустыни или Толгском женском монастыре. Однако «наверху» пошли по необычному пути, и восстановление Иосифо-Волоколамского монастыря стало частью обширной и долгосрочной программы владыки Питирима, митрополита Волоколамского и Юрьевского, по возрождению всего этого края, получила название «Волоколамская инициатива» и включает в себя также и хозяйственные преобразования — реанимацию захиревших наших нечерноземных деревень с внедрением самых прогрессивных западных технологий, и даже реформу сельского школьного образования (с помощью митрополита и народного депутата СССР теряевские школьники уже получили целый компьютерный класс). Предполагается строительство и уже упоминавшегося выше культурно-просветительного центра с гостиницей на 200 мест, конференцзалом и видеотекой. Центр создается для расширения экуменических связей, проведения симпозиумов и приемов иностранных гостей, размещения паломников из-за рубежа, встреч с немецкой молодежью.

И вот опасаются — а не будет ли монастырь при таком развороте дел еще плотнее закрыт для верующих (простых, наших), чем во времена гонений на религию и церковь? К чему вообще этот замах, несоразмерный сегодняшним возможностям, это крайнее напряжение сил, требующее обязательной поддержки инофирм и колоссальных валютных вливаний? Не достойнее ли было бы самим, не ломая ни перед кем шапку, взяться за дело по пословице «глаза страшатся — руки делают»? Скромно, не так масштабно — зато келейно, не привнося в домашний, традиционный уклад чужого и чуждого, не отдавая божьего кесарю. Так считают некоторые сельские интеллигенты, упорные в своем неприятии столичных новаций.

Надо признать, есть в этой позиции нечто цельное, детски непримиримое, а с эмоциональной точки зрения даже привлекательное. Действительно, в пылу перестройки мы как-то и не заметили, что вдруг перестали стыдиться и уже открыто стоим с протянутой рукой и искательно заглядываем в глаза богатых заграничных дядюшек и уж так гордимся, если сподобимся получить иностранное вспоможение. Но эмоции — эмоциями, а дело — делом. И может быть, правы как раз наши трезвомыслящие, крепкие администраторы, и без буксира фирмачей нам и впрямь не выбраться из нищеты и бестолковщины, а все моральные издержки искупаются в конечном счете реальными результатами: мясом, техникой, домами.

Не берусь быть третейским судьей в этом неожиданно возникшем, внешне никак не обнаруживающемся конфликте. Но чудятся в нем, нет, просто явственно слышны отголоски все того же далекого исторического спора — нестяжателей и иосифлян. Только переведен он теперь в другую плоскость и стоит не как раньше — иметь или не иметь, а иметь или быть, что значит возродиться ли монастырю как иноческой обители в традиционном смысле этого слова или поступиться толикой своей благочестивой тишины и стать неким эклектичным соединением духовного и откровенно мирского, вполне в духе сумбурного нашего времени. Два взгляда, две тенденции, чуть ли не разведенные сегодня на полюса, на одном из которых живут понятия: национальное возрождение, национальное достоинство, а на другом с ними же сосуществуют новые: СП, консорциум, спонсор. Соединимы ли они?

Монастырь по плану должен быть восстановлен к 1995 году — пятидесятилетию мира в Европе. Пока работы ведутся медленнее, чем хотелось бы тем, кто занимается реставрацией. И часты простои, и не хватает стройматериалов — в общем типичные наши проблемы. Но не будем придавать им большого значения. Главное — это то, что монастырь — рано или поздно, в том или ином обличии — но будет возрожден.

Священные камни Небесного Града

Е. ЛАЗАРЕВ

Самоцветным символом ближайшей к Небесному Граду ступени основания является яспис (яшма). Здесь наше истолкование соответствующего места «Откровения» Иоанна Богослова согласуется с перечнем драгоценных камней на ризе первосвященника древних евреев (об этом мы писали в первой публикации, № 1, 1991), а также с одним из общепринятых ныне календарей самоцветов, согласно которому яшма — талисман марта.

С точки зрения минералога, яшма — это разновидность кремнезема. Кристаллики кварца, из которых состоит яшма, настолько малы, что невооруженным глазом их почти невозможно различить. Примеси придают различным разновидностям яшмы едва ли не все мыслимые оттенки видимого человеком спектра. Темно-красная, золотистая, зеленая, фиолетовая, белая яшма к тому же, как правило, испещрена пятнышками, полосками. Благодаря мелкозернистой структуре она хорошо полируется. На срезе часто можно обнаружить миниатюрный пейзаж: морские волны, горы, озаренные фантастическим солнцем. Прожилки в яшме нередко проходят параллельно друг другу, и тогда в пейзаже появляются стволы деревьев. Наверное, даже людям с рационалистическим складом ума трудно отделаться от впечатления, что пейзажная яшма чудесным образом запечатлела память об ушедших эпохах — о давно высохших морях, исчезнувших рощах и о горах, которые рассыпались в пыль.

Современное русское назва-

Продолжение. Начало в № 1, 2, 1991.

СТУПЕНЬ ПЕРВАЯ. ЯСПИС (ЯШМА)

ние — яшма — восходит к старославянскому «яспис», что, в свою очередь, представляет собой очень точное прочтение древнегреческого имени яшмы (jaspis). Откуда же пришло это слово в Грецию? Филологи говорят, что с востока, хотя неизвестно, откуда конкретно. Наверное, в культурах Древнего Востока нужно искать и сведения об особых, таинственных свойствах яшмы.

Царь Соломон в повести А. Куприна «Суламифь» дарит возлюбленной «яспис, заставляющий дрожать зверей». Вероятно, к ближневосточной традиции восходят европейские представления о том, что яшма холодных оттенков дарует мудрость, силу предвидения, твердость в час беды. А яшма красного цвета останавливает кровотечение, врачует женские болезни. И все-таки в тех странах, которые стали колыбелью европейской культуры, яшма была для большинства людей лишь талисманом, но не символом тайн бытия. Иначе к ней относятся на востоке Азии.

Вряд ли какой-либо другой камень так же часто, как яшма, упоминается в литературе Древнего Китая. Китайского поэта буквально окружает яшма: из нее выточены чаши и бокалы, подвески, звенящие на поясе танцовщиц, курильницы для благовоний, ею украшены флейты, цитры и даже конская упряжь. Яшме уподобляют прекрасные образы окружающего мира — синеву ручья, розовые россыпи ранних цветов сливы мэйхуа, припорошенных снегом, лепестки чайной розы, осенние поля и рощи, росу, лучезарные закатные облака и даже легкий порыв ветра. Хрупкие и чистые снежинки падают на землю — «словно из яшмы цветы брошены с высоты». Уже в древнейших дошедших до нас творениях китайской поэзии, в книге песен и гимнов «Шицзин» (XI—V вв. до н. э.), с яшмой ассоциируется женская красота. Образ девы-яшмы очень близок культуре Китая, хотя европейцу он, наверное, может показаться слишком холодным:

Изваяна словно
Из яшмы и льда,
Что в зной
И прохладу и свежесть
дарят... (Су Ши)

Яшмовый холодок подушки, яшмовый свод террас, яшмовые башни — удивительный мир, полный тонкой печали. В нем все пронизано ассоциативными связями, каждый образ в нем — как иероглиф, понятный лишь тому, кто посвящен в его тайну. Яшмовые ступени, например, стали символом дворца, дворцовой жизни. Лучшие поэты Китая создавали стихотворения на сюжет «Печаль на яшмовых ступенях» — об отвергнутой мужем императрице. Вот строки великого Ли Бо:

На яшму ступеней пали
белые росы.
Ночь бесконечна, намокли
чулки кружевные.
К себе возвратилась,
опустила хрустальный
полог
И взор устремила на ясный
осенний месяц.

В этом сюжете видели аллегорию «дворцовой печали» не нашедшего себе достойного применения «благородного мужа» — государственного деятеля, который очень часто одновременно был утонченным художником и поэтом. Когда его утомляла повседневность и он обращал взгляд к небу, он и там видел образы, глубинный смысл которых яснее всего мог быть раскрыт через сравнение с яшмой.

...В обители бессмертных небожителей, во дворце Пэнлай, что высится среди заоблачных вершин, у прекрасной Сиванму, Владычицы Запада, есть священный Яшмовый Пруд. В зодиакальный круг китайской астрономии входит созвездие «Колодец из яшмы». На луне живет Яшмовый Заяц, и сама она скользит по небу, словно «круглый сосуд из яшмы». Луну сравнивают и с яшмовым кольцом «би». Тонкий, просвечивающий (а значит, раскрывающий свою внутреннюю суть) яшмовый диск с отверстием посередине был в древнем Китае эмблемой княжеского и даже царского достоинства. Этот своеобразный скипетр состоял из двух половинок, точно подходящих друг к другу. Сплошное же полированное кольцо из яшмы (или нефрита) было священным предметом, который, по словам советского синолога И. С. Лисевича, символизировал небо, его бесконечность и даруемую им власть.

«Яшмовые символы» есть и в такой сокровенной и малоизвестной европейцам области религиозной мысли Китая, как даосская алхимия. Согласно учению нэй дань («внутренней алхимии») человек должен в самом себе «выплавить» средство достижения бессмертия — чудесную жемчужину, яшмовую драгоценность, которая и все его тело сделает яшмовым — бессмертным и чистым. А поскольку человек — образ Вселенной, то и она в грядущем преобразится тем же путем.

Яшма как символ неба, символ преображения человека и мира: наверное, от этих высоких образов древнекитайской мысли можно вернуться к главной теме нашего повествования — описанию Небесного Града в Новом Завете. В «Откровении» сказано, что из ясписа построена стена Небесного Иерусалима (Откр. 21:18) и само его сияние «подобно драгоценнейшему камню, как бы камню яспису кристаллovидному» (Откр. 21:11). Иисуса Христа, который воссядет на небесном престоле в великий и страшный час Второго Пришествия, Иоанн Богослов также провидит подобным яспису (Откр. 4:3). Какой же из бесчисленных оттенков яшмы имел в виду автор «Откровения»?

В «Сказании об Индийском царстве», которое, помимо всего прочего, можно назвать своеобразным лапидарием христианского средневековья, яспис уподобляется пылающему углю. Но ведь таким сравнением пользуется и православная ангелология, когда повествует о том, как преисполняются божественной любовью Серафимы — ангельский чин, ближайший к Господнему Престолу. Пламень горней любви — вот цвет высшей ступени пирамиды, которая ведет к Небесному Граду, и цвет сияния этого Града. Как описать его словами дольнего мира? Он несказуем и в то же время всеобъемлющ, подобно тому, как свет земного солнца неявно вмещает все краски радуги.

...А для ювелира яшма — даже не драгоценность, просто поделочный камень. И так необъятен его символический смысл — от печальных ступеней дворца до неизреченных таинств ангельского мира.

Продолжение следует

КАНОН ПЕРЕМЕН

(№ 30) ЛИ. СИЯНИЕ.

Благоприятна стойкость. Свершение. Разводить коров — к счастью.

(I) В начале девятка. Путаница поступков. — Но (если) отнесешься к ним серьезно, хулы не будет. (II) Шестерка вторая. Желтое сияние. — Изначальное счастье. (III) Девятка третья. Сияние солнечного заката. Если не песня под постукивание по глиняному кувшину, то вздохи глубокого старца. — Несчастье. (IV) Девятка четвертая. Внезапно наступает это! Сгорание, отмирание, отвержение! (V) Шестерка пятая. Выступившие слезы (льются) потоком. (Но будут сочувственные) вздохи близких. — Счастье. (VI) Наверху девятка. Царю надо выступить в карательный поход. Будет радость. (Ему надо) казнить главарей и переловить тех, кто не предан ему. — Хулы не будет.

(№ 31) СЯНЬ. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ.

Свершение; благоприятна стойкость. Брать жену — к счастью.

(I) В начале шестерка. Взаимодействие. (Оно касается лишь) твоего большого пальца на ноге. (II) Шестерка вторая. Взаимодействие. (Оно касается лишь) твоих голеней. — Несчастье. (Но если) пребудешь (на месте, то будет) счастье. (III) Девятка третья. Взаимодействие. (Оно касается лишь) твоих бедер. Держись того, за кем следуешь. — Выступление приведет к сожалению. (IV) Девятка четвертая. Стойкость к счастью. Раскаяние исчезнет. Непрерывное общение. Друзья последуют за твоими мыслями. (V) Девятка пятая. Взаимодействие. (Оно касается лишь) твоей спины. — Раскаяния не будет. (VI) Наверху шестерка. Взаимодействие. (Оно касается лишь) твоих скул, щек и языка.

(№ 32) ХЭН. ПОСТОЯНСТВО.

Свершение. Хулы не будет. Благоприятна стойкость. Благоприятно иметь, куда выступить.

(I) В начале шестерка. Углубление в постоянство.— Стойкость — к несчастью. Ничего благоприятного. (II) Девятка вторая. Раскаяние исчезнет. (III) Девятка третья. Не будешь постоянным в своих достоинствах, (а), может быть, попадешь с ними в неловкое положение. Стойкость — к сожалению. (IV) Девятка четвертая. На поле нет дичи. (V) Шестерка пятая. Будешь постоянным в своих достоинствах. Стойкость. Для жены — счастье.
Для мужа — несчастье. (VI) Наверху шестерка. Нарушенное постоянство.— Несчастье.

(№ 33) ДУНЬ. БЕГСТВО.

Свершение. Малому — благоприятна стойкость.

(I) В начале шестерка. При бегстве — хвост в опасности.— Не надо, чтобы предстояло куда-нибудь выступить. (II) Шестерка вторая. (Чтоб) удержать его (бегущего), нужна кожа желтого быка. — (Тогда никто не сможет его освободить. (III) Девятка третья. Связанному беглецу будет болезнь и опасность. Держащему слуг и служанок — счастье. (IV) Девятка четвертая. Хорошее бегство.— Благородному человеку — счастье, Ничтожному человеку — нет. (V) Девятка пятая. Счастливое бегство.— Стойкость — к счастью. (VI) Наверху девятка. Летящее бегство.— Ничего неблагоприятного.

(№ 34) ДА ЧЖУАН. МОЩЬ ВЕЛИКОГО.

Благоприятна стойкость.

(I) В начале девятка. Мощь в пальцах ног.— Поход — к несчастью, обладай правдой. (II) Девятка вторая. Стойкость — к счастью. (III) Девятка третья. Ничтожному человеку придется быть мощным; благородному человеку придется погибнуть.— Стойкость — опасна. Когда козел бодает изгородь, (в ней) застревают его рога. (IV) Девятка четвертая. Стойкость — к счастью, раскаяние исчезнет. Изгородь пробита, (в ней) не застрянешь. Мощь — в осях большой колесницы. (V) Шестерка пятая. Утратишь козла (даже) в легких (обстоятельствах).— Раскаяния не будет. (VI) Наверху шестерка. Козел бодает изгородь — не может отступить, не может продвинуться.— Ничего благоприятного. (Но если будет) трудно, то (будет и) счастье.

(№ 35) ЦЗИНЬ. ВОСХОД.

Сиятельному князю надо жаловать коней в великом обилии и в круговороте дня трижды принимать (подданных).

(I) В начале шестерка. В выдвижении и в отступлении! — (Если пребудешь в) стойкости, (будет) счастье. Не будет правды. (Но если отнесешься к этому) невозмутимо, (то) хулы не будет. (II) Шестерка вторая. В выдвижении и в подавленности! — (Если пребудешь в) стойкости, (будет) счастье. Получишь такое великое благополучие от матери твоего царя. (III) Шестерка третья. Доверие многих.— Раскаяние исчезнет. (IV) Девятка четвертая. (Если) выдвинешься, как хомяк, (то) стойкость (будет) опасна. (V) Шестерка пятая. Раскаяние исчезнет. Не принимай близко к сердцу ни потерю, ни обретение. — Выступление — к счастью, ничего неблагоприятного. (VI) Наверху девятка. Выставляй свои рога лишь для того, чтобы покарать (свой) город.— (Положение) опасно, (но оно)— к счастью: хулы не будет. Стойкость — к сожалению.

(№ 36) МИН И. ПОРАЖЕНИЕ СВЕТА.

Благоприятна в трудности стойкость.

(I) В начале девятка. Поражение света: у него в полете опускаются крылья. Благородный человек в пути по три дня не ест, (но ему) есть, куда выступить, (и его) господин будет говорить (о нем). (II) Шестерка вторая. Поражение света: он поражен в левое бедро. Нужна поддержка, мощная, (как) конь.— Счастье. (III) Девятка третья. Свет поражен на южной охоте. (Но будет) обретена его большая голова. Нельзя болеть о стойкости. (IV) Шестерка четвертая. Вонзится в левую (часть) живота. Сохранишь чувство поражения света, когда выйдешь из ворот и двора. (V) Шестерка пятая. Поражение света (вождя) Цзи-цзы.— Благоприятна стойкость. (VI) Наверху шестерка. Не просветишься, (а) померкнешь. Сначала поднимешься на небо, (а) потом погрузишься в землю.

(№ 37) ЦЗЯ ЖЭНЬ. ДОМАШНИЕ.

Благоприятна женщине стойкость.

(I) В начале девятка. Замкнись и заведи (свой) дом.— Раскаяние исчезнет. (II) Шестерка вторая. (Ей) не за кем следовать, (а дело ее) в том, чтобы сосредоточиться на продовольствии.— Стойкость — к счастью. (III) Девятка третья. (Когда среди) домашних суровые окрики, (будет) раскаяние в опасной строгости, (но будет и) счастье. (Когда же) жена и дети болтают и хохочут, в конце концов (будет) сожаление. (IV) Шестерка четвертая. Обогащение дома.— Великое счастье. (V) Девятка пятая.

Продолжение. Начало в № 2, 1991.

Царь приближается к обладателю семьи. Не принимай (этого) близко к сердцу.— Счастье. (VI) Наверху девятка. В обладании правдой — сила.— В конце концов — счастье.

[№ 38] ䷥ КУЙ. РАЗЛАД.

В незначительных делах — счастье.

(I) В начале девятка. Раскаяние исчезнет. (Когда) утратишь коня, не гонись за ним: (он и) сам вернется. Увидишь злого человека — хулы не будет. (II) Девятка вторая. Встретишься с господином в закоулке — хулы не будет. (III) Шестерка третья. Увидишь, что воз оттягивают вспять и его быка задерживают. У человека обрезаны волосы и нос. Не (в твоей) власти начало, (но в твоей) власти конец. (IV) Девятка четвертая. Разлад и одиночество. (Если) встретишь великого мужа (и если) связь (с ним будет) правдива, (то — хотя это и) опасное (положение), хулы не будет. (V) Шестерка пятая. Раскаяние исчезнет. Этот (твой) сообщник прокусит кожу. Если выступишь — какая же может быть хула? (VI) Наверху девятка. Разлад и одиночество. Увидишь свинью, покрытую грязью, (увидишь, что) бесы наполняют всю колесницу. Сперва натянешь лук (против этого, а) потом отложишь его в сторону. (Если бы) не разбойник, (был бы брак.) (Если), выступая, встретишь дождь, то (будет) счастье.

[№ 39] ䷦ ЦЗЯНЬ. ПРЕПЯТСТВИЕ.

Благоприятен юго-запад, не благоприятен северо-восток. Благоприятно свидание с великим человеком. Стойкость — к счастью.

(I) В начале шестерка. Уйдешь — (будут) препятствия. Придешь — (будет) хвала. (II) Шестерка вторая. Царскому слуге — препятствие за препятствием. (Это) не из-за него самого. (III) Девятка третья. Уйдешь — (будут) препятствия. Придешь — вернешься (на правый путь.) (IV) Шестерка четвертая. Уйдешь — (будут) препятствия. Придешь — (будет) связь (с близкими людьми). (V) Девятка пятая. Великие препятствия. Друзья придут. (VI) Наверху шестерка. Уйдешь — (будут) препятствия. Придешь — (будешь) велик.— Счастье. Благоприятно свидание с великим человеком.

[№ 40] ䷧ ЦЗЕ. РАЗРЕШЕНИЕ.

Благоприятен юго-запад. (Если) некуда выступить, (то когда) оно (разрешение) наступит — опять (будет) счастье. (Если же) есть куда выступить, (то уже) заранее (предуготовано) счастье.

(I) В начале шестерка. Хулы не будет. (II) Девятка вторая. На охоте добудешь трех лисиц. Обретешь желтую стрелу.— Стойкость — к счастью. (III) Шестерка третья. Носильщик — а едет (на другом. Сам) привлечешь приход разбойников.— Стойкость — к сожалению. (IV) Девятка четвертая. Разреши (путы на) твоих больших пальцах на ногах.— Друг придет, и в нем (будет) правда. (V) Шестерка пятая. Благородный человек — лишь (для него) есть разрешение. — Счастье. (Он) обладает правдивостью по отношению к ничтожным людям. (VI) Наверху шестерка. Князю надо стрелять в ястреба на высокой стене.— (Когда он) добудет его, не будет (ничего) неблагоприятного.

[№ 41] ䷨ СУНЬ. УБЫЛЬ.

Обладателю правды — изначальное счастье — хулы не будет. Возможна стойкость. Благоприятно иметь, куда выступить. Что нужно (для жертвоприношения? И) двух (вместо восьми) чаш достаточно для жертвоприношения.

(I) В начале девятка. Прекрати (свои) дела и скорее выступай.— Хулы не будет. Разобравшись (в деле), убавь то, (что должно быть убавлено). (II) Девятка вторая. Благоприятна стойкость.— Поход — к несчастью. Приумножь то, что не убавляешь. (III) Шестерка третья. Если идут трое, то (они) убудут на одного человека; (если) идет один человек, то (он) найдет своего друга. (VI) Шестерка четвертая. Убавь свою торопливость. Но даже если и будешь спешить — будет веселье.— Хулы не будет. (V) Шестерка пятая. Можно и приумножить то, (в чем недостаток). Черепаха — оракул (ценою в) десять связок (монет. От его указаний) невозможно отклониться.— Изначальное счастье. (VI) Наверху девятка. Приумножь то, что не убавляешь.— Хулы не будет. Стойкость — к счастью. Благоприятно иметь куда выступить. Обретешь (столько) подданных, (что уже) не будет (самостоятельных) домов.

[№ 42] ䷩ И. ПРИУМНОЖЕНИЕ.

Благоприятно иметь, куда выступить. Благоприятен брод через великую реку.

(I) В начале девятка. Благоприятствует необходимости вершить великие дела. Изначальное счастье.— Хулы не будет. (II) Шестерка вторая. Можно и приумножить то, (в чем недостаток). Черепаха — оракул (ценою в) десять связок (монет. От его указаний) невозможно отклониться. Вечная стойкость — к счастью. Царю надо (проникнуть) с жертвами к богам.— Счастье. (III) Шестерка третья. Если приумножить это, то с необходимостью (накличешь) несчастья делу. Хулы не будет. Обладая правдой, пойдешь верным путем, заявишь (об этом) князю и поступишь (по его) мановению. (IV) Шестерка четвертая. (Если), идя верным путем, заявишь (об этом) князю, (то) за (тобою) пойдут. Благоприятствует необходимости, создав (себе) поддержку, перенести столицу. (V) Девятка пятая. Обладая правдой, облагодетельствуешь сердца (людей, но) не спрашивай (их об этом).— Изначальное счастье. Обладание правдой облагодетельствует (и) твои собственные достоинства. (VI) Наверху девятка. Ничто не приумножит это, (а), пожалуй, разобьет это. В воспитании сердец не будь косным. (Иначе)— несчастье.

[№ 43] ䷪ ГУАЙ. ВЫХОД.

Поднимешься до царского двора. Правдиво возглашай. (А если и) будет опасность, (то) говори от своего города. Не благоприятно браться за оружие. Благоприятно иметь, куда выступить.

(I) В начале девятка. Мощь в передней (части) пальцев на ногах. (Если) выступишь, (то) не победишь.— Будет хула. (II) Девятка вторая. Опасливо возглашай. В сумерках и ночью будет (действие) оружия.— Не бойся. (III) Девятка третья. Мощь в скулах.— Будет несчастье, (но) благородный человек решается на выход. (Он) одиноко идет и встречает дождь. Если (он и) промокнет, (то) будет досадно, (но)— хулы не будет. (VI) Девятка четвертая. (У кого на) ягодицах нет мышц, тот идет с большим трудом. (Пусть лучше его) тянут, (как) барана. Раскаяние исчезнет. — (Если) услышишь речи — не верь, (V) Девятка пятая. Холм, (поросший) бурьяном. Решись на выход. — Действующему неуклонно — хулы не будет. (VI) Наверху шестерка. — Безгласность. — В конце концов будет несчастье.

[№ 44] ䷫ ГОУ. ПЕРЕЧЕНИЕ.

У женщины — сила. Не показано, (чтобы) брать жену.

(I) В начале шестерка. Привяжи к металлическому тормозу. Стойкость — к счастью. (Если будешь) куда-нибудь выступать, встретишь несчастье. (Но) тощая свинья вправду (будет) рваться с привязи. (II) Девятка вторая. В охапке есть рыба.— Хулы не будет. Не благоприятно быть гостем. (III) Девятка третья. (У кого на) ягодицах нет мышц, тот идет с большим трудом.— Опасно, (но) большой хулы не будет. (IV) Девятка четвертая. В охапке нет рыбы.— Восставать — к несчастью. (V) Девятка пятая. Ивой покрыты дыни. Затаи (свой) блеск.— И будет (тебе) ниспослано от неба. (VI) Наверху девятка. Перечение — это рога.— Сожаление, (но) хулы не будет.

Окончание следует

Перевод Ю. К. ЩУЦКОГО; сверка с оригиналом, исправление и редактирование А. И. Кобзева

«Становись и занимай свое место в природе!»

Мы заканчиваем обсуждение проблем, связанных с личностью и учением Порфирия Корнеевича Иванова, за нашим очно-заочным круглым столом. Начало в № 2.

«Делай!»

— Вернемся к практическому пути П. К. Иванова. Его озарнла ндея о «жнзнн вечного характера», о том, что «человек должен остаться в Прнроде без потребностей», а значит не болеть, быть счастлнвым, войтн с Природой в контакт. Но это сейчас у него десяткн тысяч последователей. А тогда еще надо было донестн ученне до людей, преподать его людям. Как это пронсходнло?

Н. М. БЫКОВА, детский врач (Москва).

П. К. Иваиов стал учить людей более правильной, естественой, здоровой жнзнн в Природе, у него была сила нсцелять их. За свою жнзнь он нсцелил множество тяжело больных людей: парализованные, прнкованные по многу лет к постелн, слепые от рождення, раковые, туберкулезные — списанные медициной н обреченные на смерть людн. Учнтель искал этих тяжелобольных людей сам. Он приходнл в поселок, узнавал, есть ли больные людн, прнходил к ннм (но только если они просили об этом!), накладывал руки, обливал холодной водой, и — эти людн подинмались. Но перед этнм он как бы спрашивал у Прнроды: как, правнльио лн я нду этнм иовым путем? И Прнрода ему через этнх тяжелобольных показывала, что да, правнльно. Так он воспрнннмал. В 1935 году Учнтель задался вопросом: еслн я верно нду этим путем, то прншло время мне навсегда остаться без обуви. Если это так, то женщнна, уже 17 лет лежащая с паралнзованными ногами, после моего прнема должна встать. Так н произошло. Поставлена цель, дан обет,— н теперь Учнтелю прншла пора совсем раздеваться в Природе.

После всех случаев чудесных исцеленнй, которые сравнимы только с евангельскимн легендамн, люди назвалн его Победнтелем Прнроды. Победнтель Прнроды — это Победитель всех суровых, стнхийных качеств Природы. «Я победнл злого врага в Прнроде». Враг для Учителя — это стнхийные силы Прнроды, которые вызывают болезни н страдания человека. Это холод, голод, то «плохое н холодное», от которого мы простужнваемся н болеем. Учитель переболел всеми болезнями человечества н победнл нх в себе с помощью трех живых тел: воздуха, воды и земли. Он победил все эти стнхийные снлы н только потом повел народ за собой. В эксперименте над собой он иашел золотую середину для людей н — стал людей у ч и т ь. И когда я увидела Учнтеля впервые, я почувствовала, что это необыкновенный человек. Стройный старец, высокий, седовласый, прекрасные глаза, очень доброжелательный, любящнй всех без нсключения. И вместе с тем такнх людей я никогда не видела. Не разумом, а сердцем своим я почувствовала, что только этот человек и есть в Прнроде Бог. У меня было такое чувство, что я наконец увидела Бога.

— Вы рассказывали о чудесных исцеленнях, которые совершал Иванов. Но посмотрите, сколько у нас сейчас целителей. У одного лишь А. Кашпнровского на счету уже, может быть, больше нсцеленных, чем у Порфирия Корнеевнча. Возьмите А. Чумака, который как раз настаивает на духовном совершенствованнн. Есть н другне экстрасенсы, например, профессор Джуна Давиташвнлн...

Н. М. БЫКОВА. Да, онн есть, они действуют. Но что онн предлагают человеку? Учитель принимал человека, давал ему толчок, здоровье на какой-то промежуток времени, но при этом говорнл: «Детка, вот тебе правила, теперь сам работай. Закаляйся, совершенствуйся, работай над собой! Здоровье в Природе надо заслужить».

Что дают оии? Что оставляют человеку? Да иичего. Без этих рук, без Чумака, без Кашпировского людн уже не могут жить. Оии, как пиявкн, сидят у телевизоров и черпают эту энергию...

В. Н. КОЗИЦКИЙ. К вопросу об экстрасенсах. В Киеве работает очень интересный ученый — Т. П. Решетннкова. Она проводила такие опыты: просила операторов-экстрасенсов воздействовать иа пробнрки с кровью н сравнивала эту кровь с контрольиой, необлученной. Мне ее результаты показалнсь страшнымн. Решетннкова сравнивала содержанне в крови магния, железа и т. д. Получалось, что в зависимости от оператора, содержанне, скажем, железа в кровн либо увеличнвалось, лнбо уменьшалось чуть ли не в два раза. Решетннкова опиралась на работу француза Лун Керврана, который доказал, что существует такой фнзнческий процесс, как трансмутацня (превращение) элементов. Под влняннем экстрасенса у перцнпнента в результате трансмутацин элементов пронсходит сдвиг химнческого баланса в организме, в частности в крови. К чему это может привести? Вплоть до рака кровн и, возможно, СПИДа.

Кроме того, есть такое явление, как полевая несовместнмость. Каждый человек представляет нз себя днполь. Большинство людей заряжено так: плюс наверху, минус — вннзу. Но 10 процентов людей заряжены наоборот, н они тоже сндят у экранов телевизоров. Хорошо, если человек понял, что ему плохо, и выключил телевизор. А если иет?

Я не говорю, что экстрасеисорика — это плохо, что этим не надо заниматься. Но всегда надо помннть, что это те же «протезы». Главное же — осозиать, что мы эволюцию вывелн нз себя — вне себя. Надо эволюцию вернуть **в себя** сиова, надо к этому стремнться.

Учнтель показывал, что исцеляться можно только снлами Природы. Он сам научился существовать в любых ее условнях.

А. Ю. БРОННИКОВ. «Моя идея — для бедных, больных, обиженных и нуждающихся»,— говорил П. К. Иванов. Он, как уже говорилось, мог исцелить любого больного и делал это множество раз. Но главную цель он вндел в том, чтобы научить самого человека как не заболевать нигде и никогда. Все 12 правнл «Детки» в совокупиости приводят человека к практическому осознанию, что он — часть живой Природы н живет только за счет ее сил. И когда рвутся естественные связн с ее телом, человек теряет свое здоровье. Воссоздав же эти связи, можно здоровье вериуть. Людн — это иеотъемлемая часть тела Прнроды, оии также требуют нового к себе отиошения. Поэтому так много виимаиия Учитель уделял отношению к людям, их можно только **проснть** о чем-то, но не требо-

вать. «Самое главное — с людьмн здороваться,— говорнл он. — Это любовь, дружба между людьми».

В заповедях Учителя, в 12 пунктах его «Деткн» на первый взгляд нет ничего нового. Каждый пункт вроде бы очевиден. Но важен весь комплекс. Нельзя, напрнмер, выполнять часть пунктов, пренебрегая другнми. Подлинное открытие своих возможностей система дает после длнтельной практики, но одолеть многие недуги она помогает уже с самого начала. Формулнровкн «Деткн» доступны любому — простому, не слншком образованному, тому, кому непонятен язык современных научных текстов. Как удачно сказала в одном нз своих выступленнй Н. С. Лавренюк — принципы «Детки» показывают доверчнвому сердцу и чистой душе правильный поступок, а для ученого каждый пункт означает пока еще свернутое в своей сутн семя с древа жизнн, в котором пытлнвый ум отыскивает истнннное знание.

— Но все-таки могут ученые — медики, физики, химики дать научное обосноваиие, раскрыть, что и почему происходит с человеком, выполияющим «Детку»?

Ю. В. КОНОНОВ. Воздержанне от пищн и воды приводит к перерожденню клетки, к разуплотненню протоплазмы и образованию особых структур, которые становятся «легкнми», как сказал Иванов. «Человек легким станет, себя в воздух поднимет...» Это тот этап, который Вернадскнй назвал автотрофным. Теперь — вода. Самарская школа биоэнергетикн говорнт о возникновенни сверхпроводнмостн организма. Вода же создает синхронизацию внбраций головного мозга с Высшим Разумом. Врачи, применявшие систему, говорят, что прн обливанин холодной водой происходнт кратковременный «хороший» стресс, улучшается работа сердечно-сосудистой системы. И это верно. Но не надо дожидаться, пока наука в полном объеме даст ответ на эти вопросы, ведь дело не простое. Физиологню тела как реакцню на эту систему мы будем еще долго нзучать. Но у нас есть уникальный опыт самого П. К. Иванова. Чтобы принять его учение, надо практически **делать**. Пока мы не делаем, пока отсоеднены от Прнроды, мы не войдем в контакт с Вселенской мыслящей материей и не добьемся бессмертия. Поэтому 12-е правило «Детки» гласнт: «Мысль не отделяй от дела. Прочнтал — хорошо, но самое главное — делай!»

Ю. М. ОРЛОВ, профессор, доктор пснхологнческих наук (1-й меднннстнтут, Москва).

Прншло время создания новой медицнны, старая, та, с которой мы нмелн дело много лет, переживает кризнс, который не оставляет надежды на ее дальнейшую жнзнь.

Самая важная — проблема иммунитета. Как не болеть. Мы знаем прививки против десятка болезней, ими мы подстегиваем нашу иммунную систему, создавая определенные импульсы против специфических этих заболеваний. Но если мы выработаем прививки против тысячи болезней, нашей иммунной системе не позавидуешь. Мы забыли о том, что старые врачи называли **жизненной силой.** Это понятие связано с энергетикой. Надо исходить из того, что вода, огонь, земля, холод, тепло — это стихии, которые существуют в природе, но они существуют и работают также в эндокринной системе, в иммунной и других системах человека. Жизнь человека со стихиями, его взаимодействие с ними — это и есть новая медицина, которая должна строиться на обновлении понятии «жизненная сила».

Поэтому люди, которые идут по пути самоусовершенствования, преодоления страстей, эмоций, приобретают способность чувствовать глубинные ритмы земли, циклы земного существования. Неспроста Иванов говорил: искушение голоданием принимайте перед субботой. С древнейших времен, еще вавилоняне считали, что семидневный цикл является одним из фундаментальных циклов. Эти семидневные циклы не изменились. И вавилоняне, и египтяне, другие народы, какой бы веры ни придерживались, знали, что дни недели сами по себе несут биополевые особенности и даже имена детям давали в зависимости от того, в какой день недели они родились.

Система Иванова основана на глубокой интуиции и знании природы человека. Знании не научном. Ибо есть ведь и другой, не научный путь познания реальности. Скажем, обыденное познание человека или интуитивное познание. Поэтому Учителя человечества всегда обладали огромным интуитивным знанием, которое они выражали в притчах или простых формулах. Откроем Нагорную проповедь — и увидим, что те моральные принципы, которые должны обеспечить благополучие человека, сформулированы в простейших, совершенно понятных каждому формулах и приемах. Простота, очевидность и ясность фундаментальных принципов, изложенных в «Детке», — есть не что иное, как выражение знания, основанного на глубочайшей интуиции и опыте. Достойно сожаления, что ученые очень несмело, осторожно приступают к исследованию и научному обоснованию такого знания.

Сколько вредных веществ мы вводим в организм через удобрения! Но на первом месте в разрушении нашей внутренней среды стоит медицина. Массированное воздействие огромного количества химических веществ разрушает нашу внутреннюю среду — при лечении, прививках и т. д. Иванов настаивает на том, чтобы жить без химического воздействия, оздоровляться через стихии, через собственное взаимодействие со стихиями, своим природным и человеческим окружением.

Такие эмоции, как страх, гнев, истощают иммунную систему. Что происходит с нашим организмом, когда мы готовимся к драке? Его реакции при этом настолько мощные, что резко сокращаются запасы энергетические. Если вы испытали состояние гнева, организм добывает необходимую энергию, забирая, сжигая белок, который ближе всего: сжигает в крови лимфоциты. И тогда к вам легко пристает любая инфекция, простуда. Ненависть разрушает вашу иммунную систему, вам выгодно заменить ее на любовь. Эти слова должен сказать врач больному человеку. Если ваша обида исчезает, что зависит и от вас, то вредоносное влияние обиды перестает разрушать вашу печень.

Иванов говорил: мне ваша душа нужна, а не диагноз, не то тепло, которое в шубе, а то, которое в нашем теле. Воды не бойтесь, потому что она создает в тебе тепло.

— Хотелось бы представить масштабы распространения учения, насколько широко оно у нас представлено? Есть ли организация, какие-то формы объединения?

Н. М. БЫКОВА. Нет как таковой организации «ивановцев». Есть последователи Учителя Иванова, которые учатся жизни в Природе. В Казани, Киеве, Вологде, Набережных Челнах и ряде других городов существуют клубы закаливания и гармонического развития имени П. К. Иванова. Но гораздо больше людей, которые индивидуально занимаются по этой системе и не ходят ни в какие клубы. Думаю, что таких уже десятки тысяч.

А. А. ЧИРУШКИН, председатель объединения клубов «Избавление» (Казань):

Я практик. Меня покорила идея П. К. Иванова, раскрывающая наиболее общие закономерности взаимодействия человека и живой природы, ведущая к качественному преобразованию человека как на физическом, так и на духовном уровне. Мы, без особых мудрствований, следуем «Детке» и так надеемся восстановить свои утраченные, данные от Природы, способности. В принципе мы — самодостаточные существа в Природе, мы можем, пользуясь только своим телом, благополучно существовать. Как вернуться к своим естественным свойствам самодостаточности? Только путем самосовершенствования. Все наносные, чужие качества надо убрать, очиститься. А для этого нужен Идеал, образ человека, к которому можно стремиться. Также нужна вера в достижимость этого Идеала и нужен путь, способ продвижения к нему. Все это дал Порфирий Корнеевич Иванов.

У нас в Казани четыре клуба, объединенные в общество «Избавление». Мы ищем нуждающихся, неудовлетворенных людей. А самые нуждающиеся — это те, кто находится в алкогольно-табачной зависимости и больные. Для некоторых из этих людей мы используем методику отрезвления Г. А. Шичко (для начала). Работу с людьми, которые хотят оздоровиться, прийти к совести, мы начинаем с покаяния. У нас есть подсказка, в чем человеку надо каяться, примерно. Иначе как поставить диагноз себе? И людям это удается. Они способны так изменить свое поведение, образ жизни, что им становится многое подвластно. У нас есть целая программа «Нравственное оздоровление коллектива». Те, кто ее прошли, говорят, что обрели смысл жизни, чувствуют себя уверенно, избавились от страха и болезней.

В результате следования системе П. К. Иванова, как показывают результаты анкетного опроса, проведенного в одном из клубов объединения «Избавление», большинство занимающихся избавилось от ряда заболеваний, 80 процентов отказались от больничных листов, 72 процента исключили прием алкоголя и никотина, около 80 процентов решили проблемы общения. Отмечается более тонкое восприятие и чувствование природы.

Б. Н. ГОЛУБОВ, доктор химических наук (Москва). Я рад, что у нас появляются люди, у которых мировоззрение не расходится с действием. Понимание и осознание своего места в Природе — это мне очень импонирует. Нельзя отрицать того, что тысячелетиями идея Бога жила в сознании многих поколений и оказывала несомненное этическое воздействие на людей. Но, провозглашая в любой форме идею Бога, вы ставите рамки, вы делаете человека несвободным, так как прекращается всякое развитие. Если вы, следуя этим заповедям, хотите достичь свободы, вы должны будете избавиться от идеи Бога в любых ее формах.

Н. М. БЫКОВА. Но ведь мы еще и не стали совершенными людьми. Когда же мы достигнем этого уровня совершенства, рамки отпадут сами собой. А пока без Учителя, Водителя в Природе, наша свобода заведет нас куда угодно: и в пьянство, и в наркоманию и т. д. А нужно ввести человека в определенные жесткие рамки, чтоб он вышел на путь истинный, иначе будет хаос и разрушение и гибель человечества.

Г. Ю. ФРАНКО. Без Бога немыслима жизнь человеческая, какого бы уровня совершенства ни достиг человек. И Бог, который есть Любовь,— в отличие от противоположных сил — всегда предоставляет человеку свободу выбора.

Н. М. БЫКОВА. Добавлю: эта Идея — вовсе не панацея от всех бед для всех без исключения людей. Одно из условий

приятия человеком этой Идеи должно быть мощное пробуждение. Как говорил сам Учитель: «Моя Идея — для бедных, больных, обиженных и нуждающихся». Действительно, не каждому захочется обливаться холодной водой, терпеть без пищи и воды 42 часа, здороваться с людьми, совершенствоваться. Очень много людей удовлетворены собой и миром, и им это ни к чему.

— Так это еще Иисус Христос сказал: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас...»

А. Ю. БРОННИКОВ. Мне кажется, что цель нашей встречи так или иначе достигнута, а цель — с разных точек зрения представить читателям, в чем суть Учения Учителя Иванова. Но мы не коснулись одной важной заповеди. О просьбе. Просьба — это универсальный закон Природы, ее можно рассматривать, как зафиксированное устремление человека. А когда есть сильное стремление, оно всегда исполняется. Кроме того, Учитель-то ввел просьбу именно как эволюционное начало «нового потока» жизни. Если «старый поток» характеризуется насилием в Природе, то Учитель показал — все надо просить. Оказывается, только просьба трогает сознание человека. Нам надо всем учиться просить: просить ребенка, просить жену, мужа, просить Учителя как более совершенного человека, как Бога. Кроме того, просьба — это то состояние сознания человека, которое дает возможность подключиться к исцеляющим силам Природы, воссоединиться с ней хоть на время.

Вот здесь сказали, что Бог ограничивает человека. Я бы сказал так: когда я не знал Учителя, не понимал его роли Бога, я чувствовал себя страшно зависимым и незащищеным. Я боялся многих вещей — потерять свое служебное положение, боялся болезней своих и ребенка, боялся смерти и еще многих, многих вещей. Учитель дал мне сознание и силы этого не бояться. Я не берусь объяснить, как это произошло, но это расширение мировоззрения ввел он, его Учение. Учитель говорил примерно: «Вот, детка, одна дорога, вот вторая, иди куда хочешь. Вот наука, вот йога, а вот моя природная система». И тут надо выбирать, из какого источника напиться. Из природного источника.

Потому что хотим мы этого или нет, Бог как эволюционный человек пришел на нашу Землю со своим Учением, чтобы изменить нашу жизнь. И это так или иначе произойдет, уже происходит.

Мы благодарим всех, кто принял участие в обсуждении проблем, привлекающих внимание наших читателей. Конечно, разговор нельзя считать завершенным. Дождемся откликов и обратимся к тем вопросам, которые вызовут наибольший интерес.

В ДОМЕ НА ПЛЮЩИХЕ И ВОКРУГ НЕГО

Нина КРЮКОВА

Чтобы достичь гармонии, а попросту говоря, быть здоровым и счастливым, ощущать всю полноту жизни, человек должен постоянно двигаться по пути самосовершенствования. Путь этот, разумеется, бесконечен, во всяком случае, он не может завершиться при жизни человека. Но у него есть начало. У каждого свое. Для многих москвичей он начался (и может начаться!) в доме на Плющихе, 64, построенном знаменитым К. Мельниковым в 1929 году, занесенном во все архитектурные каталоги мира и известном ныне как Дворец культуры завода «Каучук». Большинство тех, кто сегодня проводит свободное время в здешнем университете духовности и культуры или на занятиях клуба гармоничного развития, заглянули сюда, просто проходя мимо, привлеченные необычными объявлениями, заглянули — да так здесь и остались. Тут вот что с самого начала очень привлекает. Прежде чем пойти на лекцию, принять участие в дискуссии, посмотреть фильм или приступить к практическим занятиям, люди, пришедшие сюда, усаживаются рядом в одном зале и слушают обращенные к ним слова «настройки на добро». Звучит удивительный, похожий на флейту женский голос. Не буду воспроизводить здесь слова, которые произносит руководитель клуба гармоничного развития Эльвира Борисовна Семенова. Они не зрением воспринимаются, а слухом. Скажу только, что голос не усыпляет, не гипнотизирует, не настаивает и не принуждает. Но сочетание слов и звуков пробуждает светлые чувства, заложенные в каждом человеке Природой.

— Нет смысла идти на занятия в нашем клубе или университетах, если перед этим не настроиться на добрые мысли,— говорит Эльвира Борисовна. — Ведь у нас люди узнают то, чему пока что их не учили ни в школе, ни в институте...

Что же постигают здесь, в университетах на Плющихе?

Многие сегодня задумываются о смысле своего существования в этом мире, хотят понять, зачем они появились на свет божий. Многие испытывают постоянный дискомфорт — на работе, в семье, на улице раздражены, недовольны всеми и собой. Здесь, на Плющихе, прежде всего усваивают некоторые правила, которые сразу помогают лучше ощутить себя в жизни.

Одно из первых правил: не раздражаться. Раздражаясь, мы притягиваем к себе отрицательные психические силы, заражаем ими людей, отравляем пространство. Положительно настроенный человек сразу же создает внутри и вокруг себя благоприятную атмосферу, как здесь говорят — положительное поле. Другое важное правило: обижаться только на себя, претензии предъявлять только к себе, а на обидчика смотреть, как на тренера: «Спасибо тебе, ты помогаешь мне научиться выдержке, самообладанию...» Никаких злых мыслей ни о ком. Только добрые.

Это первые шаги, предварительные условия для достижения нравственного, психического и физического здоровья. Такую задачу ставит клуб гармоничного развития. Занимались разными системами, предлагающими пути гармонизации личности, подсказывающими, как победить в себе низшие свойства — лицемерие, жадность, лень, гордость и раскрыть высшие начала — совесть, благородство, бескорыстие, жертвенность.

Глубоко изучали «Живую Этику» Е. И. Рерих. Не раз в гостях у клуба бывал С. Н. Рерих. Беседы с ним тоже были шагом к раскрытию в себе духовного начала.

У Э. Б. Семеновой талант находить и привлекать в клуб удивительных, интересных людей, которым открылось больше, чем остальным, которые наделены необычными способностями и готовы поделиться своими знаниями и умениями. В Доме на Плющихе, как говорится, кипит жизнь.

Ленинградский физик Анатолий Васильевич Мартынов, обладающий незаурядными экстрасенсорными способностями,два сезона читал здесь цикл лекций «Гипотезы, догадки, предположения...» А гипотезы его как раз и касаются разгадок тайн нашего бытия. Он автор моментально разошедшейся книги «Исповедный путь». Известный психолог Сергей Юрьевич Ключников встречен был здесь не менее восторженно, когда начал читать лекции по Живой Этике, вел беседы о духовных учителях от древности до нынешних дней. В переполненном зале выступали приезжавшие в минувшем году в Советский Союз представители Университета Индии «Брахма Кумарис». Их рассказы о древних духовных учениях вызвали новый поток суждений о том, что есть Бог, что есть Богочеловек.

Для многих участников клуба нет сомнений в том, что ответ на этот вопрос дал своей жизнью Учитель Порфирий Корнеевич Иванов. В составленном Ю. В. Кононовым и З. Н. Макаровой «Космогоническом эволюционном словаре терминов по проблеме бессмертия человека» (Киев, 1990) определение Бога выражено предельно кратко: «Бог — материальная форма высшего вселенского разума». К этому определению в Доме на Плющихе отнеслись с полным пониманием. Именно система здорового образа жизни П. К. Иванова в конце концов стала здесь основой гармонизации личности.

Когда к нам пришла «Детка», говорит Э. Б. Семенова, мы были поражены, как в ней оказались синтезированы и сконцентрированы все Йоги (хатха, джаяна, карма, бхакти), учение Живой Этики. Всего 12 правил, и нового ничего нет. Просто до гениальности! На моих глазах у множества людей, независимо от профессии, раскрывается доброе начало чуткости к Природе, происходит удивительная гармонизация.

Чем больше мы применяем в группах эту систему, тем больше убеждаемся, что это не просто физическое оздоровление, а прежде всего закалка духовнонравственная, потом психическая и уж потом физическая. Для нас Бог — это не религиозно-мистическое понятие. Человек должен осуществить свое предназначение и стать Богом.

В Живой Этике Е. И. Рерих

говорит, что для того, чтобы сжечь свою отрицательную карму (судьбу), необходимы три энергии: 1) самоотвержение, отдача подвижника; именно таково 50-летнее подвижничество П. К. Иванова, жизнь только для других во имя выполнения своей эволюционной задачи; 2) энергия созидательного терпения; она также позволяет сжечь отрицательную судьбу. В «Детке» есть пункт, потерпеть созидательно 42 часа без пищи. И этим ты, оказывается, поможешь делу Мира. Оказывается, когда люди это делают, своим чистым единением они помогают очи-

Расстояние от дома на Плющихе до Новодевичьего монастыря преодолевается легко...

Фото В. Первенцева

Погружаясь в прорубь, вы растворяетесь в живом теле воды. Но погружаться надо с полным доверием к Природе...

щению планеты; 3) энергия раскаяния, основная работа — это самопокаяние, ведь человек связан со всей Вселенной даже мыслью. Система учит дисциплине, мысли, учит владеть собой.

...От Дома на Плющихе до Новодевичьего монастыря, раскинувшегося на одном из московских холмов, и к пруду у его стен — 10—15 минут хорошего хода или расслабленного бега. Технику его объяснит новичкам Э. Б. Семенова. Знающие считают эту зону весьма благодатной. Чистый воздух, неожиданно открывающийся вид древнего великолепного сооружения в свободном пространстве. Кусочек природы в тесном и шумном городе.

Теперь, по Иванову, надо попросить: «Мать-Природа, дай мне мое здоровье!» Уже при одной этой фразе человек расслабляется, он с доверием ступает босыми ногами на снег,— снег приятно холодный.

Если в вас живет доверие к природе, если общение с нею дает вам радость, то погружение в прорубь принесет вам наслаждение. Лицом вниз. Руки в стороны. Ноги в стороны. Вы словно растворяетесь в живом теле воды, каждая клеточка вашего организма начинает наполняться силой воды. Вы выходите счастливым. Вас, конечно, сразу же обжигает холод. Вы захлебываетесь воздухом и тут же ощущаете такой удивительный прилив силы и радости, который и представить себе не могли. Воздух — он тоже дает силы. Вы вдыхаете его с высоты атмосферы и даже через пальцы рук чувствуете, как в вас вливается энергия: «Мать-Природа, дай мне мое здоровье!» Конечно, все эти упражнения надо делать в комплексе с другими и с точностью, как это описано в «Детке».*

«Помогай людям, чем можешь, особенно бедному, больному, нуждающемуся, обиженному, делай это с радостью». И этот принцип выполняют в «Клубе гармоничного развития человека». А кому помогать — всегда найдется. Без добрых дел — какое же духовное совершенствование?

Отстояли близлежащую территорию возле Новодевичьего монастыря от запланированных на ней уродливых построек. Принимают участие в спасении озер — Ладожского, Телецкого. Заботятся о сохранении многих уникальных уголков природы в разных местах страны. Человек, окунувшийся в атмосферу Дома на Плющихе, начинает мыслить «экологически» и вообще руководствоваться в жизни иными, чем прежде, категориями.

Но как же все это непросто. Дому на Плющихе грозит опасность. То есть не зданию вообще, оно вроде бы охраняется государством, а той жизни, которая идет в нем. Хотя и зданию, кажется, тоже может не поздоровиться. Сейчас в духе времени идет его переоборудование для коммерческих предприятий, приносящих доход группе деятельных предпринимателей. Устроили здесь ресторан «Китайская кухня» с подсобными помещениями. Дорогой общепит теснит университеты и клубы. На культуру ожесточенно наступает все то, что покупается и продается.

Культура спасет народ, если народ спасет культуру. Эти слова, прозвучавшие недавно на встрече Президента с интеллигенцией, повторила Эльвира Борисовна Семенова. И в голосе-флейте послышались мне звуки металла. Эльвира Борисовна — народный депутат района. Она организовала митинг в защиту Дома. На митинге среди других выступавших были и подростки, которые не хотят отказываться от занятий в Доме. Тоже спасают культуру.

* «Детка» опубликована в № 2 этого года.

СО ВСЕГО СВЕТА

ЛЮБОВЬ И БАРАБАН

Семейные разводы — бич современного общества. А сколько мужчин так и остается холостяками, избегая сложностей брака. Впрочем, не все мужчины такие. Когда 37-летнему албанцу Красиниги, имеющему 5 жен и десять детей, его жены сообщили, что он может привести в дом еще 5 новых и вызвались помочь отобрать молодых и красивых девушек, Исмет не оробел и заявил, что готов и на большее. Он считает, что в доме должно быть не менее 20 жен и пятидесяти детей. Девушкам, заинтересовавшимся Исметом, сообщаем, что он — не султан, не эмир и даже не владелец совместного предприятия или кооператива. Живет в Косове, зарабатывает тем, что бьет в барабан на свадьбах. А может быть, дело в барабане!

И ВСЕ-ТАКИ ПРОТИВ БРАКА...

Согласно исследованиям, в США лишь 2 процента священников могут быть отнесены к лицам, строго соблюдающим целибат и не вступающим в интимные отношения с женщинами. Тем не менее реформисты католической церкви, выступающие за отмену целибата, вновь потерпели поражение на VIII Ассамблее епископского синода, проходившего в Риме осенью прошлого года.

ТАЙНОВЕДЕНИЕ

КАКОЕ ВЫ ДЕРЕВО?

Продолжаем знакомство с попыткой древних жрецов Северной Европы — друидов — осмыслить природу человека через мир растений. Люди и деревья родственны. Определенный тип людей и определенный вид деревьев взаимосвязаны. Они могут быть друзьями и врагами. Попробуйте в трудную минуту вспомнить родственное вам дерево. Попросите у него сил, терпения и доброжелательности. И вы убедитесь, что в а ш и деревья, даже если вы не встречали их, тонкими энергиями связаны с вами неразрывно.

КЕДР
9—18 февраля
14—23 августа

Свойства людей, рожденных в кедровый период, производят на окружающих сильное впечатление. В них привлекательна сила и души, и тела. Высокие требования к себе и к другим, запросы, превышающие средний уровень.

Временами «кедровые» люди кажутся рожденными для сказки или, по меньшей мере, для легенды. Повышенное чувство ритма и гармонии, высокий эстетизм нередко воспринимается со стороны как снобизм. «Кедровые» люди отважны, щедры, трудолюбивы и плодотворны.

Многие люди из их окружения ощущают реальную поддержку и ориентируют свои представления по ним, сверяют с ними систему ценностей. Уже одно их присутствие хорошо организует дело.

Обладают хорошим здоровьем, болезни случайны и незначительны.

Людям кедра нравится блистать. И они могут себе в этом не отказывать. Блеск их озарит и поможет окружающим. Хотя временами их обвиняют в эксцентричности.

В любви как ни один знак — требовательны к себе и партнерам. Кедровые люди долго ищут свою неповторимую и единственную пару. Иногда всю жизнь. Не всем окружающим понятно такое высокомерие. Что ж делать?

Дружба с кедровыми людьми дает много сил, радости. Но, покоряя окружающих, кедр страдает, теряя себя.

Красота всегда немножко жертвенна.

СОСНА
19—29 февраля
24 августа — 2 сентября

Свойства людей, рожденных в «сосновый» период, в равной степени способны привлекать и отталкивать окружающих. Не всем по душе атакующий стиль жизни. Склонность к изяществу, временами доходящая до снобизма, проистекает из повышенной требовательности к себе и другим. Чаще, впрочем, к другим. Сосна либо тянется ввысь — ей хорошо понятны высокие устремления, либо принимает причудливые формы, приспосабливаясь к обстоятельствам.

Аскетизм позволяет людям сосны выживать в самых трудных условиях, но им нравится и комфорт. И он же является для них сверхзадачей. Не внешний, бытовой комфорт, но глубинный, духовно-психологический.

Книги, музыка и культура вообще для них не являются источником наслаждения. Люди сосны практичны, для них культура — это опыт предшественников и современников, разрешающий задачи жизни. Картина — документ, книга — инструкция, общение — обмен навыками. Реальная польза пронизывает каждое устремление.

«Сосновые» люди всегда готовы к трудностям, они их даже любят. Тяготение к трудностям подсознательно подталкивает к периодической смене образа жизни.

В любви и дружбе для людей сосны важнее всего уважение к избраннику или избраннице. Люди сосны не имеют равных в самозащите. Скорость реакций почти мгновенна, самозабвенность в единоборстве исключительная. Может показаться, что люди сосны коварны, но это не так. Ведь всякий раз им кажется, что они борются за выживание.

Сосна может расти везде, но ей необходим жизненный простор. Терпеливая и выносливая, практичная и живая, она примет все, кроме болота.

Начало публикации в № 1 и 2, 1991.

МАРТ — из народного календаря (По В. Далю)

28 февраля (15 марта). Василий капельник: с крыш капает.

1 (14) марта. Евдокия. Первая встреча весны. Евдокия красна — и весна красна. Какова Евдокия, таково и лето.

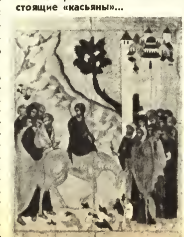
9 (22). Сороки (Сорок мучеников). Сорок птиц прилетают. Вторая встреча весны.

17 (30) марта. Алексей, человек Божий. Алексей теплый; Алексей — с гор вода.

Из переходящих церковных праздников в этом году на 18 (31) марта приходится Вербное воскресенье. Это праздник в ознаменование памяти «Входа Господня в Иерусалим». Во многих европейских странах этот день именуют «пальмовым воскресеньем»: по преданию, путь перед Христом, въезжавшим в Иерусалим, восторженные горожане усыпали пальмовыми листьями.

Свежие, едва распустившиеся веточки вербы служат у нас символической заменой пальмовых ветвей и еще, как каждому известно, напоминают о приходе весны.

Расскажем еще об одном примечательном дне февральско-мартовского календаря. 29 февраля (13 марта н. ст.) — «касьяны», день святого Касьяна (Кассиана). День этот, наступающий лишь раз в четыре года, издавна считался тяжелым, несчастливым, как, впрочем, и весь високосный год. «Касьян злопамятный», говорили, «недобрый», «завистник». «Касьян на траву — трава сохнет, Касьян на скот — скот дохнет...» В невисокосный год день памяти святого Кассиана переносится на 28 февраля (также 13 марта), но день этот — совсем не страшный, не то что настоящие «касьяны»...

Заодно заметим, что пересчет дат со старого стиля на новый ведется по-разному для високосного и обычного года. В обычном году за 15 (28) февраля следует 16 февраля (1 марта), и так далее, вплоть до 28 февраля (13), а затем — 1 (14) марта. В високосном же году — иначе: 16 (29) февраля, 17 февраля (1 марта), 18 (2 марта) и т. д., вплоть до 29 февраля (13 марта), за которым идет, как и в обычном году, 1 (14) марта. Иначе говоря, на протяжении этих двух недель разница между датами по новому и старому стилю составляет не 13, а 12 суток. Это нужно помнить, когда ведем пересчет для високосного года.

Даты указаны по старому и (в скобках) новому стилю

Начало на с. 11

Святыня или призрак?

человека как плотское, заключающее в себе зло существо, тем не менее утверждает, что человек создан по образу и подобию божьему.

В античной философии человек воспринимался не как безоговорочная ценность космического мироздания, а как один из его первоэлементов, связанный с ним и подчиненный ему. В христианстве личность несет иное предназначение, ибо на нее накладывается отпечаток абсолютной личности творца. Она обретает некую самоценность, независимую от космологических сюжетов. Вместе с тем рождается идеальное представление о человеке как существе, воплотившем в себе телесночувственную субстанцию, одушевленную разумом, духовностью.

«Христианство освободило человека от власти космической бесконечности,— писал русский философ Николай Бердяев,— в которую он был погружен в древнем мире, от власти духов и демонов природы. Оно поставило его на ноги, укрепило его, поставило его в зависимость от Бога, а не от природы. Но на вершинах науки, которые только и стали достижимы при независимости человека от природы, на вершинах цивилизации и техники человек сам открывает тайны космической жизни, раньше от него скрытые, и обнаруживает действие космических энергий, раньше как бы дремавших в глубинах природной жизни»[2].

Именно христианство явилось почвой европейской персоналистской традиции, в которой личность понимается как своеобразная святыня, абсолют. Эти умонастроения нашли отражение в патристике, в ренессансном, просвещенческом и романтическом идеалах. В гуманизме нового и новейшего времени персоналистская традиция освободилась от религиозного содержания. Она стала признавать право человека на свободу, счастье, развитие и проявление своих способностей.

Выходит, язычество — это воплощение авторитарного сознания, христианство же, напротив, утверждает суверенную личность, свободную от чужой воли. Конечно, как подчеркивает немецкий философ Карл Ясперс, язычество постоянно вторгается в тончайший слой современной культуры, возрождая ложное обожествление человека. Но в целом христианская традиция утвердилась гораздо прочнее. Она-то и противостоит всем формам философского неверия, которые, по выражению К. Ясперса, пытаются восстановить демонологию, культ кумиров, языческое боготворение...

Не содержится ли в этих рассуждениях приговор авторитарному сознанию?. Чем глубже будет проникать в сознание человечества идея личности, тем больше будет сужаться пространство для безотчетного поклонения власти. Духовный человек дорожит своей свободой, присущей ему единственностью. Он не станет творить кумиров. Увы, такой вывод был бы слишком безоблачным.

Да, истоки персоналистской традиции европейской культуры восходят к христианству. Однако припомним, за что критиковал христианство Ницше. По его мнению, выдвигая идею равенства, оно восславило плебейскую посредственность, чувство стадности. Но авторитарное сознание порождается не только побуждениями сильной личности. Его постоянно воспроизводит масса. Авторитарность — это тирания большинства.

Но как из идеи равенства может родиться культ лидера? Ответ на этот вопрос, как мне кажется, дают размышления по поводу смысла слова «харизма». Это греческое слово означает «милость», «благодать», «божественный дар». Но кому дарована милость? Первоначально не предполагалось возвеличивания какого-нибудь лица, а выражался общий мистический опыт, в процессе которого община ощущала присутствие Христа.

Именно в этом значении святой Павел ввел это слово в контекст общинной организации. Каждый христианин понимался как харизматик, и никакая личность не могла претендовать на исключительное обладание харизмой. Без харизмы церковь не конструируется в качестве религиозной и теологической реальности.

Но почему же этот дух общества привел к тому, что не община в целом, а ее лидер обрел ореол харизмы? По-видимому, масса не может удержать себя на фундаменте суверенной личности. Кое-кто из ее множества отказывается от собственной уникальности, свободы, незаменимости. Такой индивид проецирует лучшие человеческие качества на другого. Возникает поиск сильной фигуры, которую община добровольно наделяет эффектом харизмы. Харизма основывается на абсолютной преданности, привязанности и личном доверии к пророку, проповеднику, политическому деятелю.

Язычество грешит обожествлением человека. Но, оказывается, христианству тоже свойственно это. Почему так получается? Одна духовная традиция сменяется другой, происходит глубинный сдвиг во всей системе нравственно-ценностных ориентаций, а потребность в поклонении другому остается неизживаемой. По-видимому, обнаруживаются какие-то глубинные механизмы человеческого поведения. Когда внутри церкви возникали еретические движения, то их участники отвергали те иерархические отношения, которые складывались внутри господствующей религии. Но сами эти движения фатальным образом воспроизводили ту же структуру господства и подчинения.

Является ли свобода абсолютной ценностью? Вопрос отнюдь не простой. Издревле человека, который стремился к свободе, казнили, подвергали пыткам, предавали проклятиям. Но никакие кары не могли истребить свободолюбие. Сладкий миг свободы нередко оценивался дороже жизни... На алтарь свободы легли бесчисленные жертвы. Так, может быть, история человечества и есть дорога к свободе?

Однако история подтверждает не только истину свободы. Она полна примеров добровольного закабаления, красноречивых иллюстраций психологии власти и подчинения. «Бегство от свободы» — это выражение прочно вошло в лексикон социально-критической литературы. Оно выражает нежелание индивида жить по собственному экзистенциальному проекту. Пусть уж лучше традиция, закон, приказ, нежели собственная воля. Диктаторы основывали свою власть как раз на предпосылке, что люди нуждаются в вождях, принимающих за них решения. Вожди нередко твердо убеждены в том, что они выполняют вполне моральную, хотя подчас и трагичную обязанность.

Тиран немыслим без законопослушника. Вождь — без массы. Лидер — без толпы. Люмпенизация, создание массы, лишенной корней и устоев, как становится сегодня очевидным, в значительной степени содействовали деспотии Сталина. Генетически это представление связано с философскими учениями XIX века об иррациональности масс, массовых, неорганизованных движений. Многие социальные процессы описываются сегодня как результат действия толпы, как реализация ее жестоких влечений.

Так, может быть, невыветриваемость тоталитарного сознания коренится в неспособности индивида к самостоятельной созидательной жизни, в постоянной его вовлеченности в толпу? Дадим слово социобиологам. Они считают, что социальное поведение всех живых существ — от бактерий, медуз, насекомых до обезьян и человека — основывается по существу на одних и тех же принципах. Спросим известного американского биолога Эдварда Уилсона, крупнейшего авторитета в области социобиологии.

— Между человеческим обществом и «обществом животных»,— говорит он,— гораздо больше сходства, чем предполагалось до сих пор. Многие из обычаев и традиций, которые мы считаем достоянием человеческой цивилизации, имеют аналогии в социальном поведении животных.

---

[2] *Бердяев Н. А. Человек и машина. Проблемы социологии и метафизики техники. — Вопросы философии. 1989. № 2. С. 161.*

— Стало быть, мы полагаем себя творцами этих традиций, а они подареиы нам меиьшими братьями?

— Имеиио так. В жизни человека и животиых миожество схожих ритуалов. Взять хотя бы сложиый ритуал птиц, которые иамереваются перенести свое гиездо с одиого места иа другое. Или ритуал преподиесеиия «свадебиого подарка». Его можио обиаружить у иекоторых видов иасекомых...

— Профессор, но это касается повадок... Не стаиете же вы отрицать этические прииципы, присущие только человеку?

— Стаиу... Нашн этические прннципы иередко нмеют свой прообраз в животиом мире. И чаще, чем это прииято считать...

— Например?

— Вот, скажем, альтруизм... Это качество проявляется в поведеиии миогих видов животиых — от насекомых до приматов.

— Но ведь это совершеиио обескураживает. Я совершаю акт милосердия в полиой увереиности, что демоистрирую присущие мие человеческие качества, а, оказывается, это всего лишь животиый иистинкт.

— Возможио, человеческое сознаиие ие может прииять этот факт. Но ведь это результат научиых обобщеиий.

Теперь слово психоаналитикам. Речь пойдет ие о природиой, а о психологической обусловлеииости. Как можно говорить о созиательиом выборе со стороны иидивида, если сторонинки психоанализа доказывают, будто поведеиие человека «запрограммироваио» впечатлеииями детства, вытесиеииыми влечениями, подавлеииыми вожделеииямн? Оказывается, любой поступок, самый сокровеииый или совершеиио стихийиый, если верить неофрейдистам, можио предсказать, объясиить зараиее, доказать его иеотвратимость. Например, некрофильство Гитлера или Сталиив выводится из детских извращеиий психики. Что же тогда остается от человеческой субъективиости?

Западиогермаиский социолог и философ Теодор Адорио потратил иемало усилий, чтобы доказать: человек ориеитироваи не «изиутри», ие уиикальными мыслительиыми и эмоциоиальными движеииями души, а «индустрией созиаиия». По миеиию этого исследователя, личиость утратила свою самостийиость, став объектом тотальиого маиипулирования со стороиы господствующей власти, и человек стал жнть не столько выбором, сколько иллюзией выбора.

Экзистенциалнсты — имн мы, пожалуй, н завершим наш фнлософский экскурс,— всегда считали, что предельиая свобода иидивнда иаходнт выраженне в акте самоубийства. Этот поступок требует предельной виутренией концентрацнн сил, отчаяииой решнмости, готовности к последнему шагу. Но вот религиозио иастроенный французский философ Габрнэль Марсель полагает, что в иаши дии средства психологического нажима иа личиость столь изощреины, тоики, иеуловимы и вместе с тем действеииы, что н этот акт отиюдь ие воплощает свободиой воли иидивида.

Можио, иапример, по словам Марселя, подтолкнуть к трагической гранн человека, полного желаиия жить. И что самое удивительиое, при этом внушить ему, будто этот прнговор себе ои вынес обдуманио, самостоятельно, без всякой подсказкн. Напротив, изверившегося, отчаявшегося субъекта, задумавшего уйти нз жизии, с помощью тех же маиипулятивиых приемов можио уверить в том, что такой поступок невозможеи имеиио с моральиой точки зреиия. Стало быть, личиый акт нравствеииого решення (выбор) в любом вариаите, как подчеркивает Марсель, подменен «безличиым», «безнравствеииым» диктатом маиипуляторов.

Так что же, свобода — это святыия или призрак?

Несколько общнх соображеннй. Нет иеобходимости отвергать цеиность тех открытий, которые сделаны соцнобиологами. За короткий срок им удалось устаиовить много иовых фактов, рассеять миожество заблуждеиий и предрассудков. В частиости, оии показали, что в группе — будь то рой, стадо, сообщество — животиые находятся между собой в сложиых н предопределеиных отношеииях.

Однако, как мне кажется, тут ие обошлось без курьезов. Можно, иапример, выводить человеческие формы семейиых отиошеиий из «брачного» поведеиия отдельных видов птнц. Правомерио ли ставнть зиак равенства между действиями обезьяны, которая размазывает краску по холсту, и живописью иа том основаиии, что у художнйков есть стремлеиие эксперимеитировать, изобретать формы и цветовые сочетаиия?

Человек — часть живого мира. Ои плотью и кровью прииадлежит природе. Но мир социальных отиошеинй отличается качествеииым своеобразием. Как биологический вид человек принадлежит к животиым. Как соцнальный феномеи ои — продукт обществеииого, исторического развития.

Несомиеиио, индивид иесет иа себе груз наследствеииых предрасположеиий, о чем предупреждают социобиологи. Генетическое наследованне — стихийиый процесс, идущий иа биологическом уровне независнмо от желаиий и воли личиостн. Такие человеческие качества, как нителлект, способиости, талаиты не передаются по иаследству, через гены. Оии формируются только при жизии, в нтоге деятельиости человека в условиях общественных отношений. Труд, воля, идеалы, мировоззрение передаются путем социальиого иаследования и выступают для каждого последующего поколеиия в виде социальной программы, которую ему предстоит не только усвоить, ио и развить дальше. Вот где огромиое социальиое простраиство для свободного творчества...

Разумеется, человек не может в любой момеит творить себя по собствеииому произволу. Правы фрейдисты: миогое закладывается в личиости у ее истоков и оказывает влияиие иа всю последующую социализацню. Например, не подлежит сомиенню огромное значение самого раннего детства для формироваиия личиости, о чем не раз говорили выдающнеся пснхологи и педагоги. И тем ие меиее человек отиосительио свободен едва ли ие в любом своем поступке...

Каков же итог этих размышлеиий? Авторнтарное сознаиие — вовсе не уиикальиое явлеиие, ие некая патология. Его рецидивы подстерегают нас повсеместио. Его биологнческие, психологическне, социальиые истоки иуждаются в изучеинн. Свобода — одна из неоспоримых общечеловеческих цеииостей. Однако даже самые радикальиые умы прошлого, выступавшие в защнту этой святыни, обнаруживалн половинчатость н робость. Свобода не абсолютиа, полагали онн. Предоставь иидивиду право распоряжаться собствеииой жизиью — и наступит век хаоса. Ведь в нем сильны иистиикты своеволия, эгоизма, разрушеиия. Свобода безусловна, ио хорошо, когда человек добровольно подчиияется общей воле, сознательио умеряет собствеииые порывы.

Можио ли отиять у человека свободу? Несомиеиио... Но возможио лн создать такое общество, в котором одиажды иайдеииые способы тотальиого иадзора иад человеком были способиы обеспечить стабнльность общества, его нерушимость? Об этом размышлял, в частности, Карл Ясперс. Плодоиосиа ли идея иичтожиости человека и величия государства, идея подавлеиия личиой свободы человека во имя торжества всеобщего счастья н всеобщего добра? И ои ответил на эти вопросы одиозиачио. Человечество не знает и, к счастью, никогда не узиает состояиня иезыблемого деспотизма.

Мне кажется, что мы проходим мимо важиейшего исторического урока. Пора, по-видимому, в полиой мере и по возможностн всеобъемлюще разобраться в ием. Я говорю о тщете тираиических режимов. Сталиищина показала, что деспотизм вообще обречен, он бесперспективен. Ннчего иельзя построить на человеческих жертвах, иа беззастеичнвой эксплуатацни человеческого материала... Ведь это факт, что ннкакая самая изощреиная тнраиня, на какой бы разветвлеииый аппарат иасилня она нн опиралась, не способиа окончательно загнать человека в тупик...

Л. Л. ЛЕБЕДЕВ

Выдать деву замуж или жениться на ней самому?

В 1-м послании апостола Павла к коринфянам есть место, которое вызывает у толкователей немалые затруднения.

Вот этот текст (в синодальном русском переводе XIX века):

«Если же кто почитает неприличным для своей девицы то, чтобы она, будучи в зрелом возрасте, оставалась так, тот пусть делает, как хочет: не согрешит; пусть таковые выходят замуж.

Но кто непоколебимо тверд в сердце своем и, не будучи стесняем нуждою, но будучи властен в своей воле, решился в сердце своем соблюдать свою деву, тот хорошо поступает.

Посему выдающий замуж свою девицу поступает хорошо; а не выдающий поступает лучше» (1 Кор. 7:36—38).

О какой деве здесь речь?

По смыслу перевода будто бы о дочери. Но что тогда означает «не будучи стесняем нуждою»? Предположить, что речь идет о выкупе за невесту, мы не можем: нет никаких сведений (и даже намеков) о существовании такого обычая в раннехристианской общине.

Перевод текста есть, в сущности, его толкование. Обратимся к каноническому церковно-славянскому тексту — и обнаружим несколько иные смысловые оттенки:

«Вдаяй браку свою деву, добре творит; и не вдаяй, лучше творит».

Конечно, «вдаяй браку» можно понимать как «выдающий замуж», но не исключается и другое: «берущий в брак».

Споры об этом тексте начались уже давно. Знаменитый исследователь Священного Писания Тишендорф во второй половине XIX века произвел филологический анализ наиболее древних из сохранившихся вариантов Нового Завета на греческом языке. В интересующем нас месте он обнаружил термин («гамизон»), который имеет двоякий смысл: «женить» и «жениться».

Если принять вариант «жениться», то приведенные слова апостола Павла — это свидетельство существования в раннехристианской общине обычая обручения без обязательного вступления в брак[1]. Можно жениться, но можно и «соблюдать (блюсти) свою деву». На это, конечно, способен только тот, «кто непоколебимо тверд в сердце своем» и «не стесняем нуждою», то есть без искушений переносит воздержание. В этом же послании апостол советует даже состоящим в браке воздерживаться: «имеющие жен должны быть как не имеющие» (1 Кор. 7:29). Тогда ожидали скорого пришествия Иисуса Христа и желали, в связи с этим, быть свободными от семейных и телесных забот. Но нельзя думать, что апостол гнушается плотью. Он поясняет, что это лишь совет, но не повеление, и предостерегает от непосильного воздержания: «Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим» (1 Кор. 7.8).

О распространенности духовно-эротических отношений в раннехристианской общине свидетельствует другой памятник той эпохи «Пастырь Ерма» — произведение настолько в свое время популярное, что едва не вошло в состав Нового Завета. Ерм упоминается в одном из посланий Павла (Рим. 16,14); предание считает его одним из 70 апостолов Христа (Лк. 10,1). Вот описание одного из видений Ерма, в котором Пастырь (видимо, сам Христос) оставляет его на ночь с десятью прекрасными девами. Они успокаивают смущенного Ерма: «С нами ты уснешь как брат, а не как муж, ибо ты брат наш, и впредь мы намерены жить с тобою: очень, ведь тебя любим». Мне же,— говорит Ерм,— стыдно было оставаться с ними. И та, которая из них казалась первою, начала меня нежно целовать и обнимать. Прочие же, видя, что она обнимает меня, и сами начали целовать меня и обводить вокруг башни, и играть со мною. Я как-то стал моложе и начал и сам играть с ними. Ведь одни плясали, другие же водили хоровод, а третьи пели... И оставался с ними эту ночь и отдыхал возле башни. Ведь девы постлали свои полотняные хитоны на землю и меня поместили на середине, а сами совсем ничего не делали, кроме как молились. И я с ними непрерывно молился, и не менее их. И радовались девы тому, что я так молился...»[2]

Но шло время — менялись нравы, менялись и обычаи. Эсхатологические ожидания не сбылись, вера ослабела; будущее Церкви оказалось под угрозой. Попытка искусственно поддерживать прежний энтузиазм приводила к оргиастическим срывам; начавшееся мощное вторжение восточных аскетических учений провозглашало греховность плоти как таковой. Отвергая и то, и другое, христианство установило более строгое отношение к эротике. Обручение сохранилось как подготовительный этап к браку; те же, кто хотел целиком отдаться молитве и духовному подвигу, стали создавать монашеские общины — мужские и женские отдельно. Прежние обычаи забывались: в III веке фанатичный аскет Тертуллиан называет Ерма «пастырем прелюбодеев». Не удивительно, что в этой атмосфере иначе читались и строки послания апостола Павла: «дева» — во избежание соблазнительных мыслей — стала пониматься просто как дочь. И это не вызвало сомнений в последующие века.

Однако в наше время, в особенности в протестантской среде, стремящейся возродить дух раннехристианской эпохи, вернулись к древнему толкованию. Так, в «новом переводе с греческого подлинника», опубликованном Славянской духовной ассоциацией (Иллинойс, США, 1970) интересующее нас место звучит так: «Кто женится на своей деве, хорошо поступает, а кто не женится, лучше поступает» (I Кор. 7:38).

Однако в параллельном английском тексте того же издания по-прежнему говорится о «деве-дочери», которую «выдают замуж».

Иной перевод с греческого на русский,— а значит, толкование — предлагает Библейский центр, Форт-Воре, Техас, США (Благая весть от Бога. Новый Завет. Вена, 1989): «Если кто-то считает, что он поступает не как положено по отношению к своей невесте, если страсти его слишком сильны и им необходимо пожениться, то пусть он делает, что хочет. Но не согрешит. Пусть они поженятся. Но тот, кто тверд в решении своем, не поддается искушению и владеет желаниями своими, и решил в уме своем сохранить свою невесту такой, как она есть, поступает хорошо. Итак, кто женится на невесте своей, поступает хорошо, а тот, кто не женится — даже еще лучше» (I Кор. 7:36—38).

Весьма «вольный» перевод, но звучит он, согласимся, весьма современно.

Так некоторые черты раннехристианской традиции неожиданно обретают актуальность в наши дни.

---

[1] *В этом обычае можно увидеть и отголосок еврейской традиции, позволявшей помолвленной невесте жить в доме жениха, не вступая в брак. До истечения этого срока помолвка могла быть расторгнута.*

[2] *Цит. по кн. о. Павла Флоренского «Столп и утверждение истины». М., 1914. С. 307.*

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИКСТЛАН

16 июля 1961 г., воскресенье

Разрушение жизненного шаблона

Целое утро мы наблюдали за похожими на толстых белок грызунами — дон Хуан называл их водяными крысами. Он рассказал, что они чрезвычайно проворны и легко ускользают от погони; и есть у них неудобная для охотника привычка — уйдя на безопасное расстояние, останавливаются, забираются на камень и, встав на задние лапки и посматривая вокруг, принимаются вылизывать шерстку.

— У них очень острый глаз,— говорил дон Хуан. — Преследовать их можно только пока они сами бегут, а как остановились — и ты замирай. Учись угадывать, когда оборвется бег.

Я с увлечением взялся за дело и выследил множество зверьков — охотнику не стыдно было бы вернуться домой с такой добычей. Теперь мне почти всякий раз удавалось угадать, как они будут себя вести.

Потом дон Хуан показал, как ставятся ловушки. Сначала охотник выясняет, где зверьки ищут себе пропитание, где роют норы; ночью ставит ловушку, и на следующий день нужно только спугнуть их, и они обязательно попадаются.

Мы набрали подходящих прутиков и принялись сооружать хитрое охотничье приспособление. Я уже почти управился, как вдруг дон Хуан поглядел на левое запястье, будто бы на часы (которых никогда не носил) и сказал, что подошло время обедать. Я машинально отложил длинный прут, который пытался согнуть в петлю.

Дон Хуан с любопытством взглянул на меня и, вытянув губы, загудел, как труба или, точнее,— заводской гудок, каким отмечают обеденный перерыв. Я рассмеялся и подошел. Он неотрывно следил за мной.

— Ах, черт... — пробормотал он, покачивая головой.

— Что такое? — спросил я.

Он снова протяжно загудел.

— Перерыв кончился. За работу.

На секунду я растерялся, но потом понял: он шутит, ведь обедать-то нам нечем, мы не взяли из дому еды... Я стал мастерить ловушку. Через минуту — снова «гудок».

— Пора домой! — сказал дон Хуан, поглядев на воображаемые часы и подмигнув мне. — Пять часов!

Должно быть, наскучило ему наше занятие. Я стал покорно собираться. На него я не смотрел: думал, что он тоже складывает охотничьи принадлежности. Подняв наконец глаза, я обнаружил, что он спокойно сидит в сторонке, скрестив ноги.

— Я готов, можно идти,— произнес я.

Тогда он встал, забрался на большой, в человеческий рост, камень и, взглянув на меня сверху вниз, приложил ладони трубкой ко рту и загудел еще громче и протяжнее. При этом он поворачивался на месте.

— Что вы делаете, дон Хуан?

Он ответил, что дает всему миру знак: пора домой! Я ничего не понимал. То ли шутит, то ли умом тронулся... Я внимательно смотрел на него, пытаясь припомнить, не говорил ли он сегодня чего-нибудь, с чем можно было бы связать эту выходку. Но нет, мы мало разговаривали, и только о звериных повадках.

Дон Хуан по-прежнему стоял на камне. Улыбнулся, снова подмигнул. Мне вдруг стало тревожно. А дон Хуан окружил ладонями рот — раздался очередной пронзительный клич.

— Восемь утра,— пояснил он. — Впереди целый день, собирайся на охоту.

Я окончательно смешался. Мне стало так страшно — хоть беги прочь. Он, несомненно, сумасшедший... Я бы и правда сбежал, но в эту минуту дон Хуан слез с камня и, улыбаясь, подошел ко мне.

— Думаешь, я — псих?

Я объяснил, что до смерти напуган его непонятным, непредсказуемым поведением.

На это он ответил, что мы, в таком случае, квиты: он нарочно испугал меня непредсказуемым поведением, потому что я привожу его в бешенство своим предсказуемым поведением. И добавил: жить по шаблону — не разумнее, чем подражать фабричному гудку.

Я заметил, что живу вовсе не по шаблону. Наоборот, в моей жизни как раз не хватает здоровой упорядоченности.

Дон Хуан засмеялся и знаком велел сесть рядом. Мое настроение резко изменилось: страх растаял так же внезапно, как появился.

— Какие же именно поступки я совершаю по шаблону? — спросил я.

— Все.

— Все?.. Что ж, видно, так уж человек устроен.

— Не каждый человек. Например, в моей жизни вообще нет шаблонных поступков.

— А с чего вы взяли, что они есть в моей? Почему вы вообще заговорили об этом? Что конкретно я сделал? — сыпал я вопросами.

— Ты беспокоился об обеде.

— Да я ни слова об этом не сказал! Почему вы так решили?

— Потому что каждый день — в восемь утра, в полдень и в шесть вечера — ты беспокоишься о том, чего бы поесть,— коварно усмехнулся он. — Даже если не голоден... Гудок сразу показал, насколько ты привык жить, как заранее установлено, насколько твой дух отравлен шаблоном.

Он глянул на меня выжидающе, мне нечего было возразить.

— Ты и в охоту стремишься внести упорядоченность,— продолжал он,— выбрать ритм: в этот час разговариваю, в этот ем, в этот сплю...

Я молчал. Пример с едой точно отражал мое отношение к жизни вообще. И все же я был уверен, что гораздо меньше подчинен шаблону, чем все мои друзья и знакомые.

— Важное преимущество охотника состоит в том, что ему известен жизненный шаблон жертвы,— говорил дон Хуан,— именно эти сведения и превращают его в настоящего охотника... Вспомни, как мы ставили ловушки — все время помнили о звериных повадках, то есть об установленном ритме. Но это — внешние действия. Теперь я научу тебя еще одному, главному и самому трудному. Может быть, пройдут годы, прежде чем ты освоишь этот урок.

Дон Хуан замолчал, как бы давая мне время обдумать его слова. Снял шляпу и изобразил, как вылизывают шерстку грызуны, которых мы наблюдали утром. Выходило очень забавно: его круглая голова придавала ему сходство с этим зверьком.

— Быть настоящим охотником — значит не только умело ловить дичь,— снова заговорил он. — Ловушка

безупречна ие потому, что ловко сделана, н не потому что охотнику нзвестны повадки зверя, а потому, что у самого охотннка в жнзнн нет шаблона. И в этом — его велнкое преимущество; он не придавлен раз н навсегда установленным жнзненным порядком,— он свободен, гнбок, иепредсказуем.

Суждения дона Хуаиа казалнсь пронзвольными, нелогичными, слнщком проинкнутымн романтикой. Я не мог представнть жизнь, лншенную упорядоченностн. Не хотелось кривить душой н просто так соглашаться с ним. Жить так, как он предлагает,— невозможно.

— Чтобы стать охотнником, иужно разрушнть жнзиеиный шаблон — н точка,— сказал он. — Ты способный ученнк, охотннчье искусство дается тебе легко. Но твое поведение предсказуемо, и в этом ты такой же, как те, кого ты преследуешь.

Я попросил объяснить подробнее.

— Возьмем жнвотных,— спокойио сказал он. — У них есть свой порядок: где иаходят пропнтание, где, как н сколько спят, где устраивают логовище... Подобное ты обнаружншь н в своей жизии. Ты изучнл повадкн зверей, обнтающнх в пустыие, и зиаешь, что едят н иаходят пристаиище они всегда в одиом определенном месте, что каждый оставляет характерный след; однмм словом, хороший охотник угадает н представит в деталях всякое нх движение... И ты, повторяю, ведешь себя так же. Конечио, не только ты. Когда-то один человек сказал н мие то, что я теперь говорю тебе. Все мы ведем себя точио так же, как иаши жертвы, наша будущая добыча. И, в свою очередь, стаиовнмся добычей кого-нибудь другого, нензвестного... Задача охотника — бросить поведение, прнсущее жертве. Теперь поиимаешь?

Я заметил, что выполиить эту задачу невозможно.

— На это, н правда, требуется время. Для начала — перестань обедать каждый деиь в полдень. — Он добродушио улыбиулся; выражеине лнца у него было такое забавиое, что я улыбиулся в ответ. — Между прочим, есть зверн, которых нельзя выследить. Есть такой особый олень, его — и то, если очень повезет,— только однн раз в жнзнн и встретншь, случайно.

Дои Хуаи замолчал и проиицательио взгляиул иа меия, будто ждал вопроса. Но я ие зиал, что спросить.

— Как ты думаешь, почему этого особого олеия трудно выследить? — спросил, иакоиец, ои сам.

Я пожал плечами.

— Потому что у него иет твердых повадок,— сказал он миогозиачительно. — Этот олень — волшебный.

— Но по ночам ои спнт, верно? Чем не повадка?

— Была бы повадкой, спн он в одном и том же месте и в определениые часы. Но волшебный олень ведет себя иеобычио. Кстатн, быть может, ты сам в этом когда-ибудь убедишься. Быть может, судьба распорядится так, что ты до коица дией будешь выслеживать такого олеия.

— Почему вы так думаете?

— Потому что ты любишь охотиться; еслн твоя дорога пересечется с тропой волшебиого олеия, ты последуешь за иим... Он того стоит, поверь! Мие повезло, я однажды с ннм встретился. Я уже был тогда опытным охотнником н как-то раз бродил по густому лесу в мексиканскнх горах... Вдруг различаю тихий, нежный свист, иикогда такого не слыхал. Откуда доиосится, поиять ие могу, словно бы отовсюду сразу. Решил, что вокруг меия — стая какнх-то иеведомых зверей. Дразиящий свист на минуту оборвался, а когда раздался сиова, я вдруг сообразил, какое счастье мие выпало: это волшебный олень! Я знал, что такому оленю нзвестио, как ведут себя и обыкновенный человек, н охотннк. Очень легко представнть, что сделал бы оказавшийся в моем положении обычиый человек: во-первых, испугался бы, то есть сразу прннял поведение жертвы; дальше у него, как у жертвы, два пути — убежать или застыть на месте. Если ои без ружья, скорее всего убежит. А с ружьем — застынет, где стоит илн же упадет наземь, н палец на курок.

Теперь возьмем охотника. Ои, куда бы нн забрел, всегда заранее продумывает, как защнтнть себя. В нашем случае он прежде всего постарается спрятаться: ляжет на землю, свернется клубочком н прикроется пончо; нлн встанет под дерево и наброснт пончо на ветвн, замаскнруется, затаится.

А я, помня о том, что олень — волшебиый, сделал совсем другое, чего не сделалн бы ии обыкновенный человек, нн охотник. Быстро стал на голову н прннялся тнхонько причнтать, плакать. Я долго так всхлипывал, даже слезы иастоящне полились, мие уже становилось иехорошо — и тут я почувствовал иа себе, у правого уха, чье-то легкое дыханне. Попытался повериуть голову, посмотреть, но, конечно, упал. Сел, смотрю — стоит передо мной сверкающий олень, н глаз с меня не сводит. Тогда я сказал, что не причиню ему зла. И олеиь ответил.

Дон Хуан замолчал н взглянул на меня. Я иевольио улыбнулся; разговор с оленем казался, мягко говоря, маловероятным.

— Он умеет говорнть,— сказал дон Хуан с усмешкой.

— Олень?

— Да.

Дон Хуан поднялся н подобрал с землн свои охотичьи прннадлежиостн.

— Вы это серьезно?

Дон Хуан расхохотался.

— И что же олень сказал? — посмеиваясь, спроснл я.

Я был уверен, что дон Хуан шутит. Ои помолчал, словно бы припомнная, а потом, блесиув глазамн, ответнл:

— Олень сказал: «Здравствуй, прнятель!». И я ему тоже сказал: «Здравствуй». Потом он спросил: «Отчего ты плачешь?». «Мие грустно»,— объясиил я. Тогда он подошел ближе н шепнул в самое ухо — я ясио расслышал, вот как ты меия слышншь — «Не грустн».

Дон Хуан ие отрывал от меия взгляда, н в глазах у иего мелькнул лукавый огонек. Ои сиова расхохотался.

Я сказал, что разговор с олеием вышел глуповатый.

— А что ж ты хотел? — спроснл он смеясь. — Я же простой нндеец.

Мне оставалось рассмеяться вместе с нним.

— Ты ведь не верншь, что волшебиый олеиь умеет разговарнвать?

— Извнннте — нет.

— А я тебя н ие вииню,— увернл он. — Это у олеией н вправду редко случается...

Последняя битва на земле

24 июля 1961 г., понедельник

Мы долго бродилн по пустыне; ближе к вечеру дон Хуан выбрал тенистое место для стоянки. Как только мы сели, ои завел разговор. Сказал, что я уже много знаю об охоте, но все-такн измеиился меньше, чем мог бы.

— Мало лншь мастернть ловушкн,— сказал он. — Охотннк, еслн хочет жнть полнокровно, должеи н во всем остальном действовать по-охотничьи. К несчастью, изменнть свою жизнь трудно, это требует времеин; ниогда только на то, чтобы убедиться в необходимости такого изменення, уходят целые годы. Так случилось и со миой — может быть, потому, что у меия ие было склоиности к охоте. Сложией всего для меия было захотеть измениться.

Я сказал, что прекрасно его поннмаю. Вообще, с той поры, как он начал учнть меня охотнться, его слова стали чаще находить во мне отклнк. Я вдруг осозиал, что мне нравнтся жизнь дона Хуана, нравится сам ои как человек. В нем была какая-то цельиость; ои явио превосходил меия во многнх отношеннях, н в его поведеннн сквознло пониманне этого, однако он нн разу ие использовал своего преимущества, не извлек нз него ннкакой выгоды. В его стремленнн изменнть мою жизнь было что-то виеличностное: ои указывал каждый мой промах с абсолютиым спокойствием н твердостью. Я теперь хорошо зиал все свои недостаткн, но пока не представлял, как с иими справиться. Следовать его советам я не мог — они явно отдаляли от той жнзненной цели, которую я себе ставил, вели в тупик. Тем не менее, во мие все росло уважение к его взглядам, которые он умел отлнвать в красивые н точные формулы...

— Я решнл переменнть тактику,— пронзнес ои.

— В отношении меня? Почему?

— Хороший охотник часто меняет тактику — всякий раз, когда видит необходимость. Ты и сам это знаешь.

— Что значит «необходимость»?

— Охотник должен сообразжаться не только с повадками зверей, но и с теми силами, которые направляют жизнь всего сущего.

Я ждал продолжения, но он как будто сказал все, что хотел.

— О каких силах вы говорите? — спросил я.

— О тех, что направляют нашу жизнь и смерть.

И снова умолк. Он словно никак не мог решить, что же сказать — потирал руки, встряхивал головой, тяжело вздыхал. Я хотел было попросить, чтобы он объяснил свои загадочные слова, но он знаком велел замолчать.

— «Остановить» тебя будет трудно,— сказал он после долгих размышлений. — Ты очень упрям. Хотя, это, пожалуй, не так уж плохо — чем больше ты упрямишься, тем лучше тебе будет, когда, наконец, изменишься.

— Я стараюсь...

— Неправда. Ты совсем не стараешься. Ты это так говоришь — потому что звучит хорошо. Перед тобой какую цель ни поставь, одно твердишь: «Я стараюсь...» Только все без толку. Так нельзя.

Дон Хуан, как всегда, попал в точку. Я стал было защищаться, но вовремя спохватился: сколько уж раз я пытался отразить его едкие нападки — и неизменно выходил дураком.

Дон Хуан с любопытством взглянул на меня, улыбнулся и сказал добродушно, что все мы — глупцы, и я — тоже не исключение.

— Тебя всегда тянет на оправдания, будто бы ты — единственный, кто ошибается. Это в тебе говорит ощущение собственной важности. Ты от него еще не избавился — это раз; не стер личной истории — два; не принимаешь ответственности за свои поступки — три; не слушаешь советов смерти — четыре; и, наконец, остаешься слишком доступным — пять. Иными словами, живешь беспорядочно, в точности как и до нашей встречи.

Во мне снова восстало самолюбие, я хотел возразить, но он властно поднял руку.

— Мы живем в очень странном мире, и за это нужно принять ответственность. Ты согласен?

Я кивнул.

— Но мы говорим о разном,— сказал он. — Ты называешь мир странным, оттого что тебе в нем скучно, неуютно. А я — оттого,что он загадочен и жуток, непостижим и великолепен. И нужно принять ответствениость за то, что живешь в этом прекрасном мире, именно в этом прекрасном месте, именно в это прекрасное время; нужно всякий поступок совершать со смыслом, ведь срок нам отмерен короткий, слишком короткий, даже всеми красотами не успеть насладиться...

— В жизни чаще скучаешь, чем наслаждаешься,— все люди таковы...

— А ты не будь, как все,— изменись,— сухо сказал он. — Не сделаешь этого — считай, что и не живешь вовсе.

И попросил назвать какое-нибудь дело, которое захватывало бы меня целиком. Живопись, сказал я. Когда-то я хотел стать художником, несколько лет учился. Мне и сейчас больно вспоминать, что ничего не вышло...

— Ты никогда не чувствовал ответственности за то, что живешь в этом непостижимом мире,— с укором произнес дон Хуан. — Поэтому и не стал художником, и может быть, и охотником не станешь...

— Я делаю все, что в моих силах...

— Нет. Ты и сам не знаешь, что в твоих силах. Вообще-то, ты способен на большее. Беда у тебя одна — медлишь. — Он взглянул на меня выжидающе и повторил: — Да, медлишь. Будто впереди — вечность.

— Я вовсе так не считаю...

— Тогда чего же ты ждешь? Почему не торопишься перемениться?

— А вам не приходило в голову, дон Хуан, что я просто не хочу меняться?

— Приходило. Я и сам, в свое время, не хотел... Тогда я — как и ты теперь — был недоволен своей жизнью, томился. А сейчас радуюсь.

Я сказал, что его странная, ни на чем не основанная настойчивость пугает меня. В определенном смысле я даже согласен с его словами, но примириться с тем, что он распоряжается моей жизнью,— не могу.

— На эти глупые сцены нет времени,— сурово оборвал он. — Вот этот самый разговор — вдруг он и есть твой последний поступок в жизни, последняя битва? Кто поручится, что ты проживешь еще хотя бы минуту?

— Никто, и я это прекрасно знаю. — Во мне уже закипала злость.

— Ничего ты не знаешь. Иначе — был бы охотником.

— Я понимаю, смерть неминуема. Но зачем говорить и думать о ней — ведь от нее не уйдешь?

— Ты точно актер — не задумываясь, оттарабаниваешь бездарную роль... — спокойно сказал дон Хуан. — Что если сейчас — твоя последняя битва, а ты ведешь себя как круглый дурак? Последние слова — и такая чушь...

Помолчали. В голове у меня все перепуталось. Он, разумеется, прав...

— Времени, времени нет,— сказал он. — Так-то приятель.

— Я согласен, дон Хуан, однако...

— А ты не соглашаться должен,— перебил он. — Согласиться — легко. Ты лучше действуй. Возьмись за эту задачку — изменись.

— Но как?

— Вот это другое дело... Перемена, о которой я говорю, происходит не постепенно, а сразу, в один миг. Но к этому внезапному и полному перевороту нужно готовиться.

Мне показалось, что тут есть противоречие. Я сказал, что готовиться к перемене — значит уже понемногу меняться.

— Ты совсем не изменился,— сказал он. — Поэтому тебе и кажется, что ты понемногу меняешься. Но в один прекрасный день ты, быть может, разом переродишься. Я знаю — так и будет, и поэтому не бросаю стараний, пытаюсь тебя убедить...

Я больше не мог спорить: потерял нить. Помолчав, дон Хуан продолжил:

— Попробую объяснить по-другому. Итак, наша жизнь небесконечна. Я только что сказал, что перемена в жизни наступает внезапно, но так же наступает и смерть. И что же, по-твоему, тут можно сделать?

Я думал, он сам и ответит, но пауза длилась.

— Ничего; стараться жить счастливо,— сказал я.

— Верно. А знаешь ли ты хоть одного счастливого человека?

Я уже хотел сказать, что знаю, и многих, но, подумав, понял: пример любого из них выйдет как бы оправданием моей собственной жизни.

— Нет, дон Хуан.

— А я знаю счастливых людей. Их счастье в том, что они, всегда помня о недостатке времени, придирчиво выверяют каждый поступок, и их действия обретают особую силу, оттенок...

Дон Хуан, казалось, не находил слов. Потер виски, улыбнулся. Потом внезапно поднялся, словно показывая, что беседа окончена. Однако, поддаваясь моим мольбам, снова сел, напряженно наморщил губы.

— Каждый поступок имеет силу,— сказал он. — Особенно, если совершать его так, будто это — последняя битва. Действовать так — неизъяснимое счастье. Советую тебе подумать об этом и, решаясь на что-нибудь, всегда помнить: быть может, это твоя последняя битва на земле.

— Но для меня счастье совсем в другом,— возразил я,— в ощущении непрерывной череды действий. Я должен, например, знать, что смогу и дальше заниматься любимым делом. И это вовсе не обывательское желание; оно исходит из моего глубокого убеждения: и в моей индивидуальной жизни, и во всем мире существует некая закономерная

последовательиость...

Дона Хуана, видимо, очень забавлялн мои объяснення: он то качал головой, то почесывал в затылке. А когда я дошел до «закономериой последовательностн», бросил шляпу оземь и принялся ее потешно топтать.

Когда я отсмеялся, он сказал:

— У нас нет времени — в этом, приятель, иесчастье всего рода человеческого. Какая может быть «последовательность» в загадочиом, страшном мнре? Оиа лишь рождает в человеке робость, нерешнтельность. Поступки такого человека лишены размаха н снлы; другое дело — тот, кто видит в каждом поступке свою последнюю битву на земле, его напор иеудержим. Короче говоря, твоя «последовательиость» ие дает человеку ни счастья, нн снлы.

Я заметнл, что лнчно мие тяжело постояино думать о смерти, разговор о ней лншь пугает.

— Но ведь никуда не деться — все умрем,— сказал ои и, помолчав, указал иа далекие холмы. — Где-нибудь там иас ждет смерть н, коиечио, дождется... Или ты — не такой, как все?

Я безиадежио махиул рукой, н дои Хуаи рассмеялся.

— Все равио, ие хочу думать о смерти,— сказал я.

— Почему?

— А какой смысл? Ждет меия — и пусть, зачем я стану тревожиться?

— Речь совсем не о том, чтобы тревожиться...

— О чем же?

— О том, что смерть нужно нспользовать. Сосредоточься иа связн между собой н смертью — и думай об этом спокойно, без горечи; думай о том, что у тебя совсем иет времеин — н все поступкн совершай с мыслью об этом, ведь любой нз ннх может оказаться твоей последией битвой. Только так ты придашь свонм действиям настоящую силу; в противиом же случае, каждый твой шаг будет робок, нетверд.

— Так лн уж плоха робость?

— Совсем ие плоха — еслн собнраешься жить вечно. Но у смертного просто нет на нее временн. Робкнй строит воздушные замкн, н, пока жнзнь благосклонна, живет счастлнво; ио только затншье кончнтся — а оио рано или поздно кончается — такой человек сразу теряется в загадочном, страшиом мнре, все то, что ои считал незыблемым, рушится... Робость мешает познать и исполннть свой жребий.

— Но, дон Хуаи, жить с постояниой мыслью о смертн невыиосимо...

— Смерть поджндает всех, и даже этот разговор может оказаться для нас последией битвой на земле,— будто не слыша моих возраженнй, веско продолжнл он. — Я говорю «битва», потому что человек всю жнзнь сражается — хотя большннство людей этого не поннмают н действня их бездумиы, бесцельиы. Иное дело, воин: ин на секунду не забывая о иавнсшей смерти, ои тщательно продумывает любой поступок и ндет иа него созиательно, твердо, как на последиюю битву. Только глупец ие увндnт, что это — огромиое преимущество. К последией бнтве нужио отиосnться с уважением, и вони, естественно, старается, чтобы последиий поступок был и лучшнм. Это радует душу и усмиряет страх...

— Вы правы... — сдался я. — Только все это трудно прииять.

— Пройдут годы, прежде чем примешь. И еще годы, прежде чем станешь так жить. Надеюсь, у тебя этн годы будут...

— От ваших слов — мороз по коже...

Дон Хуаи посмотрел иа меия в упор:

— Я уже говорил, мы жнвем в странном мире; невозможио предугадать, куда повернут направляющне людей силы. Онн навевают ужас... И все же, онн — велнчествеииы, велнколепны...

Ои замолчал и сиова взгляиул на меия, будто собираясь открыть что-то важиое. Но, видимо, передумал н улыбиулся.

Продолжение следует

Занимательная Греция: рассказы о древнегреческой цивилизации

Михаил ГАСПАРОВ

Женщины среди мужчин

Всякая жеищина — зло;
но дважды бывает хорошей:
Или иа ложе любви,
или на смертном одре

Паллад

Начало публикации в № 8, 9, 11, 12, 1990 и № 1 и 2 1991.

Мудрец Фалес Мнлетский каждое утро трижды благодарнл богов: за то, что они его создали человеком, а ие животным, эллнином, а ие варваром, мужчииой, а не женщииой.

Сам Фалес ие был женат. Одиажды мать об этом ему иапомиила — он ответил: «Еще не время!» Она подождала н заговорила опять — он ответил: «Уже не время!»

Двести лет спустя философа Платона спрослли: можио лн, женнвшись, заииматься философией? Платои ответнл: «А как, по-вашему, легче выплыть из кораблекрушення: одиому нлн с женой иа плечах?»

Свадьба Зевса и Геры (позади последней — Ирида). Стенная живопись из Помпей.

Греческое свадебное шествие. По живописи на греческой вазе. Слева подходит невеста, убранная стефаной (венком) и покрывалом. Она идет медленно, ее слегка подталкивает подруга и ведет за руку шафер. Впереди их шествуют оба свадебные божества — Аполлон и Артемида. Во главе шествия — женщина, вероятно, сваха. Она простирает руки к жениху, который перед дверью своего дома ожидает невесту.

Нерешительный человек спросил философа: «Жениться мне или не жениться?» — «Делай, как хочешь,— ответил тот,— все равно будешь раскаиваться». — «Почему?» — «Красивая жена будет радостью для других, некрасивая — наказанием для тебя».

Таких анекдотов было много, и все они говорят одно: на женщин смотрели свысока и считали их досадным бременем для серьезного мужчины. Так половина греческого населения вычеркивалась из общественной жизни.

Люди женились не потому, что любили жен, а для того, чтобы иметь детей, чтобы продолжать род. Если у тебя не будет детей — некому будет в поминальный день совершать возлияния медом, вином и молоком в память о тебе и твоих предках, а от этого и тебе, и им будет грустно и неуютно в царстве мертвых. Нам это кажется смешным, мы и предков-то своих редко знаем дальше третьего колена; но грек твердо помнил, что главное и вечное — это род, а он — лишь недолгий представитель этого рода на Земле.

Поэтому о браках граждан заботилось само государство. В Спарте, говорят, был закон о трех наказаниях: за безбрачие, за поздний брак и за дурной брак. А в Афинах однажды Солона спросили: «Какое ты назначаешь наказание за безбрачие?» — и Солон ответил: «Брак».

Женихов и невест выбирали с толком. Философ Демокрит говорил: «С хорошим зятем приобретешь сына, с дурным потеряешь дочь». Когда за дочь Перикла посватались двое, богатый дурак и умный бедняк, он выбрал второго, сказав: «Лучше тот, который может приобрести богатство, чем тот, который может его потерять». А Фемистокл сказал еще короче: «Пусть лучше человек нуждается в деньгах, чем деньги в человеке».

Одного только не сделали ни Перикл, ни Фемистокл: не спросили самих дочерей, кто им больше нравится. «Стерпится — слюбится»: сначала брак, потом любовь, а не наоборот. Что такое любовь? Буйная страсть, которая заставляет человека делать разные глупости. Это можно еще позволить молодому неженатому юноше, но к браку это никакого отношения не имеет, брак — дело серьезное. Что бывает и другая любовь, добрая, спокойная и ясная,— это люди открыли лишь через много веков.

Мы не замечаем, как привыкли мы видеть женщин продавцами, учительницами, врачами. А в Греции торговали, учили и лечили только мужчины. Обязанности были распределены строго: вне дома, в поле, в мастерской — все на муже; в доме — все на жене. Вести хозяйство было не просто: нужно было и варить, и печь хлеб, и прясть, и ткать, и распоряжаться приставленными к этому рабами и рабынями. Способные женщины управлялись с этим так умело, что даже их высокомерным мужьям приходило в голову: допусти их до государственной власти, они, пожалуй, и с этим управятся! У Аристофана есть комедия о том, как женщины в Афинах устроили заговор, чтобы кончить войну; мужья в ужасе от такого вторжения в их дела, а жены объясняют: «Если в пряже у нас запуталась нить, мы ведь умеем ее распутать; вот так мы распутаем и ваши государственные дела. Если шерсть нам попалась нечистая, мы ведь сумеем ее вычесать, а вычески выбросить, а отпавшие комки подобрать и свить вместе; вот так мы и вычешем из города негодяев и примем в город лучших людей из других городов,

И из них-то спрядем мы единую нить,
и великий клубок намотаем,
И основу скрепивши, соткем из него
для народа афинян рубашку».

Фемистокл, шутя, говорил: «Главный человек в Греции — мой крошка-сын». Как это? «Грецией во всем командуют Афины, Афинами — я, мною — жена, а ею — сынишка». Случалось, стало быть, и мужьям признаваться, что жены ими командуют.

Но главным правилом оставалось то, которое будто бы сказал Перикл: «А для женщины афинской самое лучшее — когда о ней совсем ничего не говорят: ни худого, ни хорошего».

«Характеры» Феофраста

Не только науку о животных и не только науку о государственном устройстве начинал Аристотель со сбора и классификации материала. Науку о человеческих чувствах и поведении — тоже. Называлась эта наука «этика», сочинение о ней написал сам Аристотель, а сборник описаний человеческих характеров составил его ученик Феофраст. Здесь тридцать небольших портретов: Притворщик, Льстец, Пустослов, Невежа, Угодливый, Отчаянный, Сплетник... Вот некоторые из них, чуть-чуть сокращенные.

Льстец. Лесть можно определить как обхождение некрасивое, но выгодное льстящему. Льстец — это такой человек, который во время прогулки скажет спутнику: «Замечаешь, как все на тебя смотрят? Никого другого в городе так не уважают!» — и снимет с его плаща ниточку. Спутник заговорил — льстец велит всем умолкнуть; сострил — хохочет; запел — хвалит; умолк — восклицает: «Превосходно!» Детям его он покупает яблоки и груши, дарит так, чтоб отец видел, и приговаривает: «У хорошего отца и дети хороши». Когда спутник покупает себе сандалии, льстец восклицает: «Хороша обувь, а нога лучше!» Когда тот идет в гости к приятелю, льстец бежит вперед и объявляет: «К тебе идет!», а потом, вернувшись назад: «Оповестил!» Спрашивает улещаемого, не холодно ли ему, и, не дав ему ответить, уже кутает его в плащ. Болтая с другими, смотрит на него, а когда тот садится, он выхватывает у раба подушку и подкладывает ему сам. И дом-то у него, говорит льстец, красив и прочен, и поле хорошо возделано, и портрет похож.

Невежа. Невежество — это, вернее всего, незнание приличий, как у мужиков. Невежа носит обувь, которая ему велика; говорит зычно; друзьям и домашним не доверяет, а с рабами обо всем советуется и батракам в поле рассказывает, что было при нем в народном собрании. В городе он не глядит ни на храмы, ни на статуи, но если увидит быка или осла, непременно остановится и полюбуется. Завтракает он на ходу, задавая корм скотине. Монету берет не всякую, а сперва прикинет, не легка ли. Если одолжит кому корзину, серп или мешок, то после этого заснуть не может и средь ночи идет просить

Орфей и Эвридика в сопровождении Гермеса (справа). Рельеф. Неаполитанский музей

Как повествуют греческие мифы, Орфей, сын музы Каллиопы, родился во Фракии — стране, лежащей к северу от Греции. Отцом его, по некоторым преданиям, был бог Аполлон — покровитель всего доброго и прекрасного. Несравненный музыкант и певец, Орфей своим искусством мог усмирять морские волны и зачаровывать зверей. Он был посвящен в мистерии древних богов, и, наверное, это помогло ему вернуться из подземного царства, куда он спустился, чтобы вернуть к жизни любимую жену — лесную нимфу Эвридику. Даже адский пес Цербер был околдован лирой Орфея. Владыки загробного мира Аид и Персефона, к трону которых проводил Орфея вестник богов Гермес, отпустили Эвридику, но на обратном пути Орфей нарушил указание Аида: обернулся к Эвридике, и она навечно исчезла в царстве смерти. Недолго прожил после этого Орфей. Отвергая буйные дионисийские мистерии, он вызвал гнев служительниц Диониса и был ими растерзан. Его лира вознеслась на небо, став созвездием, а орфические мистерии до наших дней остались символом светлого, аполлонического очищения от дионисийских стихийных страстей

назад. Являясь в город, спрашивает первого встречиого, почем здесь овчнны и сушеиая рыба. Моясь в баие, поет; башмаки подбивает гвоздямн.

Болтун. Болтлнвость — это склонность говорить много н не думая. Болтун подсажнвается поближе к незнакомому и рассказывает, какая у него, болтуна, хорошая жена; потом сообщает сон, который вндел иочью; потом перечнсляет, что ел за обедом. Дальше, слово за слово, он говорнт, что нынешине людн куда хуже прежних, и как мало дают за пшеннцу на рынке, н как много понаехало чужеземцев, и что море вот уж месяц как судоходно, н что еслн Зевс пошлет хороший дождь, то год будет урожайный, н как трудно стало жить, н сколько колонн в Парфеноие, н что через полгода будет праздннк Элевсиннй, а потом Днонисні, н какой, собственно, деиь сегодня? И еслн его будут терпеть, он не отвяжется.

Брюзга. Брюзжанье — это несправедливая брань на все, что у тебя есть. Брюзга в дождь серднтся не на то, что дождь ндет, а на то, почему он раньше не шел. Найдя иа улице кошелек, говорнт: «А вот клада я ии разу не находнл!» Когда подружка его целует, ои ворчнт: «И чего ты меия любишь!» Поторговавшнсь н купнв раба, восклнцает: «Воображаю, какое я купнл добро и за какую цену!» А выиграв дело едниогласиым решением суда, он еще попрекает защнтиика, что можно было говорнть н получше.

Суевер. Суеверне — это малодушный страх перед иеведомо какнми божественными снламн. Суевер в праздинк непремеиио окропит себя святой водою, положнт в рот веточку лавра, взятую нз храма, н ходит с нею целый день. Еслн ласка перебежнт ему дорогу, он не двинется, пока ктоибудь ие пройдет первый, а если ннкого нет, то броснт вперед три камешка. Еслн мышь проест мешок с мукой, ои ндет к гадателю и спрашивает, что делать; а еслн тот скажет «взять н залатать», то прнходит домой и прниоснт умнлостивнтельиые жертвы. Услышав дорогою крикн сов, остановится н помолится Афине. По тяжелым дням сиднт дома н только украшает венкамн домашннх богов. Встретив похороны, он бежнт, омывается с головы до ног н, прнзвав жриц, просит совершнть над ннм очнщение. А увндев прнпадочного, он от сглазу в ужасе плюет себе за пазуху.

Дурак. Глупость — это иеповоротливость ума в речах и в деле. Дурак — это тот, кто, сделав подсчет и подведя нтог, спрашнвает соседа: «Сколько ж это будет?» Когда он вызван в суд, он, позабыв, отправляется в поле. Засыпает на представленни и, просыпаясь, вндит, что ои один в пустом театре. Взяв что-нибудь, он сам спрячет, а потом будет нскать и не сможет найтн. Когда ему сообщают, что умер знакомый, он, помрачиев, говорнт: «В час добрый!» Зимой ои препирается с рабом, что тот не купил огурцов. Детей своих еслн уж заставит упражняться в борьбе и беге, то не отпустнт, пока не выбьются нз снл. А еслн кто спросит, сколько покойннков похоронено за кладбищенскнми воротами, ои ответнт: «Нам бы с тобою столько!»

На 2-й странице обложки

Дорого яичко...

Роспнсь пасхальиых янц — спецнфнческая разновндность прнкладного нскусства, до революцнн — мощная отрасль народных промыслов, объединявшая тысячн умельцев. После многих лет небытня старинное ремесло сегодня возрождается буквально на глазах.

Мы представляем работы московской художнннцы Олесн Сахаровой. Она не оканчнвала инкакнх художественных учнлнщ: в детстве под прнсмотром бабушкн делала свон первые нехнтрые пробы, копнруя чудом сохраннвшнеся старые образцы. А потом стала мастером, создала собственную техннку роспнсн по деревянной основе. Она покрывает ее особой лепннной (то лн папье-маше, то лн гнпсом, это секрет художннцы), а уже потом украшает ее резьбой, позолотой, бнжутерней. Но главное украшение — лаковые мнннатюры. Собственных композиций Олеся не прндумывает, она строго следует древним, освященным веками лицевым подлннникам. Размеры этих удивнтельных нзделий разные — от крохотных, с копеечную монету, до крупиых — в 30—40 сантнметров высотой. Самое большое создаииое Олесей Сахаровой пасхальное яйцо (40 сантнметров высотой н 30 сантнметров в диаметре) хранится в рнзнице Патриарха Московского н Всея Русн. Эту свою роботу она выполннла к 400-летню русского Патриаршества.

Большой успех нмела выставка работ Олеси Сахаровой в Музее декоратнвного нскусства в Москве. Некоторые из ннх мы воспронзводим на 2-й страннце обложкн.

О. ПАВЛОВ

О. КАНДАУРОВ

В рубрике, посвященной современной эзотерической живописи, мы вновь предоставляем слово Отари Кандаурову. Он рассказывает о своем понимании русской духовности, о своей картине, которую он однажды назвал: «Княгиня Ольга моей души».

«Русь. Гимн первый» Из цикла «Алтари»

Посвящена памяти Даниила Андреева.

Каждая нация имеет свою тонкоматериальную Душу*. У России это женская сущность, язычница Навна (иав — волшебник по-старославянски). 1000 лет назад, в год тысячелетия со дня рождения Богоматери, душа эта начала христианизироваться. В князе Владимире «взыграла» его бабка, христианка Ольга, и он крестил Русь. В середине XVIII века в Навну воплотилась Мать Мира, Звента-Свентана, которая вмещает в себя все высокие женские лики. Возник новый феномен. Его земное проявление назвали Святой Русью. Семидесятипятилетнее женское царство перевело послепетровскую Россию от культа к духовной культуре, и началась эпоха Третьего Завета — Завета Духа Святого, эпоха сотворчества Богу.

...Над энергетическим центром русской духовности, над монастырем, возникает видение проявленной, преображенной Навны. Ее тело — канал, по которому восходят в небеса легкие души праведников, завершивших земной путь. Иератическим жестом раскинутых рук Навна выпускает их в вольное пространство небес стаями голубей, и они тают в голубизне, превращаясь в перистые облака. В облаках рождается объемный образ светлого Креста Воскресения. Он восьмиконечен — как нимб в изображениях Бога-Отца. Числу восемь соответствует и новое состояние Человека после восхождения по семиступенчатой лестнице космической эволюции, и полнота Христа в момент Преображения. Два слова: Святая Русь (Стая Русь в старославянском написании — отсюда стаи птиц, вылетающих из рук Навны) отсылают к понятию затомис. Это место, где пребывают души праведников — покровителей вверенной им земли. Святая Русь была безмерно далеко от Руси земной, пока не пробил час преломления Заветов. Теперь же она входит в тесную взаимосвязь с миром живых. В духовной сфере возникает «система сообщающихся сосудов», подобная системе кровеносной. Клановое избранничество уступает место избранничеству свободному. Веха-мета этого состояния — уход в мир Алеши Карамазова с благословения старца Зосимы, а в панораме русского бытия — судьба Федора Бухарева.

Картина — это попытка отобразить такую тонкую, едва уловимую реальность, как Душа народа. К зрению и полноте памяти здесь подключено умозрение. Как сказал Антуан де Сент-Экзюпери — главного глазами не увидишь, главное открывается только взору души.

* Духовная история России излагается в соответствии с учением Даниила Андреева.

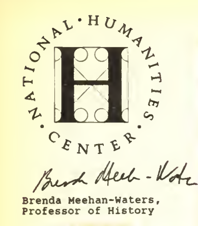
Медитация на произведение

Симметричность построения, жестовая центрированность, воронкообразное втягивание человеческого внимания в центр изображения характеризуют картину как произведение медитативное (это подметили также психологи и психотерапевты). Быть может, созерцание произведений искусства станет в будущем одной из форм терапии! Предлагаем читателю авторские рекомендации к прочтению картины «Русь».

(с расстояния 2,5 — 3 м)

1. Полностью расслабиться (поза «труп» хатха-йоги). Глаза закрыты.
2. Медленно открыть глаза, глядя на фигуру Звенты-Свентаны, которая начинает появляться как бы сквозь туман. Когда глаз перестанет воспринимать раму картины, переходите к следующему этапу.
3. Сконцентрируйте взгляд на монастыре, храня в душе ощущение бескрайности окружающего пространства. Слух постепенно наполнится отзвуками радостного молитвенного многоголосия обитателей монастыря.
4. Сосредоточившись на этой восходящей звуковой волне, медленно поднимайтесь взглядом по фигуре, не теряя ощущения ее прозрачности, нематериальности. Дыхание спокойное, равномерное.
5. Задержитесь, дойдя до сердечной области Звенты-Свентаны; повремените, сделайте глубокий вдох и выдох — и полностью растворитесь в ней.
6. Все громче слыша радостное многоголосье, ведите взгляд выше и, концентрируясь на лице, разделите внимание, следуя каждой из рук. Эта часть упражнения самая важная и трудная. Внимание станет объемным, душа начнет расширяться. Освоив это расслоение слежавшегося камня своего сердца, переходите к следующему этапу.
7. Ведите взгляд по двум рукам одновременно (принцип партитурного чтения). Когда внимание доходит до ладоней Звенты-Свентаны, наступает апофеоз радости. Еще один шаг — и силы земного притяжения более не властны над вами. Душа взлетает в небеса бесплотной птицей, вы купаетесь в Гармонии Мира, и она проникает в вас.
8. Форма начинает истаивать, крылья более не нужны, вы — легкое облачко в светлом небе России. В вышине возникает видение Светлого Креста Воскресения и Преображения, которое способно преображать плоть. Душа становится легкой, устойчивой и широкой. Удерживайте этот образ, сколько можете. Как только внимание начнет утомляться, медленно закройте глаза и растворитесь в беспредельном божественном просторе, отождествляя себя с Космическим Всеединством и не теряя при этом ощущения его светлости и теплоты.
9. 20—30 минут полного покоя в достигнутом состоянии.
10. Глубокий вдох. Сознание медленно возвращается... — и вы готовы к активному бытию.

Осваивайте медитацию постепенно. Не прибегайте к волевому напряжению. Как можно более полно отключайтесь от «шумов бытия», компьютерной судороги мыслей, пробегающих в сознании.

Brenda Meehan-Waters,
Professor of History

«Ряд факторов побудил меня предложить эту статью в ваш журнал. Прежде всего я заметила изменения в подходе и направленности «Науки и религии» за последние пять лет и полагаю, что тема моего исследования — женская аскеза, старицы и основательницы женских монашеских сообществ — будет представлять интерес для ваших читателей. Я много работала в советских архивах, прежде всего в архивах Синода, и чувствую, что мне следует отблагодарить советских архивистов за их доброту, сделав результаты моих исследований доступными советской аудитории...

Искренне ваша
Бренда МИХЕН-УОТЕРС,
профессор истории

Читатели помнят две наши публикации о Маргарите Михайловне Тучковой — вдове героя Бородина А. А. Тучкова основательнице Спасо-Бородинской обители (№ 3 и № 9 прошлого года). Мы снова обращаемся к образу этой русской женщины, предлагая вашему вниманию очерк, который нам прислала профессор истории Рочестерского университета (США), член Национального гуманистического центра Северной Каролины Бренда Михен-Уотерс. Неизвестные архивные материалы, не нашедшие отражения в предыдущих публикациях биографические сведения, необычный взгляд на характер святости русских женщин — все это, несомненно, привлечет внимание к ее очерку. Редакция считает необходимым заметить, что точка зрения автора на восточное монашество, характеристика его как необщинного по духу и организации — противоречит оценке его в отечественной литературе. Вне поля зрения автора оказалась деятельность Сергия Радонежского, еще в XIV веке основавшего монастыри общежительного типа.

1812 год. Отступление французов. Гравюра С. Харламова

Храм во имя Предтечи и Крестителя Господня Иоанна на Бородинском поле

В чем ее святость?

Рисунки О. Туркус

М. М. Тучкова — игуменья Мария (около 1840 г.). С дагерротипа, принадлежавшего потомкам семьи Тучковых; хранится в Бородинском военно-историческом музее-заповеднике.

Святые предлагают нам взглянуть на нашу жизнь с иных позиций, чем мастерство, польза, независимость и контроль. Являясь свободными орудиями благодати и трансцендентной силы, они подчеркивают в своем взгляде на жизнь важность отдачи, восприимчивости и взаимодействия.

Дж. Колеман

Немногие женщины России XIX века, избравшие монастырскую жизнь, всегда сознававшие, что это — самый надежный путь к Богу, могли представить в ранние свои годы, что изберут этот путь для себя. Всем им пришлось столкнуться с серьезными препятствиями и неожиданными поворотами судьбы, прежде чем они окончательно вступили на него.

В 1762 году в России было 678 мужских и 203 женских монастырей; после реформы 1764 года, согласно которой все церковные земли с приписанными к ним крепостными переходили в собственность государства, число их уменьшилось более чем в половину (318 мужских и 67 женских). Бюджет им выделялся скупо и вступить в монастырь могло только ограниченное количество монахов и монахинь. Так, к концу XVIII века государство резко сократило возможности для ухода в монастырь как для мужчин, так и для женщин.

Кроме того, возможности к вступлению в монашескую жизнь ограничивались самой структурой и традициями восточного монашества. Православие делало акцент на одиночестве и созерцании, общинному аспекту в монастырской жизни внимания не уделялось, и большинство русских монастырей следовали необщинному образцу. На практике это означало, что монахини не только должны были заплатить взнос при вступлении в монастырь (как было и в средневековой Западной Европе), но и в дальнейшем сами заботиться о себе, иметь собственное жилище. При таких условиях, преобладающих в то время, с которого начинается наш рассказ, женщины бедные имели очень мало шансов для вступления в монашескую жизнь, независимо от того, насколько сильно было их к тому призвание.

Что-то должно было измениться: должны были быть созданы новые религиозные объединения, пусть неофициально и втайне: и они должны были быть самостоятельными и организованными по принципу общины, что, как мы увидим, сделало их более сильными духовно и в финансовом отношении более способными принять и поддержать женщин из неимущих сословий.

Такие религиозные объединения, женские общины, начали возникать, правда, робко и ощупью, в конце XVIII века. Первые общины возникали благодаря стараниям наиболее упорных из монахинь, из числа изгнанных после закрытия их монастырей. Но скоро и набожные мирянки стали создавать неофициальные религиозные общины в своих поместьях; к середине XIX века они уже создавались группами бедных женщин, известных своей святостью, их поддерживали окрестные города и деревни, ждавшие от них духовной и социальной помощи. Между 1764 и 1917 годами в России было основано 220 женских религиозных общин. С течением времени церковная иерархия и государство стали высказывать одобрение деятельности общин, используя их энергию и духовную жизненность, но не отягощая государственный бюджет их финансовой поддержкой; позже многие из них превратились в официальные монастыри. Следует также отметить, что хотя правительственные указы 1764 года, сократившие число монастырей и численность духовенства, затрагивали как монахов, так и монахинь, только женщины своеобразным образом ответили на это, создав неофициальные религиозные общины из мирян.

В этих общинах жили и служили Богу поистине святые женщины России. Ими ни в коей мере не исчерпывается разнообразная и яркая история святых женщин на Руси, начинающаяся с принятия христианства в X веке и продолжающаяся до настоящего времени. Но наш рассказ о тех, кто жил и действовал в определенных исторических рамках (XIX — начало XX века) и в определенных религиозных структурах (в недавно возникших и развивающихся религиозных общинах). Они ярко осветили как изменения в религиозном опыте, так и неизменность его качества. С одной стороны, жизнь каждой принадлежит их времени, с характерной для него инициативой мирян по созданию женских религиозных общин; с другой стороны, они неизменно считали себя орудиями Бога, смиренно следующими по древней и святой дороге, проложенной апостолами и отцами церкви раннего христианства.

Мы назвали этих женщин святыми, хотя ни одна из них не была канонизирована церковью. Однако при жизни их считали образцом святости, которому следует подражать. В России XIX века жива традиция святости — способность почувствовать ее в других, оценить ее, трудиться над ее достижением. К людям могли относиться, как к святым, потому что понятия святости, благочестия существовали в их культуре.

И до сегодняшнего дня они взывают к нам и, по словам Джона Колемана, «предлагают нам взглянуть на нашу жизнь с иных позиций, чем мастерство, польза, независимость и контроль».

У каждой, при всех различиях судеб, были общие, основополагающие убеждения, которые вскормили их дух и сформировали их понимание смысла жизни.

Благочестие было особенно важным аспектом русской религиозной жизни. Благочестивые люди почитали святые иконы, соблюдали установленные обряды и посты православной церкви и прославляли Бога в богатой литургической красоте своих церквей и монастырей. Наравне с благочестием почитались добродетели смирения и сострадания; смирение ценилось в русской духовной жизни столь высоко, что считалось «основным свойством святой души». Из него уже могли вытекать другие добродетели: мягкость, простота и доброта — то нежное сочувствие (умиление), которое так превозносили русские и которое находило свое выражение в раздаче милостыни, благотворительности и даре слезном.

Если благочестие, смирение и сострадание были духовным идеалом всех русских, то аскетизм и мистицизм были уделом немногих.

К числу женщин, жизнь которых мы изучаем, относятся как те, кто следовал обычным идеалам добродетели, но следовал истово, так и те, кто вел суровую аскетическую жизнь, освободив себя от собственной воли и привязанностей, становясь духовными учителями для других, переживая иногда мистические моменты единения с Богом...

Мы начнем с истории Спасо-Бородинской религиозной общины и ее основательницы — Маргариты Тучковой.

Маргарита Михайловна Тучкова родилась в русской дворянской семье Нарышкиных, занимавшей высокое положение в обществе, ее мать происходила из не менее знатной семьи Волконских. Еще в юности в ней чувствовалась страстная, умная, переменчивая натура. Она любила музыку и обладала прекрасным голосом, очень увлекалась чтением и могла сидеть часами, погрузившись в книгу. Высокая, хорошего сложения, с бледной, но прекрасной белой кожей, с живыми зелеными глазами, она обладала необычайной энергией.

Ни время, ни горе не уменьшили эту энергию, и даже когда она стала пожилой настоятельницей монастыря с многочисленными обязанностями, она сохранила быстроту и стремительность движений и живость речи.

В 1806 году, когда ей было двадцать пять лет, Маргарита Михайловна получила согласие своих родителей на брак с Александром Алексеевичем Тучковым. Так начался экстатически счастливый, хотя и трагически короткий период ее жизни.

·Маргарнта Мнхайловна обожала своего мужа, восхнщалась его красотой н славой храбреца и рыцаря. Не в снлах разлучнться с ннм, она сопровождала его в военных походах, к ужасу семьн н друзей. Первым проявленнем ее релнгнозной добродетели можно счнтать то уваженне, которое она заслужнла свонмн добрымн деламн средн солдат н бедняков во время шведской кампании, кроме того, она ухажнвала как за русскнмн, так и за шведскнмн ранеными. В апреле 1811 года к неописуемой радостн Маргарнты Мнхайловны н ее мужа у ннх роднлся сын, Нnколай Александровнч; Маргарнта сама кормнла его, что было не прннято в арнстократнческнх семьях.

Но нх семейному счастью суждено было скоро окончнться.

Первого сентября 1812 года, в день нменнн Маргарнты Мнхайловны, военный курьер прибыл к ней с сообщеннем о смерти мужа. Генерал А. А. Тучков пал во время знаменнтого Бороднннского сраження.

На месте гнбелн мужа, которое ей удастся разыскать, она воздвнгнет церковь, создаст здесь женскую релнгнозную общнну. Вряд лн могла она предвндеть все это в первый момент своей глубокой скорбн...

Ее горе было столь снльным, что блнзкне опасалнсь не только за здоровье, но н за ее рассудок. Временамн она впадала в бредовое состоянне, уверяя, что ее муж не убнт, а попал в плен. Однажды холодной поздней ночью ее нашлн в лесу: в легкой муслнновой ночной рубашке она с фонарем в руках нскала своего мужа. Ее свекровь (которая сама потеряла не только Александра, но и старшего сына Нnколая, н чей младшнй сын Павел был во французском плену) прнехала успоконть Маргарнту и навестить маленького внука Нnколая. В этот период жнзнн Маргарнту больше успоканвало, когда свекровь говорила, как снльно ее внук напомннает своего отца, чем вздохн свекровн: «На все воля Божья».

Впоследствнн Маргарнта опншет то свое душевное состояние в пнсьме к сыну:

«Я не помню, что сталось со мной прн этом нзвестнн: пускай другне тебе об этом расскажут... Молю моего Спасnтеля простнть мне мой бред; он доходнл до того, что когда мать говорнла мне о райском блаженстве н о возмездии, обещанном тому, кто умеет нестн крест, посланный Богом, я отвечала, что и самый рай мне не нужен без моего Александра, и что не существует возмездня для душн, уннчтоженной несчастнем»[1]. Она объясняет сыну, что около четырех месяцев после получення нзвестня о смертн его отца, она услышала, как ее сын ночью во сне шепчет: «Боже мой, отдай папу Кокоше!» Ее так тронула эта молнтва, что она начала вндеть в сыне ангела спаснтеля, существо настолько невнnное н страдающее, что Бог, услышав его молнтвы, должен обязательно откликнуться на ннх н вернуть мальчнку отца. Так, в слепой надежде, она прожнла еще год только для того, чтобы впасть в еще большее отчаянне, когда ей наконец прншлось прнзнать трагнческую реальность его смертн.

Маргарнта медленно начннает прнводить в порядок свою жнзнь, переехав в Москву. Преданная, неутомнмая, обладающая обшнрнымн связямн, она в конце концов получает разрешенне на постройку церквн в память мужа на месте его гнбелн, н дотацню в 10 тысяч рублей от царя. Но это было трудное начннанне, н Маргарнте пришлось продать часть своей собственностн н драгоценностн, чтобы прнвести замысел в исполненне. В теченне долгнх лет стронтельства она путешествует от места стронтельства до своего дома в Москве, где заннмается образованнем сына; в Бороднно она живет в построенном недалеко от храма скромном доме. В 1820 году церковь была освящена, благородно простая, четырехстенная часовня в классническом стнле, с белымн мраморнымн стенамн без украшений, бронзовым иконостасом и мраморным крестом, на котором начертано: «Помянн, Господи, о Царствнн Твоем Александра на бранн убненного»[2].

Маргарнта так же страстно заннмалась воспнтаннем своего сына, как н хранила память о муже. Создается впечатлenне, что память об отце, постоянно поддержнваемая матерью, тяжело легла на Нnколая.

Многое, в частностн, пнсьма М. М. Тучковой к сыну, свндетельствуют о том, что Нnколаю не разрешалось забыть нн о своем отце, нн о страстной прнвязанностн матерн к его памятн. Одно нз самых раннах воспомннаннй его детства: мать прнвезла его на поле Бороднnской бнтвы, где сражался его отец н где он погнб как герой; дала ему маленькую лопатку н попроснла помочь ей посаднть здесь тополь в память об отце.

Вскоре она похороннла свою мать н отца, н с каждой новой потерей ее прнвязанность к сыну становилась все снльнее. По словам ее биографа, Нnколай стал «целью ее жизни, едннственной ее радостью н постоянной заботой». Мы можем только с грустью представнть, в какое она была ввергнута отчаянне, каким ударом было для нее, когда в 1826 году Нnколай, в возрасте 15 лет, находясь дома во время каникул, внезапно заболел и через несколько дней умер от скарлатнны.

Маргарнта пережила глубочайшнй духовный крнзнс. Она пыталась понять, почему это произошло с ней, что это означало. Лишенная внутреннего мнра, она пыталась обрести мнр в вере другнх н обратнлась к людям, давно оставившнм мнр, за понnманием н утешеннем. Во время похорон Нnколая она подняла глаза к местной иконе Спаснтеля н пронзнесла сквозь слезы: «Се аз, Господн, н чадо еже мн дал есн» (Ис. 8: 18). Еслн мы прочтем до конца этот отрывок, который был нзвестен Маргарнте, мы увндим, как он отражает ее духовное смятенне и уныние после смерти сына: «Вот я н детн, которых дал мне Господь, как указання и предзнаменования в Израиле от Господа Саваофа, жнвущего на горе Сноне. И когда скажут вам: обратнтесь к вызывателям умерших н к чародеям, к шептунам н чревовещателям,— тогда отвечайте: не должен лн народ обращаться к своему Богу? спрашнвают ли мертвых о живых? Обращайтесь к закону н откровенню. Еслн они не говорят, как это слово, то нет в ннх света. И будут онн бродить по земле, жестоко угнетенные н голодные, н во время голода будут злиться, хулнть царя своего н Бога своего. И взглянут вверх, н посмотрят на землю, н вот — горе н мрак, густая тьма, н будут повержены во тьму. Но не всегда будет мрак там, где теперь он огустел». (Ис. 8: 18—22).

Однным нз духовных авторнтетов, у которых Маргарнта нскала совета, был Филарет, знаменнтый митрополнт Московскнй, друг семьн Нарышкиных.

Очевндно, Фнларет, нногда ласково, нногда строго, сумел указать Маргарите на то, что однн нз нсточников называет «нехрнстнанскнм» характером ее скорбн. Мы можем только предположнть, в чем проявлялся этот нехрнстнанскнй аспект. Было лн это ее непрнятне волн Бога, нлн отсутствне покорностн божеству? Или эта ее прнвычка считать, что только она одна пережнла великую скорбь, что ее страдання больше, чем у всех остальных? И как случнлось, что эта женщнна нз плотн н кровн, женщина с снльной волей н вспышками гнева, женщнна в глубоком отчаяннн, сумела так преобразовать себя н свою жизнь, что стала в конце концов прнмером для другнх женщнн, образцом святостн для культуры ее временн?

К сожаленню, у нас нет достаточных свндетельств о том, как нменно она справнлась со свонм внутреннным отчаяннем, как произошла трансформацня... Но она прнняла решенне, может быть, по совету, а может быть, по внутреннему побуждению — поселиться в Бороднно. Здесь она начала жнть жнзнью благочестнвой, посвятив себя релнгнн вдовы. Она рано вставала, одевалась без посторонней помощи н спешнла в церковь, где она пела в хоре. Она писала подруге: «Не могу сообщнть ннкаких подробностей о себе: день походнт на день.—

Утреня, обедня, потом чай, немного чтения, обед, вечерня, незначущее рукоделье, а после короткой молитвы долгая ночь, вот вся жизнь. Страшно умереть,— вот предмет для размышления. Милосердие Господне, его любовь, вот мое упование, тем и кончу»[3].

Это выглядит так, как будто бы Маргарита, зная как ценится в православии благочестие, стала жить благочестивой жизнью, подчиняясь ее внешним формам и дисциплине, трепеща от веры и надежды, что если она телом предалась Богу, то ее душа неизбежно должна ощутить любовь и мир, идущие от него.

Не только благочестием была отмечена ее жизнь. Она давала пристанище бездомным, горевала вместе с другими вдовами, приезжавшими в Бородино, раздавала деньги странникам и окрестным беднякам, заботилась о больных, как делала это во время шведской кампании. Вскоре в округе распространилась молва о «доброй барыне, что живет в Боге и любит нищую братию». Не проходило и дня без того, чтобы кто-то страждущий не переступал порога ее скромного жилища в поисках милостыни, лекарства, пищи или слов утешения.

Однажды, проезжая верхом через соседнюю деревню, она встретила крестьянскую телегу и услышала стоны женщины, которую вез крестьянин. Маргарита спешилась и стала расспрашивать крестьянина о стонавшей женщине.

— Горькая ей выпала доля,— объяснил крестьянин. — У нее две девочки, глупенькие как есть, и говорят плохо, да муж недобрый: с утра до ночи пьян и бьет их всех без жалости. Иной раз так девчонок напугает, что они в лес убегут и пропадают целые сутки. Как еще Господь их от беды спасает. А она, горемычная побиралась, пока сил хватало, а теперь руки и ноги отнялись»[4]. Маргарита, ужаснувшись, и возможно, вспомнив об оскорблениях, которым она подверглась в своем первом браке, ощутила страстный порыв к действию. Она увезла женщину к себе, навела справки о ее дочерях, и удостоверившись, что они подвергаются постоянным избиениям, убедила местные власти, чьей юрисдикции подлежали мать и дочери как государственные крестьяне, передать их ей, чтобы она могла заботиться и опекать их. Она построила для них маленький домик, и это убежище для несчастных, подвергавшихся побоям женщин, положило начало Спасо-Бородинской женской общине.

Из соседней деревни пришла молодая крестьянка, чтобы ухаживать за живущей здесь больной матерью, и вскоре она стала ходить за всеми, кто болел, нуждался в уходе. Для больных был построен небольшой дом призрения. Сюда пришли женщины,— и богатые, и бедные — которые, как они говорили, желали «оставить мир» и проводить жизнь в молитвах. Маргарита разрешила им обосноваться в своих владениях. Вот как позже описывал возникновение общины Савва, архиепископ Тверской: «Около усадьбы Маргариты Михайловны начали строиться кельи добровольных отшельниц от мира, частию из дворянских фамилий, а частию из зажиточных купеческих семейств; к ним приютились бедные вдовы и девицы, готовые на честный труд с молитвою»[5]. Вечерами Маргарита собирала у себя всех этих разных женщин, многие из которых были неграмотными, читала им вслух, давала наставления, расспрашивала об их нуждах и их духовных упованиях. Она вскоре сделалась «матушкой» им всем, а они становились ее семьей.

К 1833 году в общине было уже свыше 40 человек. Эти люди объединились неофициально, но соблюдали религиозную дисциплину, молитвы и работы. Создали хор, и Маргарита сама давала уроки пения молодым женщинам. Из Москвы был выписан музыкант — для обучения их всем тонкостям православных песнопений. Каждый год день 26 августа отмечался торжественной литургией в память погибших в Бородинской битве. Пришло время, когда надо было упорядочить деятельность общины и дать ей официальное признание.

Независимая религиозная община женщин-мирянок, при всем своем благочестии, конечно же, обращала на себя внимание Святейшего Синода. Государь-император подозрительно относился к любым проявлениям независимости, к любой неофициальной деятельности.

В 1833 году Синод начал процедуру официального учреждения женской общины в Бородино. Впоследствии она должна была применяться и к другим возникающим женским общинам и обеспечивать им официальную санкцию православной церкви. Прежде всего было тщательно изучено финансовое положение общины с тем, чтобы убедиться, что она в состоянии обеспечить себя без помощи Синода. Следовало убедиться и в том, что в общину не входят крепостные крестьяне или люди, не имеющие правильных документов или официального разрешения обосноваться в ней. Проверялась также моральная честность и религиозные правила, по которым будут жить члены общины.

Маргарите Тучковой пришлось привести в порядок свои финансовые дела и сделать вклад в пользу общины. Она освободила крестьян в своем тульском имении — поступок для того времени исключительный. За право пользоваться землей освобожденные крестьяне должны были платить ей 2 тысячи рублей ежегодно, эту сумму она перечисляла общине. Кроме того, она продала половину своего имения в Ярославской губернии за 20 тысяч рублей, проценты с этой суммы также шли общине.

Мы не можем ясно себе представить юридический статус членов Спасо-Бородинской общины сразу после ее официального признания или религиозные правила, которым они следовали, хотя мы знаем, что сестры по очереди непрерывно читали Псалтырь и соблюдали монашеский образ жизни до революции 1917 года.

Маргарита Тучкова была признана главой общины, другие женщины — сестрами; они не принимали пострига, но, живя в общине, соблюдали обет безбрачия и правила ее религиозной и трудовой жизни. Все вместе они прокладывали дорогу к новой форме религиозной организации — независимо возникающей, самообеспечивающейся, организованной по общинному принципу, женской религиозной общине — форме, которая будет процветать в середине и конце XIX века (точные правила и устав для женских религиозных общин были разработаны позже — в 1840-х — 1850-х годах).

Одной из характернейших черт этой новой формы религиозной общины была ее способность и готовность поддержать бедных женщин, открывая для них такую же реальную возможность посвятить себя религиозной жизни, какая имелась у имущих. Спасо-Бородинская обитель не была богатой, но игуменья прекрасно вела ее дела, и сестры редко в чем-либо нуждались. Бедные сестры бесплатно получали одежду, белье, обувь, дрова, свечи, мыло, чай и сахар. Все своей работой вносили вклад в благосостояние общины. На отведенной для нее земле были организованы ферма и скотный двор. Кроме того, сестры пряли, ткали, красили ткани и одежду, шили рясы и теплые вещи, расписывали внутренние помещения и даже писали иконы. Была построена трапезная, где все сестры, включая и Маргариту, принимали пищу, еда была простая, в основном хлеб и овощи с собственного огорода. Постепенно у общины появились благородные покровители, среди них графиня А. А. Орлова-Чесменская, княгиня Т. В. Юсупова, граф Д. Н. Шереметев, богатый купец Игумов, который присылал из

Сибири ежегодный вклад деньгами и товарами.

сооружение монастырских стен и церкви с трапезной.

В 1837 году в честь 25-й годовщины Бородинской битвы на поле сражения была проведена тщательно подготовленная памятная церемония, которую посетил царь Николай с членами царской семьи и свитой. На него произвели большое впечатление порядок и гармония, царившие в общине.

Вскоре после этого события во время своего визита в Москву Тучкова повидалась с митрополитом Филаретом. Он удивил ее, предложив, чтобы она приняла монашеский сан — тогда можно будет подать прошение в Синод о поднятии статуса Спасо-Бородинской общины до статуса монастыря. Он уверен, сказал он ей, что Синод и император одобрят это. Маргарита возражала — у нее недостаточно духовной силы, чтобы стать монахиней. Филарет не согласился с нею и просил серьезно подумать над этим.

Мы не знаем, какая работа происходила в ее душе. Знаем только, что в конце концов она решилась принять постриг. Тут же в Синод было передано прошение о статусе общинного женского монастыря для Спасо-Бородинской общины. Оно было одобрено.

В 1840 году, в праздник (28 июня) Маргарита была рукоположена Филаретом в Троице-Сергиевой лавре. Во время прекрасной православной церемонии пострижения, в которой принимающая постриг нарекается христовой невестой, Маргарита дрожащим голосом произносила свои обеты и трижды распростерлась крестом перед алтарем. Сам Филарет остриг ей волосы и дал ей монашеское имя Мария — как символ ее новой, ангелической жизни.

На следующий день Филарет, сторонник восстановления древнего порядка раннехристианской церкви посвящения вдов в диаконисы, рукоположил Марию в настоятельницы нового монастыря и в православную диаконису*.

Превращение общины в монастырь требовало значительных затрат. Теперь нужны были постоянные священнослужители, больших размеров церковь, больше жилых помещений и т. п. В дополнение к прежним вкладам Тучкова внесла 15 тысяч рублей на «устройство общей жизни» настоятельницы и сестер. Кроме того, она получила разрешение военного министерства на то, чтобы ежегодная пенсия (1800 рублей), которую она получала как вдова генерала Тучкова, перечислялась общине. Царь не только выразил согласие с решением Синода, но, находясь под впечатлением своего посещения общины в 1837 году, выделил 25 тысяч рублей на

Мы не располагаем специальными документами, позволяющими судить о социальном положении членов Спасо-Бородинской общины в период жизни настоятельницы Марии, но различные источники позволяют сказать, что там было настоящее смешение представительниц дворянства, купечества, низших сословий (но не крепостных), духовенства. Высокообразованные дворянки, получившие строгое воспитание женщины из купеческих семей, неграмотные крестьянки — все работали и молились бок о бок, учили друг друга чтению, навыкам и ремеслам, которыми владели. Разумеется, были значительные различия в духовных и моральных свойствах, идущие и от их индивидуальности и религиозного быта, и от принадлежности к разным слоям общества.

Организованный по общинному принципу монастырь все еще был исключением для России, в чьей культуре доминировал жестко регламентированный образец монастырской жизни с его необременительной этикой — каждый заботится сам о себе. В отличие от традиционных монастырей, в Спасо-Бородинской общине каждая сестра «служила другим своим посильным трудом, но принимать денежную плату строго запрещено». Биограф М. М. Тучковой писала в ту пору: «Настоятельница образовала в полном смысле слова христианскую общину. Число инокинь умножилось до двухсот и, нет сомнения, что не все между ними были достойны уважения, но общий дух обители напоминал времена первых христиан. Бородинские монахини, переселившиеся теперь в другие монастыри, долго не могли сродниться с новым образом жизни, как мне случалось слышать от некоторых из них. Между прочим одна мне говорила: «Там мы жили душа в душу; недаром называли друг друга сестрами; у кого горе, так и всем горе, у кого радость, так и всем радость. А здесь всякая сама по себе; послужить ли чем друг дружке, так сперва в цене уговариваются,— а нам это дико».

Когда в 1852 году игуменья Мария умерла, Филарет написал письмо Синоду, где, ссылаясь на «общинный характер Спасо-Бородино», объяснял, что преемницу ее предпочтительнее выбрать среди сестер этого монастыря, а не какого-либо другого.

Со всей страстностью своей натуры Маргарита посвятила себя своей новой роли — быть матерью для сестер своей общины, этой вновь образовавшейся семьи. Так же как когда-то она всю себя посвящала мужу и сыну, сейчас она целиком была занята теми, кого она считала своими духовными дочерьми. В ее письмах видна сильнейшая любовь и привязанность к сестрам. Когда она вдали от них, она шлет им свою сердечную любовь; когда одна из сестер отсутствует, она это чувствует. Как заботливая мать, она живет их огорчениями, искушениями. «Мне ли дерзать словом апостола изъяснять мои чувства, но воистину, кто из вас изнемогает, и я изнемогаю с тою»[7],— писала она одной из сестер. Другой, которая заболела и отправилась в Москву к доктору и была обеспокоена предположительной стоимостью ее лечения, Маргарита немедленно послала деньги и подбадривающую записку, хотя и пожурила ее: «не знаешь ли ты, что моя твоя суть». Она снова подбадривает ее и в другом письме: «Ты знаешь, что я ваша, что я вам всем принадлежу, что я тебя люблю. Ты все это постигаешь, следовательно, будь покойна».

Игуменья любила сестер своего монастыря, потому была к ним терпима, порой даже слишком. Она была энергичным и сильным администратором, всем — вплоть до возведения монастырских построек — занималась лично, но ее нередко критиковали за недостаточно строгую дисциплину в монастыре. Она требовала строгого соблюдения молитв, но разрешала и невинные удовольствия и разговоры. В одном из писем она скорее журит, чем хочет наказать новую монахиню, избегающую совместной со всеми трапезы. Маргариту упрекали за чрезмерную терпимость к сестрам, но она в ответ говорила о важности любви: «Насколько любим начальник обители, настолько он и полезен. Его строгость не исправляет никого, но ожесточает и учит лукавству и лжи. Грех находит прощение у Бога, но злоба и ненависть отдаляют от Него человека, и горе тому, кто внушил их другому».

Когда Филарет после ее смерти расспрашивал монахинь о стиле управления монастырем (это было связано с поисками ее преемницы),

* *Диакониссы (греч. «служительницы») в раннем христианстве, так же как диаконы, прислуживали епископам и священникам при совершении таинств. Они проходили обряд посвящения и причислялись к клиру. В средние века чин диаконис упразднили. Поэтому посвящение Маргариты Тучковой в диакониссы действительно было конкретным шагом к возрождению традиций первых христиан.* — **(Прим. ред.).**

монахиня София сказала ему, что уважает ее память за ее доброту и многочисленные добрые дела, хотя и понимает, что из-за этого ей не хватало необходимой для монастыря строгости. Филарет заключил, что это замечание «не оскорбительно и не несправедливо» по отношению к Марии[8]. Когда ее преемница, настоятельница Сергия (тоже благородного происхождения, похоронившая мужа и сына на Бородинском кладбище) стала разбирать монастырские бумаги, обнаружилось, что некоторые женщины были приняты в общину без надлежащей проверки документов и регистрации их у соответствующих властей. Это обеспокоило Филарета, но он написал игуменье Сергии, что Мария «устраивала монастырь вновь, и притом способами лично ей принадлежавшими, то по сим обстоятельствам имела некоторое право на снисхождение, естьли распоряжалась более произвольно, нежели строго законно».

Несомненно, игуменья Мария управляла общиной так, как хотела, и это позволяет говорить о ней как о женщине с большим запасом воли. Именно воля и преданность идее помогли ей построить мемориальную церковь, женскую общину и процветающий монастырь. Она бросила все свои силы на то, чтобы подвергавшиеся побоям мать и дочери были освобождены под ее опеку, хотя они и были государственными крепостными. Незадолго до смерти она начала неслыханное ходатайство (которое увенчалось успехом, но она уже об этом не узнала) о передаче своей значительной вдовьей пенсии, которая должна была бы прекратиться с ее смертью, в вечное пользование монастыря.

Кажется, и привлекательная внешность, и душевная теплота были ей присущи в равной мере. Все головы поворачивались в ее сторону, когда она входила в комнату и, несмотря на ее скромный черный монашеский головной убор и рясу, «она до конца жизни являла собой тот тип, который делает женщину одинаково привлекательной и в молодости, и в старости, тип, который французы зовут la femme distinguée**.

В больничной ли палате, в аристократическом ли салоне во время делового визита в Москву или Санкт-Петербург, ее живой голос и сияющие глаза привлекали к ней людей, и была присуща ей какая-то располагающая к себе сила в манере поведения.

К своему огорчению, Мария сохраняла следы своего аристократического происхождения, утонченного воспитания и обостренной чувствительности до конца дней. Она с уважением и вниманием относилась к тем, кто обращался к ней за помощью, но ее брезгливость и утонченность иногда заставляли ее внутренне содрогаться. Когда к ней внезапно являлись с гноящейся язвой, которую надо было обработать, или когда ей надо было поменять грязные бинты, или наложить швы на кровоточащую рану, она откликалась с сочувствием и готовностью, но как только посетитель уходил, тщательнейшим образом мыла руки и без чувств падала на свою кровать.

Когда оборванные крестьяне, и в особенности больной старик из ближней деревни, зимой заезжали к ней погреться и выпить чашку чая или стакан горячего рома, распространяя вокруг крепкий запах пота и дегтя, искали у нее совета и успокоения, она ласково беседовала с ними, но после этого тщательно проветривала комнату, а иногда даже брызгала в ней одеколоном! Она стыдилась такой своей реакции и как-то сказала жившей с ней помощнице: «Ведь вот какая я негодная. Они, бедные, обращаются ко мне от доброго сердца и как любят меня, а я смею ими брезговать!»

Еще одно обстоятельство беспокоило Марию: она была привязана к могилам мужа и сына более, чем полагалось преданной вдове по библейским канонам. Она лелеяла свои воспоминания о них и подолгу сидела, горюя, под тополем, который они когда-то посадили с Николаем. Однажды, много лет спустя после смерти сына, она так разволновалась, придя в его склеп, что сестры нашли ее лежащей там без сознания. Узнав об этом, Филарет запретил ей навещать могилу сына и велел убрать подальше все его вещи и игрушки, хранившиеся в шкафу в ее комнате. Она не могла сделать это и спрятала свои сокровища «в сундук, куда она уложила платье мужа, чашку, из которой он пил чай, портфель с письмами... Кресла и игрушки Коли» и время от времени тайно с тоской смотрела на них.

Как стала Маргарита Тучкова примером для других женщин своего времени? Какие качества превратили ее в святую — так называли ее люди в округе после ее смерти.

Прежде всего — ее великодушие, ее милость к бедным и несчастным. Возможно, ее скорбящее сердце чувствовало горести других и понимало, что страдания одинаково поражают и богатых, и бедных.

Любовь ее к другим была ощутима и заразительна. Сестры общины чувствовали ее ежедневно. Над входом в трапезную она начертала два своих любимых изречения из Библии. Первое гласило: «И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (I Кор. 13:3). Второе из послания святого Петра: «Послушанием истине чрез Духа, очистив души ваши к нелицемерному братолюбию, постоянно любите друг друга от чистого сердца» (I Петра 1:22).

Марии удавалось сохранять теплоту и близость отношений внутри общины, хотя к моменту ее смерти в 1852 году в ней было более 200 человек. Есть свидетельства, что на похоронах Марии скорбь сестер была столь сильной, что они не могли продолжать пение и ее погребение было совершено без обычного хорового пения. Когда после смерти Марии настоятельница Сергия попробовала провести реформы в монастыре, Филарет предупредил ее, что это надо делать, не задевая памяти покойной, так как сестры нежно любили ее.

В Спасо-Бородинской общине все носило отпечаток яркой индивидуальности настоятельницы. Можно предположить, что уход Марии в религиозную жизнь был связан не только с изменениями в ее индивидуальности (такими, как потеря воли, своего «я» или привязанностей), сколько с появлением нового поля деятельности для ее энергии, нового объекта для ее привязанности. Ей не пришлось пройти через суровое обучение послушанию и покорности, как это обычно бывает в долгом периоде послушничества в православных монастырях — возможно, потому ее индивидуальность и воля остались прежними. В ней святость и страстный характер были двумя прочтениями одного и того же понятия.

Маргарита Михайловна Тучкова оставила после себя процветающую общину, которая уже успела стать образцом во всем — и в том, как создавалась, и в своей общинной и демократической (без социальных различий) форме организации. Она не была первой вдовой, создавшей женскую монашескую общину (княгиня Евдокия Мещерская сделала это раньше, в 1821 году в своей деревне Амосино, после смерти своего мужа и дочери),— но община в Бородино была особенно знаменита и вдохновляла других женщин на попытку создания таких же общин в своих поместьях. Анна Гавриловна Головина после смерти мужа мечтала о создании в древнем головинском поместье Новоспасское женской общины по образцу Спасо-Бородинской. При молчаливом согласии сына ей удалось осуществить этот план и в 1852 году Спасо-Влахернская община была официально признана церковными и государственными властями. В течение XIX века вдовы из всех сословий — не только аристократки — приняли участие в этом феномене — ими было создано около 20 общин.

Вдохновляя женщин на простую и духовно направленную жизнь в

** *Букв. «изысканная женщина» (франц.).*

своих поместьях, на раздел их собственности, на жизнь среди крестьян и во многом такую же простую, как крестьянская, на заботу об образовании крестьян, Тучкова на полвека опередила гениального Толстого. И возможность посвятить себя религиозной жизни, которую она, создав Бородинский монастырь, дала женщинам всех классов, пережила ее и сохранилась до революции 1917 года. Нам кажется, что после ее смерти и освобождения крестьян в 1861 году, крестьянки стали составлять бо́льшую часть бородинских монахинь. В 1911 году у монастыря было 265 десятин земли, которую обрабатывали сами сестры. При монастыре была приходская школа для тридцати девочек, небольшой госпиталь и дом престарелых для пожилых сестер. Кроме настоятельницы, там было 50 монахинь и 195 послушниц. По документу из архива Московской епархии, в 1914 году в Спасо-Бородинском монастыре было 50 монахинь, 33 из них из крестьян, 13 из мещан, 2 из дворянства, 1 из купечества и 1 из духовного сословия. Настоятельница Ангелина была из мещан и вступила в Спасо-Бородинский монастырь в 1878 году в 19 лет; казначей, монахиня Лидия, была из крестьян и вступила в монастырь в 1904 году, когда ей был 41 год. Таким образом, Тучкова создала институт, который не только поддерживал женщин низших классов в их духовных устремлениях, но и давал им настоящую возможность для развития и испытания их возможностей. Это должно было стать одним из отличительных признаков Новой женской религиозной организации — женской общины, которая развивалась в XIX веке. Но путь развития и характер каждой из этих общин будет весьма разнообразным и явно отмеченным личностью и жизненным путем каждой из настоятельниц. Надеемся показать это на самых выразительных примерах.

Перевела с аиглийского Т. *ПРАВОТОРОВА*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Письмо от 6 апреля 1817 года. Цит. по: Толычева Т. (Новосильцева Е. В.). Спасо-Бородииский моиастырь и его основательиица. Москва, 1889. С. 19—22 (фраицузский текст и перевод).
[2] Там же. С. 17—18.
[3] Там же. С. 26.
[4] Там же. С. 28.
[5] Филарет (Дроздов). Письма московского митрополита Филарета к игумеиии Спасо-Бородинского монастыря Сергии. Тверь, 1890. С. III.
[6] Толычева Т. Цит. соч., С. 33.
[7] Там же. С. 34.
[8] Филарет. Письма митрополита московского Филарета к иаместиику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимаидриту Антонию, 1831—1867 гг. Т. 3, Москва, 1884. С. 165—166.

Валентин АНДРЕА

ХИМИЧЕСКАЯ СВАДЬБА

Христиана Розенкрейца в году 1459

Продолжение. Начало в № 2, 1991.

День третий

На рассвете все, считавшие себя достойными, снова пришли в зал, где мы лежали связанными. Фаифары возвестили о приходе Девы. Оиа явилась в красиом бархате, опоясанная белым шарфом, и с зеленым лавровым венком на голове[1].

Ее сопровождали двести вооружённых рыцарей в красных и белых плащах. Она велела развязать нас и посадить иа места, с которых будет хорошо видно все, что произойдет в дальнейшем. Увидев меня, она улыбнулась и воскликнула: «Бедняга! Вы тоже подчинили себя рабству? Я полагала, что вы уже достойно очистили себя!»

Затем были внесены огромные золотые весы и подвешены в середине зала. Возле них поместили маленький столик, накрытый красиой скатертью. На столик поставили семь гирь: одну большую, четыре помеиьше и две, каждая из которых была больше всех предыдущих. Рыцари разделились иа семь групп, командиру каждой группы был поручеи надзор за одиой из гирь[2].

Полный достоинства император был первым, кто ступил иа весы. Рыцари одну за другой положили гири. Первые шесть ои выдержал, но когда положили седьмую, его чаша была перевешена, после чего его связали и передали с великой мукой шестой группе рыцарей. Одии за другим были взвешены все остальные императоры и их всех постигла участь первого, за исключением последиего, иепоколебимо выдержавшего все до конца и, казалось, что если бы были еще гири, они все равно не смогли бы его перевесить.

Дева встала, поклонилась ему и дала мантию из красиого бархата и лавровую ветвь, а затем посадила его на ступень у своего трона.

Затем все остальные были по очереди взвешены. Из каждой категории одии, самое большее два, выдерживали испытание, а чаще ни одного. Каждый выдержавший награждался красной бархатной маитией и лавровой ветвью и садился на ступени у трона Девы.

Теперь настала иаша очередь,— тех, кто спал в зале. Из иас только мой компаньон и я выдержали все гири. Мой компаиьон держался так мужественно, что все даже зааплодировали ему, и Дева проявила к нему иаиболее глубокое уважение. Когда иаконец, весь дрожа, ступил на весы я, то мой компаньои, уже сидевший в маитии на ступени, дружески взглянул на меня, и сама Дева улыбиулась мне.

Я так легко перевесил все гири, что Дева велела стать иа другую чашу весов троим рыцарям в полиом вооружеиии. Тогда иа нее влез один из пажей, и я выдержал их всех, и он громко крикнул: «Это он!»

Поскольку я оказался самым тяжелым, Дева позволила мне освободить по своему выбору одного из плеиных. Я выбрал первого императора. Его тотчас же развязали и со всяческим уважением усадили возле иас. Между тем Дева заметила у меня в руках розы, которые я взял из своей шляпы, и через своего пажа любезно попросила их у меня. Я тут же охотно послал их ей.

К 10 часам утра мы все были взвешены. Затем последовал завтрак, во время которого мы в своих красных маитиях сидели за высоким столом, иакрытым также красиым бархатом и уставленным кубками из чистого се-

Рисунок К. Седова

ребра и золота. Тут же два пажа от имени Новобрачного подарили нам эмблемы Золотого Руна и Летающего Льва[3].

Невидимые раньше служители стали теперь видны для нас, что бесконечно радовало меня. Для остальных, не выдержавших испытание и теперь сидевших за нижними столами, служители по-прежнему были невидимы.

Когда с едой было покончено,и золотой кубок, присланный Новобрачным, обошел круг, мы, новые рыцари Золотого Руна, сидевшие на ступенях у трона Девы, были приглашены в сад, чтобы посмотреть на тех, кто потерпел неудачу. Дева повела нас по извивающимся лестницам в галерею. Но как там вел себя по отношению ко мне освобожденный мною император, я не могу поведать, остерегаясь злословия.

Теперь Дева, которая принесла мне приглашение и которую я с тех пор не видел ни разу, выступила вперед. Она подняла трубу, протрубила один раз и объявила приговор тем гостям, которые были признаны недостойными: тем, кто был лишь с трудом перевешен гирями, разрешается выкупить себя золотом и драгоценностями и удалиться с достоинством, испив при выходе глоток Забвения. Те, кто оказались более легкими, будут раздеты и отосланы прочь голыми. Еще более легкие будут бичеваны розгами и кнутами. Те, кто оказались обманщиками и никогда не получали приглашения, будут лишены жизни мечом илн петлей.

Наблюдая исполнение приговоров, я почувствовал, как мои глаза застилают слезы[4].

Наконец переполненный сад опустел, и наступила тишина. В этой тишине осторожно ступал снежно-белый единорог с золотым ошейником. Он преклонил колено перед львом, стоявшим в фонтане с обнаженным мечом в лапе. Лев сломал меч и осколкн его упали в фонтан, затем он заревел и ревел до тех пор, пока к нему не подлетел снежно-белый голубь с оливковой ветвью в клюве. Лев пожрал ветвь и успокоился. Единорог с радостью вернулся на свое место, а Дева в это время повела нас назад, вниз по извивавшимся лестницам[5].

Когда мы вымыли в фонтане головы н лица, то каждому из нас дали по богато одетому ученому пажу, способному вести разговор на любую тему. Они отвели нас снова в Замок и показали картины, сокровища и древности, имевшиеся в нем. Многие занялнсь копированием картин, а меня, кому был дан паж необычайной силы, повели с монм компаньоном в обычно хранимые в тайне комнаты Замка, ключи от которых были вверены моему пажу.

Там, в продолжении нескольких часов, мы созерцали сокровища — Королевскую Гробницу со знаменитым Фениксом[6] и великолепную библиотеку. Когда пробило семь, я все еще был захвачен увиденным, хотя и испытывал позывы голода.

Когда Король прислал своего пажа за ключами, нам показали ценный часовой механизм, отрегулированный в соответствии с ходом планет, а затем огромный земной глобус, на котором мы нашли наши родные земли отмеченными маленькими золотыми кружочками; мы увидели, что наша компания собрана со всех концов света.

Глобус внутри был пустой, и мы могли сесть в него и созерцать звезды. Они сверкали в такой гармоничной последовательности и двигались так величаво, что, засмотревшись на них, я не думал вылезать из глобуса, пока паж не сказал обо мне Деве н она не упрекнула меня за опоздание к ужину — я сел за стол почти последним.

За ужином, когда все повеселели от вина, Дева стала каждому предлагать загадки, которые мы не могли отгадать. Например, она рассказала такую: «У нас с сестрой есть орел, за которым мы ухаживаем. Однажды мы вошли в спальню и увидели его с лавровой ветвью в клюве. У меня в руках тоже была лавровая ветвь, а у сестры не было. Орел подошел к ней и отдал ей свою, затем подошел ко мне и попросил, чтобы я отдала ему свою. Скажите, кого он любит больше, меня или мою сестру?»

Дева так просто вела себя, что я отважился спросить ее имя. Улыбнувшись на мое любопытство, она ответила:

— Мое имя содержит в себе 6 и 50, однако состоит только из 8 букв. Третья буква есть третья часть пятой, которая, будучи сложена с шестой, образует число, сумма цифр которого превышает третью ровно на величину первой и которое есть половина четвертой. Пятая и седьмая равны, так же как первая и последняя. Первая и вторая равны в сумме шестой, которая на четыре больше, чем утроенная третья. Теперь скажите, как меня зовут?»

Такой вопрос был слишком сложным, но я не прекратил расспросов и сказал: «О благородная и добродетельная Госпожа, не могу ли я узнать хоть одну букву?»

— Да,— сказала она,— это можно.

— Тогда чему равна седьмая буква? — продолжал я.

— Она равна,— ответила она,— числу присутствующих здесь.

Зная это, я легко разгадал ее имя, чем она была весьма довольна[7].

Потом она пригласила нас на церемонию Подвешивания гирь. В сопровождении шести прекрасных дев со светильниками вошла величественная Герцогиня, еще менее земная, чем наша Дева. Она смотрела на небо больше, чем на землю. Мы все приняли ее за Новобрачную, но ошиблись, хотя по величию она намного превосходила невесту и впоследствии руководила всей Свадьбой[8].

Она сказала мне: «Ты получил больше, чем другие. Смотри, с тебя больше и спросится».

Это поучение показалось мне очень странным.

Хотя весы были уже вынесены из зала, гири все еще стояли на маленьком столике. Герцогиня велела каждой деве взять по одной гире, а нашей Деве — самую большую и тяжелую. Затем вся процессия удалилась в семь часовен. В первой из них повесила гирю Дева, а в шести других остальные девы. Во всех часовнях под руководством Герцогини мы пропели гимн и помолились за благословение Королевской Свадьбы.

Затем каждый из нас был отведен пажом в богато убранную спальню. Сами пажи, на случай, если нам что-нибудь понадобится ночью, улеглись на соломенные тюфяки подле наших кроватей. Это была первая ночь, когда я спал спокойно, хотя гнусный сон мешал мне отдохнуть: в тревоге я пытался открыть дверь, но не мог. Наконец мне это удалось.

День четвертый

На следующее утро я проспал завтрак. Меня не решились будить ввиду моего возраста. Но я быстро оделся и поджидал остальных в саду возле фонтана.

Лев в фонтане держал сегодня табличку вместо сломанного меча, где было написано, что водой фонтана принц Меркурий исцеляет все болезни и еще:

Пусть пьет из меня, кто может.
Пусть умоется, кто хочет.
Пусть беспокоит меня, кто смеет.
Пей, Собрат, и живи!

Когда мы все умылись в фонтане и напились воды из золотых чашек, нам дали золоченые одежды, расшитые прекрасными цветами, и новые эмблемы Золотого Руна с висящими на них золотыми дисками в виде солнца и луны на одной стороне и с золотыми надписями на другой:

Свет луны будет подобен свету солнца, а свет солнца
Будет в семь крат ярче, чем теперь.

Ведомые нашей Девой, в сопровождении еще шестидесяти дев и музыкантов, одетых в красный бархат, мы поднялись по вьющейся лестнице из 365 ступеней в Королевский зал, где увидели юных Короля и Королеву. Величественно восседали они в невыразимой славе. Весь зал так сиял чистым золотом одежд Королевы, что я был не в состоянии смотреть на это.

Наша Дева представила нас Королю как свадебных гостей. По этому случаю нам приличествовало сказать что-нибудь. Но у нас от страха поприлипали языки. Видя это, старый Атлант — Придворный Астролог, подошел к нам и приветствовал нас от имени Короля.

Юные Король и Королева сели под огромную арку в западном конце зала. На головах у них были лавровые венки, а над головами висели в воздухе большие и дорогие золотые короны. С одной стороны от них сел царствующий древний седобородый Король с прекрасной юной Королевой, с другой стороны — черный Король с изящной, покрытой вуалью пожилой матроной.

Купидон метался взад и вперед. Он то садился между влюбленными, то делал вид, что стреляет в нас. Он был переполнен шалостью и не жалел даже птиц. Девы тоже играли с ним.

Перед Королем и Королевой стоял алтарь, где лежало шесть предметов: книга в черном бархате и в золотой оправе, зажженная свеча в подсвечнике из слоновой кости, глобус, вращавшийся сам собой, часы со звоном, кристальный фонтан с красной водой и череп, в глазницах которого извивалась то наружу, то внутрь маленькая белая змейка.

Аудиенция окончилась. Заиграли музыканты, нас снова повели по вьющимся лестницам в прежний этаж, где девы исполнили вместе с нами светский танец. Потом мы сопровождали их Высочества к Дому Солнца смотреть комедию. Впереди шла Герцогиня, несшая жемчужное распятие в золотой оправе. Следом за ней шесть дев, несшие предметы с алтаря. Замыкал шествие Атлант — Придворный Астролог.

Комедия началась со сцены, где Король сидел на своем троне. Принесли сундук, найденный плавающим в море. В нем оказалась Принцесса, похищенная Маврами. Король воспитал ее, чтобы выдать замуж за сына, когда он подрастет.

Но Принцесса снова попала в руки Мавров, и на этот раз ее освободил рыцарь. Она была возвращена в родное королевство и там коронована. В третий раз по своей воле она снова попала в руки Мавров, которые раздели ее, бичевали и затем бросили в тюрьму.

Юный Король, обрученный с ней, пошел на войну с Маврами и победил. Он освободил юную Королеву и вернул ей королевство. Затем они поженились. Пьеса закончилась свадебным гимном, призывавшим благословение на Короля и Королеву и молитвой, чтобы от них пошло прекрасное потомство[9].

Потом мы вернулись на свадебный пир. Королевские персоны были одеты в снежно-белые сияющие одежды, но музыки не было. Юный Король вздыхал, старые Король и Королева были печальны. В воздухе парила гнетущая атмосфера беды, нависшей над всеми нами.

Юный Король взял с алтаря книгу в бархатном переплете с золотыми углами и спросил, кто решится доверить ему вписать свое имя в нее. Мы поднялись и дали согласие. Принесли хрустальный фонтан с красной водой и хрустальную чашу. Каждый из нас выпил из нее Глоток Молчания, как это делается при совершении Мистерий.

Под звон колокола белые одежды были заменены черными, стены также задрапированы черным бархатом. Дева принесла шесть черных шарфов и завязала глаза трем Королям и трем Королевам. В центре зала поставили шесть гробов, а рядом — низкие плахи. В зал вошел черный Мавр с обнаженным топором в руках.

Старого Короля торжественно и почтительно обезглавили. Голову завернули в черную тафту, кровь слили в золотую чашу, затем все это положили в первый гроб. За первым Королем два других Короля и три Королевы молча покорились той же участи. Черный палач, готовившийся было уйти, был тоже обезглавлен. Его голову и топор положили в небольшую раку[10].

Мы все рыдали. Дева просила нас сохранить мужество, сказав:

— Жизнь этих Королей и Королев находится теперь в ваших руках. Если вы будете следовать за мной, эта смерть произведет немало для жизни.

Она пожелала нам спокойной ночи, пажи проводили нас в спальню. Ровно в полночь я почувствовал яркий свет на воде и увидел в окно семь светящихся кораблей, плывущих к Замку. Над каждым из них вздымалось пламя. Я сразу понял — это духи обезглавленных.

Корабли причалили, к ним сквозь

ночь прошла Дева с факелом в руках. За ней служители пронесли шесть гробов и раку, которые разместили на кораблях. Один за другим корабли отплыли, и огни исчезли за горизонтом. Дева вернулась в Замок.

Затем я, крайне утомленный, заснул.

День пятый

Рано утром я попросил своего пажа показать мне в Замке что-нибудь необычное. Он привел меня вниз по лестнице в подземелье, к железной двери, где были вырезаны из золота слова: «Здесь похоронена Венера, погубившая множество выдающихся людей».

Затем мы попали в великолепный склеп — Королевскую Сокровищницу, освещавшуюся огромным карбункулом. В центре склепа стоял надгробный памятник трехгранной формы, напоминавший алтарь. Он опирался на быка, орла и льва и был сделан из чистого золота и драгоценных камней. На нем в сосуде из полированной меди стоял ангел, с деревом в руках. С этого дерева в сосуд постоянно падали плоды и превращались в воду, а вода стекала в три золотые чаши.

Затем паж открыл медную дверцу в мозаичном полу и повел нас по темной лестнице. Мы увидели богатую кровать, окруженную прекрасными занавесями. Паж отдернул одну из них, и я увидел Венеру, совершенно обнаженную. Она лежала такая прекрасная, что я едва совладал с собой.

Над головой Венеры висела табличка с золотыми буквами: «Когда все плоды с моего дерева растают, тогда я пробужусь и стану матерью Короля».

Потом мы снова поднялись в Королевскую Сокровищницу и я увидел там свечи из пирита, горевшие чистым пламенем. От них шел жар, расплавлявший плоды, падавшие с дерева, которое держал ангел. Этот жар был причиной того, что вместо упавших плодов постоянно вырастали новые.

Не успели мы вернуться в Сокровищницу, как прилетел Купидон. Он воскликнул, захлопнув медную дверь в усыпальницу Венеры: «Старый непоседливый дед, ты чуть не сыграл со мной гнусную шутку! Ты едва не наткнулся на мою мать!»

С этими словами он раскалил в пламени свечи стрелу и проткнул ею мне руку.

Потом я присоединился к своим собратьям в Зале, где Купидон попросил показать ему руку. Увидев на ней каплю крови, он велел ухаживать за мной, дабы я не окончил вскоре свои дни.

Дева в черном бархате повела нас в сад, где было шесть гробниц. Над ними развевался флаг с изображением Феникса. Мы присутствовали при положении шести гробов и маленькой раки в гробницы. Все гости думали, что присутствуют на Королевских похоронах, лишь я думал иначе.

Дева напомнила нам о нашей клятве верности Жениху и пригласила нас плыть на Остров Олимпийской Башни, для изготовления средства возвращения Королевских Персон к жизни. Мы последовали на берег, где стояло семь кораблей. Над пятью из них развивались знаки планет, над одним — изображение земного шара, и над одним — пирамиды. Мы отплыли в следующем порядке:

Впереди А-Пирамида — несущая голову Мавра. Здесь 12 музыкантов исполняли великолепную музыку.

Затем В, С, Д — одним фронтом. Дева и я находились на С с изображением земного шара. За нами плыли два корабля без пассажиров. На замыкающем корабле были сорок дев.

Мы вышли в море, где сирены, нимфы и морские богини встречали нас и умоляли разрешить спеть для нас.

Корабли перестроились в пятиугольник вокруг Солнца и Луны. Дева дала разрешение, сирены запели. Купидон трудился надо мной, но он имел мало успеха. Это и была та рана в голову, которую я получил во сне[11].

Через несколько часов показалась Олимпийская Башня. Ее Страж, древний человек, был в позолоченном плаще. Башня состояла из семи малых цилиндрических башен, одна возле другой. Средняя была самая высокая и от нее отходили остальные. Остров был в виде правильного квадрата, окруженный высокими стенами толщиной в 260 шагов.

В Башню внесли шесть гробов и раку, что видел только один я.

Мы спустились в подземную лабораторию, и промывали там растения, дробили драгоценные камни и отжимали соки и эссенции.

До темноты работа была закончена. Нам дали супа и вина, потом, постелив матрацы, все улеглись на полу в лаборатории. Но ко мне сон не шел. Я поднялся на стену, чтобы созерцать море и звездное небо.

Ровно в полночь я увидел семь огней далеко в море. Они приближались к острову.

Вдруг поднялся ветер. Облака закрыли луну. Я пошел в лабораторию и быстро уснул.

Окончание следует

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цветовая символика облачения Девы может быть истолкована по аналогии со средневековым европейским преданием, согласно которому прародительница Ева, срывая яблоко с древа познания добра и зла, отломила вместе с яблоком ветку. Она воткнула ветку в землю, и из нее выросло дерево — белоснежное, ибо оно было посажено рукой девственницы. Адам познал Еву под этим деревом, и оно стало зеленым, только отростки, появившиеся ранее, остались белыми. Когда Каин убил Авеля, пролив первую кровь на земле, дерево изменило цвет на кроваво-красный (опять же с сохранением цвета прежних ростков). Появление в тексте «Химической Свадьбы» этой цветовой триады, связанной с познанием добра и зла, вероятно, указывает на взвешивание добродетелей, описанное ниже.

[2] Отделение людей достойных от недостойных с помощью весов напоминает известную многим народам психостазию (взвешивание души). Психостазия совершается после смерти человека, но ведь и посвящение в тайны мира всегда рассматривалось как смерть и последующее воскресение (вспомним название членов высших каст Индии: «дваждырожденные»).

[3] Буквальный перевод оригинала: «преподнесли... Золотое Руно с Летающим Львом на нем». В дальнейшем повествовании образ льва примет несколько иные формы.

[4] Понять сцену суда помогают традиционные описания загробного мира, в частности, тибетская «Книга мертвых»: жестокая судьба недостойных — это не зло, причиненное им извне, но мучительное изживание ими собственных пороков. «Глоток Забвения», знакомый нам по античной мифологии, обязателен для душ, которые возвращаются в земной мир.

[5] Единорог, лев и голубь часто встречаются в геральдике и алхимии. Здесь их правильнее рассматривать в общем контексте книги.

[6] Многогранный образ птицы Феникс связан с мифологией значительной части древней Евразии и Африки. При чтении «Химической Свадьбы» важно помнить, что Феникс — символ добровольной жертвы и воскресения из мертвых.

[7] Система алгебраических уравнений, которую можно составить по задаче Девы, не дает однозначного решения. Однако число букв в алфавите ограничено, и это позволяет выбрать следующий вариант, ставший каноническим при объяснении «Химической Свадьбы»: A L C H I M I A (1+12+3+8+9+13+9+1=56). Имеется в виду обозначение букв средневекового латинского алфавита числами 1,2,3 и т. д.

[8] Герцогиню сопоставляют с теологией — наукой более высокой, нежели алхимия.

[9] Три пленения Принцессы можно истолковать как судьбу человечества во времена Лемурии, Атлантиды и в современную эпоху: это третья, четвертая и пятая расы, согласно учению теософии и антропософии. Шестая, более совершенная раса уже не будет испытывать прежних страданий.

[10] В алхимии обезглавливание трактуется как одна из стадий превращения вещества. В конечном итоге процесс завершается образованием золота — оживлением казненного персонажа. Некоторые шаманисты полагают, что шаман способен, лишившись головы из плоти и крови, заменить ее золотой. Однако символика «Химической Свадьбы» и в этом случае сложнее алхимических аллегорий, и мы в дальнейшем попытаемся раскрыть ее более глубоко.

[11] Имеется в виду сон, описанный в Дне первом.

Примечания Е. ЛАЗАРЕВА

ШАМОРДИНО

По пути в Шамордино узнаю, что схимонахиня Серафима (Бобкова), ради встречи с которой я и отправилась в здешний женский монастырь, скончалась два дня назад, в праздник иконы Казанской Божией Матери.

Монастырь расположился на высоком берегу Серёны, отсюда далеко видны поля, речка, село на пригорке и много неба...

С этого места часто глядел в мир преподобный отец Амвросий. Здесь было ему видение иконы «Спорительница хлебов»: молящаяся Богоматерь благословляет поле русского хлеба — сжатые снопы пшеницы. Он сделал ее эскиз, по которому художник Болотов написал икону. И тут же она была освящена. «Икона эта вскорости очень и очень нужна будет людям»,— объяснял преподобный Амвросий. Икона создавалась в голодный год. Говорят, что предвидел он голодные времена, а жил он в годы 1812—1891. Обитал он в Оптиной пустыни, и монастырь в Шамордино возник при его содействии и под его руководством. В нем отец Амвросий и почил. Уже в наши дни, на Поместном Соборе, проходившем в год 1000-летия Крещения Руси, Старец этот причислен к лику святых. Монастырь был богатый. При нем работали свечной завод, золотошвейная, художественно-иконописная и прочие мастерские, была и богадельня — в отличие от многих других монастырей, в Шамордино принимали и немощных, и болящих, и престарелых.

По Шамордино нас водила приветливая матушка Людмила. Возраст монахинь трудно определить из-за безмятежного выражения их лиц и внутренней отрешенности... Она привела нас к полуразрушенному храму Казанской Божией Матери. Скоро ли завершится реставрация, которая, по сути дела, еще и не начиналась, неизвестно: средств не хватает. У алтаря насельницы врыли в землю большой деревянный крест: здесь стояла часовенка, здесь же, на месте захоронения игумений, предполагается вновь ее отстроить.

Были мы на местном кладбище, где когда-то были похоронены монахини Шамординской обители. Большинство их могил теперь не отыскать. Не сохранилась и могила сестры Л. Н. Толстого — Марии. Насельницы Шамордино поставили каменную плиту на предполагаемом месте ее захоронения.

Спросили матушку о распорядке дня в обители, и кто она по образованию, как пришла в монастырь.

О том, почему пришла в монастырь, она ответила словами писателя: «У поэта не спрашивают, почему он стал поэтом».

По образованию она математик. Образование высшее.

Распорядок жизни у насельниц обители такой:
с 2-00 до 6-00 — «полунощница» и «утреня» (службы),
с 6-00 до 8-00 — сон,
с 8-30 до 11-00 или 12-00 — литургия,
далее до 16-00 — трапеза и послушание (т. е. работа по монастырю),
с 16-30 до 21-00 — храмовая служба,
с 21-00 до 22-00 — келейное правило
и еще 4 часа сна.

Монастырь функционирует всего несколько месяцев: три монахини переселились сюда из Риги, четвертая — игуменья. Кроме них, в монастыре живут около тридцати послушниц и одна инокиня.

Больно глядеть на разруху монастыря, но отрадно, что уже реставрирована часть помещений. Ожила трапезная, которая поражает чистотой и приветливостью: там накормят любого, кто прибудет в Шамордино на поклон. До росписи стен дело пока не дошло — нет даже отопления. Но к Шамординскому монастырю тянутся люди — идут пешком, приезжают на машинах, добираются из самых дальних уголков России. Прикоснуться к святому. Подышать воздухом этих мест — ведь рядом и Оптина пустынь...

В Шамордино я познакомилась с Анной Всеволодовной Ильинской, сотрудницей Государственной исторической библиотеки. Она изучает историю этих мест и заканчивает работу над книгой об Оптиной пустыни и о Шамординской женской обители. Ее очерк о схимонахине Серафиме мы и предлагаем вашему вниманию.

Светлана РОДИНА

Всем, кто желает внести свою лепту в восстановление Шамординского монастыря, сообщаем его расчетный счет: № 000701903 в Козельском отделении Агропромбанка.

А. В. ИЛЬИНСКАЯ

Страницы жизни Шамординской схимонахини Серафимы (Бобковой)

Духовная дочь о. Никона — схимонахиня Серафима (Бобкова). 1988
Фото И. Аликиной

Отпускай хлеб твой по водам, потому что по прошествии многих дней опять найдешь его.

(Еккл. 11: 1)

Из поучений схимонахини Серафимы

— Что самое трудное в монастыре?

— Работа очень тяжелая, порой и на службу не попадешь, оставалось терпеть и смиряться. Послушание выше поста и молитвы. Работать приходилось много, неподготовленным, ленивым было трудно. Некоторые не выдерживали, уходили, даже послушницы...

— А как с сестрами общение?

— По-разному. Всех любить надо, всем служить, а если душа не лежит, все равно, прощения просить, помогать ей, молиться за нее. Глядишь, и оттает сердце. Главное, никого не осуждать. Я самая грешная, самая плохая, а все остальные, даже если не ангелы, все равно в тысячу раз лучше меня...

— А искушения?

— Они есть, только бояться их не надо. Это значит, что Бог не оставляет, учит. Если придет — молись, и Господь поможет. Исповедоваться надо чаще, хотя бы и каждый день, и не только дела, а паче того помыслы. Только не человеку-духовнику, а перед ним, как перед свидетелем, Самому Богу. А то некоторые только батюшке исповедуются и стараются не огорчать его, а о Боге забывают...

— Чем отличается женский монастырь от мужского?

— В женском приходится очень много трудиться, даже на правило молитвенное сил не хватает. В послушницах долго держат. В мужском — монахи, батюшки, духовники, старцы. Любить друг друга женщинам труднее, натура такая...

— А что значит быть в молитвенном общении?

— Зачем тебе это? Молись Богу, исполняй заповеди, а знание этого само в свое время придет...

— А духовника своего слушаться как старца надо и целиком свою волю ему отдавать?

— Как старца. Только надо искать такого духовника, который будет сообщать не свою, но Божию волю.

— А как его найти?

— Молись, и Господь пошлет. Своего духовника и со спины узнаешь...

— Идти в монастырь можно только, если Бога любишь, или когда боишься за себя, что грешна?

— Любить надо Господа и бояться оскорбить Его хоть в чем-то. Каждый грех, который мы допускаем хотя бы и в мыслях наших,— это мы распинаем Господа, гвозди в Пречистое Тело Его вбиваем. Иной человека боится обидеть, стыдно что-нибудь нехорошее сделать, а Господа не боится, перед Господом не стыдно. А ведь страх Божий — это хорошо. Боишься — значит стараешься исправиться, очиститься, а очистишься, так и любовь в сердце будет...

...Она беспомощна и день ото дня слабеет, между тем разум ее ясен и чист, а сквозь вековое лицо проглядывает удивленный лик ребенка. Мы часто слышим сегодня о брошенных стариках, стакан воды поднести некому — у схимонахини Серафимы иной удел. На стене журнал дежурств, где и ночи расписаны на месяц вперед — Матушка является средоточием общины, которая спасается через нее и за которую она в свой час будет свидетельствовать. Ее скромненькая хибарка с утра до вечера полна людьми, которые спешат сюда без газетных призывов к милосердию. Через служение болящей Старице люди выявляют все лучшее в себе.

Во времена старца Макария в Оптиной пустыни лежал разбитый параличом иеродиакон Мефодий. У него отнялись все члены, кроме губ, которыми он мог произносить только два слова «Господи помилуй», и одной руки. Несколько десятилетий старец лежал и молился Богу двумя оставшимися у него словами, а рука непрерывно совершала крестные знамения. Казалось бы бесполезный во всех отношениях человек, тяжкая обуза для всех служащих ему,— почему же оптинская братия так стремилась в келью болящего?

«В Оптиной пустыни в продолжении более тринадцати лет лежал на полу разбитый параличом монах, владевший только левой рукой,— пишет Л. Толстой одному из своих корреспондентов в 1902 году. — Доктор говорил, что он должен был сильно страдать, но он не только не жаловался на свое положение, но, постоянно крестясь, глядя на иконы, улыбаясь, выражал свою благодарность Богу и радость за ту искру жизни, которая теплилась в нем. Десятки тысяч посетителей бывали у него, и трудно представить себе все то добро, которое распространилось на мир от этого лишенного всякой возможности деятельности человека»...

Время разбрасывать камни и время их собирать, время убивать и время врачевать, время разрушать и время строить. Имена тех, чья верность сберегла для нас веру Христову, да будут откопаны из забвенья и положены в основание нового храма, да стоит непостыден во веки веков. Да успеем преклонить колена пред теми немногими, кто остался, да воздадим им честью за подвиг быть хранителями святынь. Преемственная связь новой Оптиной пустыни с той, что 70 лет назад была разгромлена, вне сомнений, а хрупкое зернышко, благодаря которому цепочка времен не распалась,— схимница Серафима.

Ирина Ефимовна Бобкова родилась в 1885 году, в Гомеле, в семье рабочего, где было пятеро детей. Она смутно помнит, как в раннем детстве ее возили в Оптину пустынь и подводили под благословение к о. Амвросию — это ее первое жизненное впечатление. Впоследствии мать много рассказывала ей о святой жизни Старца, о его чудесах, творимых над людьми, и это было для Ириши, как обычно сказки для малышей. Она загорелась любовью к батюшке Амвросию, и в ней крепло желание стать мученицей за Христа. Немудрено, что пути Господни привели ее в Оптину к тогдашнему старцу о. Анатолию (Потапову) — «Маленькому», как любовно прозвали его за малый рост. К этому Батюшке льнули преимущественно простые женщины, крестьянки, поэтому его называли духовником простонародья. О. Анатолий назначил девушке год испытания, по прошествии которого направил ее в Шамординскую обитель. Через несколько лет к ней присоединилась младшая сестра Анастасия.

Основанный старцем Амвросием, Шамордиский женский монастырь доселе незримо руководился им, что отчетливо ощущалось всеми сестрами. Старец был их отцом и кормильцем. После его кончины в 1891 году общине грозило закрытие, но вопреки всему она процветала: ее взял на попечение духовный сын Батюшки московский чаеторговец С. А. Перлов, чей магазин в китайском стиле до сих пор торгует на бывшей Мясницкой улице.

Ирина застала Шамординскую обитель в самом расцвете. До революции здесь окормлялось более тысячи сестер, которые несли послушание в многочисленных мастерских; здесь содержалась и типография, где печатались душеполезные оптинские издания.

Домик, где скончался Батюшка, бережно сохранялся. Он был накрыт сверху специальным деревянным «колпаком» от дождей и непогоды. В келье осталось все, как было при Старце. Под подушкой лежала пачка листков духовного содержания, и когда человеку нужен был совет, он приходил сюда, молился, потом запускал руку под наволочку и вынутому оттуда листочку следовал как личному указанию о. Амвросия.

Свое первое в жизни послушание Ирина получила в приюте, основанном о. Амвросием для неблагополучных девочек. Наверное, матушка Серафима сегодня единственный на свете человек, помнящий трогательные стихи, которые сиротки пели своему Старцу. Свидетель говорит, что в такие минуты по старческим щекам катились слезы. Матушка

В Иоанно-Предтеченском скиту. Сидит — старец Анатолий (Потапов). Фотография 1910-х годов

Келья старца Амвросия, где он принимал посетителей. Здесь с ним беседовали Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, В. С. Соловьев, К. Н. Леонтьев и другие выдающиеся представители русской культуры

охотно поет этот приютский гимн удивительно юным для своего почтенного возраста голосом:

Отец родной, отец святой,
Как благодарить тебя, не знаем,
Ты нас призрел, ты нас одел,
Ты нас от бедности избавил...

В те годы шамординской насельницей была М. Н. Толстая, единственная и любимейшая сестра писателя. Матушка Серафима хорошо помнит как ее самое, так и ее знаменитого брата. Лев Толстой приезжал в Шамордино на лошади, всегда в неизменной одежде: зимой шапка-ушанка, летом тюбетейка, белая рубашка до колен, суконный красный пояс. Ирину он выделял, всегда здоровался с ней за руку. Не раз ей приходилось угощать Льва Николаевича и отвечать на его расспросы.

Первым духовником послушницы Ирины был о. Анатолий (Потапов), потом она стала относиться к сестринскому духовнику о. Мелетию. Как и ей, ему выпала долгая жизнь печальника и молитвенника за землю русскую. Как многие из его поколения, он претерпел ссылку, но вернулся живым и невредимым и до глубокой старости жил в Козельске. Перед смертью ослеп. Скончался 96 лет, похоронен на городском кладбище.

После революции Шамординская община была преобразована в сельскохозяйственную артель. Ее закрыли чуть раньше Оптинской, а насельниц выбросили на улицу. Большинство было отправлено в Караганду. Матушка вспоминает, что везли их в антисанитарных условиях, умирало до сорока сестер в день. Один этап кормили исключительно сушеной воблой без воды. На остановке монахини выскочили, припали к привокзальному болотцу и, не доезжая до места назначения, все до одной скончались от дизентерии...

Сестры поудачливее, в том числе Анастасия Бобкова, устроились в Козельске, либо прибились к Оптиной. Ирина по благословению отправилась домой в Гомель. Там ее постигло искушение. Смятенная, она возвращается в Оптину и идет на исповедь к другому старцу, о. Нектарию (Тихонову), к которому прежде не обращалась. Если о. Анатолий принимал на исповедь шамординок и мирян, то к о. Нектарию ходили скитские; кроме того, к нему тянулась интеллигенция. В первые годы советской власти вокруг о. Нектария окормлялись: Надежда Павло́вич, художник Лев Бру́ни, его жена Нина Константиновна, урожденная Бальмо́нт, и многие другие «дети страшных лет России», которые в годы постигших их испытаний особенно нуждались в мудром водительстве. Жили они кто при монастыре, кто на арендованных у лесничества дачах.

Духовное водительство о. Нектария и о. Анатолия не имеет аналогов в истории старчества. Жития предшествующих оптинских учителей составлялись учениками сразу после кончины, когда в памяти были живы все славные эпизоды пасторской деятельности; духовные же чада последних старцев были высланы, истреблены, в лучшем случае — избирали путь молчания.

Тех, кто отваживался записывать, тем более размножать свои рукописи и передавать их «из полы в полу», нельзя назвать иначе как героями: за подобные мемуарные упражнения в те годы очень просто было поплатиться жизнью. Поэтому-то так трудно отыскивать сегодня драгоценные жемчужинки, касающиеся «могикан оптинской династии» (Б. Зайцев). Трудно, но не невозможно. И матушка Серафима, несгибаемо верная своим великим наставникам,— одна из этой славной плеяды...

О. Нектарий принял исповедь Ирины и велел ей оставаться в Оптиной, вместе с сестрой Анастасией, которая работала при больнице. В Оптиной не угасала подспудная молитвенная связь, которая могла быть выкорчевана только физическим истреблением ее носителей. И когда предержащие власть поняли это, над пустынью пронеслась первая гроза: гонение на старца Анатолия. Этот Батюшка был им особенно ненавистен. Он стяжал популярность среди простых людей, тех самых «униженных и оскорбленных», от имени которых совершалась революция и которые, по замыслу ее сочинителей, должны были послушно проклинать всяческий «опиум», а не собираться вокруг реакционных попов. 29 июля 1922 года к старцу явились с ордером на арест. Он попросил отсрочку до завтра, чтобы собрать вещи, и к утру умер.

Великая скорбь охватила Оптину. В Казанском соборе всем миром отпели старца. Вместе с богомольцами, которых видимо-невидимо нашло из окрестных деревень, Ирина дала последнее целование первому своему духовнику и уронила горсть земли на гроб — да будет страдальцу пухом...

В Оптиной остается один о. Нектарий. Хотя Иоанно-Предтеченского скита больше не было, он по-прежнему принимает людей в знаменитой хибарке, где до него жили о. Амвросий и о. Иосиф. Он никому не дает надежды в эти страшные годы,

Старец Амвросий (Гренков) в келье. Фотография конца XIX века

лишь неустанно повторяет: «Не бойся, малое стадо» (Лк. 12:32). И еще: «Куда мне до великих старцев? У них благодать была караваями, а у меня ломтик». Но этим ломтиком о. Нектарий сумел накормить всех жмущихся к нему овечек, согнанных историческим катаклизмом на пятачок освященной земли. Как много говорили им могильные холмики! Каким невероятным теплом исходила земля, чтобы обогреть людей, замерзающих на собственной родине!

После ликвидации сельскохозяйственной артели на месте монастыря образовался музей «Оптина пустынь». Первым его директором стала Лидия Васильевна Защук, преданный о. Нектарию человек. Просьба крестьян деревни Стенино не закрывать Казанский собор не встретила возражений со стороны директора. По городам и весям российской земли уже рекою лилась кровь православных, а здесь по-прежнему возносились молитвы о мире всего мира, о плавающих, путешествующих, страждущих и плененных, совершалась Бескровная Жертва Господа нашего Иисуса Христа за неразумный род человеческий...

Минуло чуть меньше года — новая буря пронеслась над старческим гнездом: арестовали всю старшую братию и старца Нектария. Монахов вскоре выпустили, приказав уходить из Оптиной куда глаза глядят, а старца выслали в с. Холмищи за 60 километров от Оптиной. Монастыря больше не было — Ирина и Анастасия задумались, что делать дальше? Уехать? Они пошли за благословением к о. Нектарию. Насте он запретил уезжать, сказав, что она живет в Оптиной Промыслом Божиим и еще пригодится здесь; Ирине же разрешил съездить за паспортом, но обязательно вернуться. Обеих сестер он передал о. Никону (Беляеву).

— Батюшка Никон был строгий, натянутый, неподступный, я боялась его, как огня,— вспоминала матушка Серафима. — Как-то, помню, половики трясла, а он шел мимо Казанского собора. «Батюшка, благословите»,— решилась я. — «Бог благословит». — «Когда на исповедь прийти?» — «Хоть завтра, милости прошу». В первый раз идти было страшновато. Я уж всех угодников просила: помогите, угодники Божии, если я не попаду к батюшке Никону, то куда я попаду, в какую пропасть! А оказалось, бояться не стоило — любвеобильный, хороший Батюшка...

До закрытия Казанского храма, последнего действующего в монастыре, оставалось около трех месяцев. Очевидно, именно в этот период о. Никон покрыл рясофором Ирину, как это было принято в Шамордино, с оставлением прежнего имени.

И вот 5/18 августа 1923 года, накануне праздника Преображения Господня, последовало известие, грому с небес подобное: власти объявили, что утром церковь будет опечатана. Оптинцы отслужили последнее всенощное бдение, а после полуночи обедню. В последний раз причастились Святых Тайн... Если бы этим людям сказали, что в следующий раз Евхаристия совершится в Оптиной через 65 лет, они бы не поверили. Такое просто не уложилось бы в их сознании: жить без церкви? А как же тогда причащаться? Жить, не причащаясь? А зачем же тогда жить?

Ровно в 6 утра Казанский собор был заколочен досками. Лидии Васильевне Защук было предъявлено обвинение в несоблюдении трудового кодекса. Она была уволена.

О. Никон твердо решил не покидать монастырь до последней возможности. Он задержался в Оптиной еще на год. С ним оставались иеродиакон Серафим (Гущин) и послушник Илья Жирнов. Ежедневно в одной из башен они служили всенощное бдение. В Козельске образовалась маленькая девичья община из шамординских монахинь, в которую входили и сестры Бобковы. Они по-прежнему трудились при больнице: Настя санитаркой, Ирина прачкой. Все собрания происходили в больничной кухне. Сюда приходили духовные дети из Козельска и многочисленные богомольцы, по-прежнему съезжавшиеся к старческим могилкам со всех концов России. О. Никон исповедовал их, давал духовные советы, приняв тем самым на себя крест старчества.

В июне 1924 года о. Никону приказали уйти. Он произнес последнюю проповедь (она сохранилась в записях одной из его духовных дочерей), вручил своих чад покрову Царицы Небесной и, благословив их широким крестом, ушел в Козельск. Было ему от роду 36 лет.

В Козельске он поселился на квартире с о. Кириллом (Зленко) и стал работать в Успенском соборе; кроме того, окормлял монахинь и паломников, которых посылал к нему о. Нектарий (самому старцу исповедовать было запрещено); занимался практической помощью больным и убогим. Он нанял квартиру для немощных стариков из скита, а Настя и Ирина стирали им.

Внешне все осталось без изменений — музей худо-бедно поддерживал пристойный вид обители, но подлинный оптинский дух уходил. Особенно остро Ирина почувствовала это, увидев мальчишек, с гиканьем скачущих по могилам. Они швырялись зажженными спичками и от нечего делать подпалили слепую нищенку, по привычке приковылявшую сюда помолиться. Бродяжку отвезли в Козельск с тяжелейшими ожогами, от которых она в тот же вечер скончалась... И в такую Оптину тоже ходил о. Никон, в гульбище бесов — воин Христов с молитвою на устах. Чаще всего он появлялся по вторникам, когда в амбулатории не было приема. Он всегда находил радушный прием у Ирины и Анастасии, отдыхал в тишине их девичьей комнатки, читал, писал письма, молился...

Однажды, когда Ирина гостила в Холмищах, о. Нектарий неожиданно спросил: «А кто у тебя духовник?» — «Отец Никон, вы знаете». — «Нет у тебя духовника». Ирина смутилась. А старец тем временем снимает с полки книгу Иоанна Златоуста, листает и приговаривает: «Олимпиада скорбела, когда учитель ее в ссылку пошел, а Златоуст-то как страдал! Там, в ссылке, климат был неподходящий, и он болел разными болезнями». Не поняла Ирина, при чем тут Златоуст.

Когда рассказала о. Никону, он в раздумье потер лоб: «Похоже, мне батюшка ссылку предсказывает». Пошел к нему и спрашивает: «Зачем вы чад моих духовных смущаете?» — «Прости, отец Никон,— повинился старец,— это я испытывал ее любовь к тебе. Я пошутил». И вытащил ватную скуфью с наушниками, снял с о. Никона его летнюю, а теплую нахлобучил ему на голову...

С ордером на обыск к нему пришли в июне 1927 года. Накануне о. Никон был в Оптиной, написал много писем, которые утром велел Насте принести ему на квартиру. Ничего не подозревающая, та прибежала исполнить послушание — взяли и ее.

После окончания следствия о. Кирилла с Анастасией выслали в Туркестан — сбылось пророчество о. Нектария, который не раз говорил, что Настя должна оставаться в Оптиной. Оказывается, он определил ее в келейницы к о. Кириллу. А о. Никона отправили на Соловки. Произошло это в день перенесения мощей Святителя Иоанна Златоуста...

В 1928 году довершился разгром Оптиной пустыни. Музей упразднили, и территория обители перешла к местным властям. Всех духовных чад о. Нектария разогнали. Осиротевшая Ириша, разом потерявшая и сестру, и духовника, и старца, который весной скончался, уезжает в Москву. Там тогда было легче прожить; кроме того, туда уехали многие оптинцы. С детства привыкшая трудиться, она поступает домработницей в семью преподавателя военной академии.

О. Никона услали на Соловки, но из-за непогоды этап, с которым отправили о. Никона, застрял на Кемьпункте, где он и отбыл весь лагерный срок. Затем ему назначили ссылку в Пинегу Архангельской области. Оттуда регулярно приходили письма: не рвать эпистолярную ниточку с духовными детьми о. Никон считал своим пастырским долгом. При этом решительно запрещал приезжать к нему.

О. Нектарий. Рисунок Л. Бруни

В марте 1931 года он признается Ирине, что серьезно болен, а ей снится странный сон: будто комнатка о. Никона, вдруг туда входит старец Варсонофий — кажется, пальцем можно потрогать, и выносит мебель, в том числе кровать. «Зачем, Батюшка? — спрашивает Ирина. — О. Никону негде будет спать». — «Эта постель ему больше не понадобится,— ответил Старец,— он идет ко мне, я дам ему, где отдохнуть...» Взволнованная, Ирина пишет о. Никону огромное письмо и просит разрешения приехать. «Хоть сон твой и истинный, но я не благословляю тебя приехать. Отложи и положись на волю Божию»,— ответил о. Никон.

Она была готова ехать к своему духовнику, хотя бы на могилу. «Перестаньте думать, начинайте мыслить»,— любил повторять о. Нектарий. Думать — значит растекаться мыслию по древу. Инокиня Ирина решилась на этот шаг не раздумывая, но размышляя! Она опять пишет в Пинегу: «Пришлите мне телеграмму, чтоб знать — застану ли? Еду ли к Вам живому?» И получила телеграмму: «Счастливого пути».

С этим благословением она пошла к иеромонаху Пимену (недавно почивший Святейший Патриарх), который в то время был регентом Пименовской церкви, и она как-то служила ему, пять недель ему готовила. В тот день хоронили ее знакомого гомельского батюшку о. Александра (Зыкова). После отпевания она все рассказала о. Пимену. Тот сказал: «Поезжай, я деньги дам, мне дали 60 рублей на могиле о. Александра». Отслужил молебен, затем акафист святителю Николаю и благословил ее.

Выехать на север в то время было делом нелегким — за 14 лет Советской власти он уже успел превратиться в страну лагерей и высылок. Ирина обратилась за помощью к оптинке Н. Павлович, которая работала в Красном Кресте, и та с большим трудом сумела ей помочь.

Из Архангельска Ирина добралась до Пинеги, оттуда до околотка Козлово, где жил о. Никон, было 8 километров. Она нашла своего духовного отца в плачевном состоянии: две доски в углу, на них скомканный соломенный матрац, вместо подушки — свернутая одежда. Батюшка лежит неухоженный, но с необыкновенно счастливым, сияющим лицом: «Это моя духовная дочь приехала»,— радостно сообщил он хозяйке.

Ирина принялась благоустраивать больного: постелила хорошую постель, готовила вкусные кушанья из привезенного. В то время в Пинеге и окрестных деревнях было много ссыльных священников. Духовником о. Никона был о. Паисий из скита Параклит; его часто навещали иноки Зосимовой пустыни архимандрит Никита и игумен Зосима. Их арестовали после всенощной и отправили с семьюстами священниками на север — без теплых вещей. Говорят, в одной деревне Сама Царица Небесная явилась некой старушке с повелением принять гонимых, истопить им баньку и накормить, чем Бог послал...

Келейником у батюшки Никона был иеродиакон о. Петр (Драчев), в прошлом садовник оптинского скита. Ирина считала, что он плохо ухаживает за о. Никоном, а о. Петр был уверен, что Ирина приехала вопреки воле духовного отца. (Эту версию он будет распространять и после своего освобождения.) Но, обученные послушанию, они старались друг друга терпеть.

За четыре дня до кончины о. Никона произошло знаменательное событие. Ирина хлопотала вокруг больного, когда он, внимательно глядя на дверь, вдруг раздельно произнес:

— Да-да, войдите. О, какое посещение... Ирина, что же ты? Пришел старец Макарий меня исповедовать, а ты не даешь ему стул? Не обижайтесь на нее,— опять обратился к кому-то незримому,— неопытная она.

Выйди-ка на пять минут, сестра Ирина, пока я поисповедуюсь...

Она ушла в другую половину дома и боялась прислушиваться к доносящимся из-за стены звукам батюшкиного голоса

Развязка приближалась. О. Никон задыхался, слабел и, наконец, мирно скончался 25 июня/ 8 июля 1931 года, накануне праздника Тихвинской Божией Матери. И было его жития 42 года — классический возраст смерти для избранных. Его по монашескому чину отпели семь ссыльных отцов и предали земле на местном кладбище, а Ирина отправилась обратно.

В Москве она записала все случившееся в Пинеге. «Вечная тебе память, дорогой отец и благодетель души моей! Глубока рана, нанесенная моему сердцу кончиною твоею! Рана так глубока, что малейшее прикосновение к ней производит болезненное ощущение». Так кончаются эти воспоминания, но не кончается жизнь Ирины. К тому времени она не прошла и половины отмеренного ей пути...

Она возвращается в Гомель, где до самой войны работает в глазной больнице, а на квартире держит опальных епископа Серафима и иеромонаха Киприана. Тем временем, схоронив о. Кирилла, вернулась из ссылки сестра Анастасия, о. Киприан постриг ее в монашество под именем Анимаисы.

У сестер был брат Николай Ефимович Бобков. Он жил в Минске, где дослужился до республиканского прокурора. И вот недоброжелательные соседи поставили в известность соответствующие органы, что прокуроровы сестры укрывают непрописанных попов. На дворе стоял 1937 год. Прокурор тут же отрекся от родни, а в домик Бобковых приехали с обыском. Ничего недозволенного не нашли, кроме архиерея и монаха, которых увели с собой. Потом пришли за Анастасией — так она получила второй срок, который отбывала в Вологодской области на лесоповале...

Осиротевшая Ирина дальше несла свой крест: ходила за престарелыми родителями, помогала рано овдовевшей сестре Евфросинье растить детей, подкармливала малышей у себя в столовой.

Началась война. Оккупировавшие Белоруссию немцы стали открывать церкви. Близ Гомеля был возобновлен Чонский Преображенский монастырь. Из Жировиц приехал архимандрит Серафим (Шахмут) и стал служить в городском Петропавловском соборе; он же возглавил монастырь. Люди валом валили в церковь: исповедовались, причащались, таинством венчания узаконивали годы вынужденных беззаконных сожительств, крестили детей.

Знакомство о. Серафима с семьей Бобковых началось с того, что он спас матушкину племянницу Любу от увоза в Германию. Ирина нанялась к нему в домработницы. В 1942 году, на Тихвинскую Божию Матерь, он постриг ее в мантию в Чонском монастыре, после обедни. Улыбнулся: «В один день теперь именинниками будем, на преподобного Серафима». В 1944 году в Гомель вошла Красная Армия, и монастырь закрыли. О. Серафим умер в тюрьме.

Матушка Серафима опять устроилась санитаркой в железнодорожную больницу, а пришел возраст — вышла на пенсию. В 1945 году из ссылки вернулась Анастасия Ефимовна. Через несколько лет судимость с нее сняли и назначили крохотную пенсию.

Несмотря на тяжкую долю, сестрам Бобковым было даровано исключительное долголетие. В середине 60-х годов они ездили хоронить прокурора Николая Ефимовича. Именно этим мыкающимся по жизни монашкам, от которых он в трудную минуту отрекся, выпало пропеть над его гробом «вечную память». Брат сгорел от водки, сокрушается матушка Серафима. А его постаревшие сестры, по-прежнему свободные от земных уз, самозабвенно любили Небесного Жениха, Которому присягнули в юности, по-прежнему исполняли христианский долг за тех, кто отдался во власть духу

**Шамордино. Собор Казанской Божией Матери. Современный вид.
Фото А. Лобана**

МОЛИТВА

ПРЕПОДОБНЫХ СТАРЦЕВ И ОТЦЕВ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

(текст найден в записи одного из учеников о. Нектария)

«Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить все, что даст мне сей день. Господи, дай мне вполне предаться воле Твоей. Господи, на всякий час сего дня во всем наставь и поддержи меня. Господи, открой мне волю Твою для меня и окружающих меня. Какие бы я ни получил известия в течение дня, дай мне принять их с покойной душой и твердым убеждением, что на все святая воля Твоя. Господи Великий Милосердный, во всех моих делах и словах руководи моими мыслями и чувствами, во всех непредвиденных обстоятельствах не дай мне забыть, что все ниспослано Тобой. Господи, дай мне разумно действовать с каждым из ближних моих, никого не огорчая и никого не смущая. Господи, дай мне силу перенести утомление сего дня и все события в течение его. Руководи моею волею и научи молиться и любить всех нелицемерно. Аминь».

РЕЦЕПТ ОТ ГРЕХА

Некий старец зашеп в печебницу и спросил у врача: «Есть пи у вас пекарство от греха!» «Есть,— отвечал врач,— вот рецепт:

1. нарой корней послушания,
2. собери цветов душевной чистоты,
3. нарви листьев терления,
4. собери ллодов нелицемерия,
5. не уливайся вином прелюбодеяния,
6. все это иссуши постом воздержания,
7. вложи в кастрюлю добрых дел,
8. добавь воды спез покаяния,
9. посоли солью братопюбия,
10. добавь щедрот мипостыни,
11. да во все попожи порошок смирения
12. и коленолрекпонения,
13. принимай по три ложки в день страха Божия,
14. одевайся в одежду праведности
15. и не входи в пустословия,
а то простудишься и заболеешь грехом опять».

Составила в 1920-е годы монахиня Шамординского монастыря.
Рукопись сохранилась у схимонахини Серафимы.
Публикация В. Молчанова.

отрицания.

В 1977 году сестры Бобковы приняли схиму. Через год Анастасия умерла. В 1984 году парализовало матушку Серафиму.

Полыхающий огонь молитвенного устремления восходит от земли. Сколь высоко он взовьется? Все зависит от степени нашей жертвы, от вольной отдачи божественной искре. Она стремительно приближается к куче хвороста — нашей земной жизни. «Я возжег светильник,— обронил как-то старец Нектарий,— о фитиле позаботьтесь сами». И умолчал: сами станьте им...

Когда Шамординская обитель была передана Православной Церкви и настало время возрождать запустелое место Божие, жизнь матушки Серафимы приобрела особый смысл. Из тысячи инокинь, разогнанных по деревушкам, отправленных в Караганду, уморенных в эшелонах, ей единственной выпало не допустить разрыва времен. Смиренная Старица не подозревала, что стала апостолом среди нашего мира, отброшенного на две тысячи лет вспять. Пламенный луч от Источника Жизни, разгоняющий тьму язычества,— вот что такое мать Серафима! Пласт бытия, в котором пребывает ее душа, неведом унылому космосу наших будней. На вырубленной пустоши уцелело несколько старых пней. Говорят, такой сухостой по весне выпускает внучатые побеги...

Согласно воле матушки Серафимы, 24 июля 1990 года, в день равноапостольной княгини Ольги, ее перевезли в Шамординский монастырь, где накануне престольного праздника иконы Казанской Божией Матери, 3 ноября, последовала ее блаженная кончина. Матушку похоронили у алтаря храма иконы «Утоли Моя печали» при большом стечении народа, с молитвами и пасхальными песнопениями.

СО ВСЕГО СВЕТА

ЦЕРКОВЬ МУН СОН МЕНА НАЛАЖИВАЕТ СВЯЗИ С СССР

«Советский Союз будет играть ключевую роль в обеспечении прочного мира на земле», ему «судьбой уготовано быть мостом между Европой и Азией»,— заявил южнокорейский проповедник Мун Сон Мен, глава и основатель «Объединенной церкви». По мнению журнала «Фар Истерн экономик ревью», «Объединенная церковь» стремится расширить свое влияние в Советском Союзе, где она располагает 10 миссионерскими организациями и несколькими сотнями приверженцев.

ЗАРУБЕЖНЫЕ ПОЕЗДКИ ПАПЫ РИМСКОГО

С 10 по 13 мая Иоанн Павел II посетит Португалию. В первой декаде июня папа предпримет четвертую с момента его возведения на Апостольский престол поездку на родину. 14—15 августа он вновь отправится в Польшу, чтобы принять участие в праздновании католического Международного дня молодежи, а затем — в Венгрию, где пробудет до 20 августа. На октябрь запланирована поездка папы римского в Бразилию.

ВОЗРОЖДАЕТСЯ АЛБАНСКИЙ КАТОЛИЦИЗМ

После 23 лет подполья провели рождественские богослужения католики Албании. «Наше первое официальное богослужение — заявил 63-летний священник Симон Мюбанн,— состоялось 4 наября 1990 года в присутствии 5 тысяч человек. На второе (неделю спустя) собралось уже 50 тысяч человек».

ПОКАЯННОЕ СЛОВО

«В покаяиной молитве мы взываем к иеисчерпаемой христиаиской божествеииой любви, прощающей греховиые дела, совершаемые иами по иашей слабости»,— так иачииается заявлеиие, с которым выступили шесть члеиов Синода Болгарской православиой церкви митрополиты Пимеи из Невкоп, Стефаи из Велико Тырново, Паикратий из Старой Загоры, Калиика из Врацы, Дометиаи из Видии и Кирилл из Варны. Оио опубликоваио в еженедельиике «Церковеи вестиик». Митрополиты призиают и искреиие раскаиваются в том, что при тоталитариом режиме Тодора Живкова участвовали в совершении «иидивидуальиых, прямых и косвеииых преступлеиий». В частиости, оии осудили собствеииые акции против действовавшего в Болгарии Комитета защиты прав верующих и его руководителя Христофера Субева. Оии заявили, что теперь «дают высокую положительиую оцеику всему, что ои делал».

С покаяииым словом за сотрудиичество с режимом Н. Чаушеску выступил в церкви и прессе Румыиский Патриарх.

СО ВСЕГО СВЕТА

Ев. ШОЛКИН

ДЫШИТЕ СВОБОДНО!

Свободное дыхание — так называется одна из психотехник, интегрирующих сознание человека и открывающих ему доступ к собственным ресурсам, потенциально ничем не ограниченным.

В чисто практическом аспекте Свободное Дыхание включает в себя спектр различных по интенсивности и очень близких методик, основанных на связном дыхании — без пауз между вдохом и выдохом: от голотропного дыхания, как наиболее интенсивного способа, до вайвэйшн как наиболее изящного, но не менее эффективного. В этом ряду и другие школы, в том числе и известная у нас под названием «ребефинг».* Внутренняя целостность человеческого сознания достигается примирением внутренних конфликтов, разделяющих его, когда конфликтовавшие стороны сознания приходят к единству и гармонии, к взаимной любви. Первый шаг в этом процессе— осознание конфликта.

Многие психотехники умеют делать конфликт сознания доступным рассмотрению. Некоторые из них предлагают подавить его до такого состояния, чтобы он практически не ощущался. Но он не исчезает насовсем, и его постоянное подавление требует значительных и постоянных усилий подсознания человека даже тогда, когда они становятся автоматическими. Другие техники предлагают, кроме того, достроить свое сознание «протезом», восполняющим те части сознания, которые поражены конфликтом. Так образуется то, что называют «надсознанием». Оно помогает человеку, более полно и глубоко разделившись в себе, уйти из болезненной зоны. В этом варианте требуется постоянное легкое подхлестывание из «подсознания», заставляющее смещаться в «надсознание». Конечно, оба эти пути имеют право на существование — они дают улучшение общего состояния. Однако, и в том, и в другом случае нужна борьба, постоянные усилия для поддержания комфортного состояния.

Свободное Дыхание позволяет нам не «бороться со злом», не уходить из мира, а просто делать добро из зла — обнаруживая, что добра и зла в мире нет, Свободное Дыхание помогает нам найти путь к гармонии с единым и целостным миром. Оно восстанавливает целостность сознания, то есть растворяет конфликт.

Как же достичь этой гармонии и целостности? Как добиться интеграции? Для этого надо понять, что явилось причиной разделения сознания. Причина — оценка, суждение и осуждение внешнего или внутреннего мира — разделением его на «плохо — хорошо», «разрешенное» и «запретное». Вот это разделение и приводит человека к борьбе и с собой, и с миром — оно усиливает разделение себя.

Зима и лето, луна и солнце, день и ночь — они непохожи, они противоположны, но разве они враждуют между собой? Разве они не сменяют друг друга легко и гармонично? Мир природы един и гармоничен, в нем нет конфликта, нет борьбы: единство и борьба противоположностей только в человеческом сознании, в субъективной реальности. Здесь причина конфликтов между людьми и война человека с самим собой. В этой войне невозможно одержать победу. В Библии сказано: «Если царство разделится само в себе, не может устоять царство то; И если дом разделится сам в себе, не может устоять дом тот». (Мк. 3: 23—24).

Всякое разделение вовне приводит человека к разделению внутри себя. Это разделение души и тела приводит человека к болезням — и к психическим и к физическим, которых могло бы просто не быть. Сейчас много говорят о «сглазах» и «порчах» — но нет сглаза или порчи без нашего согласия на то, без нашего уже готового внутреннего разделения. Коли так, то нет и «снятия сглаза» без его закрепления — ибо снятие закрепляет разделение, убеждая нас в том, что «было, что снимать». А ведь была только наша боль, порожденная нашим собственным разделением. Вот ее, эту боль и снять можно, но разделение при этом усилится. Тогда один раз снятый «сглаз» будет требовать все нового и нового «снятия». Свободное Дыхание дает новый подход — оно помогает в каждом «сглазе» увидеть жизненную необходимость, а в каждом конфликте — путь к гармонии.

Чем жестче разделение сознания, тем большее это наказание для человека. Обратимся снова к Библии. Сказано: «Говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего, подлежит суду; кто же скажет брату своему: «рака», подлежит синедриону; кто же скажет: «безумный», подлежит геенне огненной». (Мф. 5: 22). Тут видим, что гнев, как меньшее разделение, наказывается и меньшим наказанием, а обвинение в сумасшествии — бóльшим.

Но в человеческих силах не наказывать себя осуждением и разделением. Поэтому мы говорим, что любое внутреннее примирение всегда правильно. Свободное Дыхание предлагает человеку эффективный способ внутреннего примирения.

Есть немало людей, для которых внутренний конфликт стал привычным. Они сомневаются в том, что примирение с собой возможно. Но посмотрите на детей — у них нет внутренней вражды, они никогда не закрываются и не отгораживаются, они всегда открыты, считая хорошими всех людей и весь мир. Они не сдерживают ни слез, ни смеха, они ведут себя свободно, следуя своим желаниям, хотя мы нередко говорим им «нельзя». У них так много сил и энергии, как ни у кого из взрослых, сдержанных и сосредоточенных. Ребенок мягок и гибок, а взрослый— тверд и неуклюж. Чем старше человек, тем больший груз своего разделения ему приходится нести, тем меньше у него сил на то, чтобы радоваться жизни. Человек умирает, зная «как жить», а живет — не зная этого. Чем он моложе, тем больше у него сил к жизни. Свободное Дыхание предлагает и помогает взрослому человеку вернуться к свободному — «детскому» состоянию.

Часто спрашивают, насколько естественно для человека связное дыхание? Человек дышит связно тогда, когда он не контролирует своего дыхания,— во сне. Иначе в бодрствовании. Здесь можно предложить маленькое практическое упражнение: попытайтесь следить за своим дыханием в кино, на улице, дома. Заметьте, когда, в какие моменты вы делаете паузы в дыхании. Обычно это моменты раздражения, испуга, большого беспокойства или просто сильного любопытства. При этих состояниях возникает напряжение. Если его расслабить, то оказывается, что можно чувствовать все это и продолжать дышать так, как обычно, или несколько иначе, но столь же естественно. Посмотрите, не изменится ли ваша реакция на то, что пугало вас или раздражало при отсутствии пауз между вдохом и выдохом, то есть при связном дыхании. Когда мы обнаруживаем, что можем дышать связно и не во сне, то быстро находим это дыхание наиболее естественным.

Связное дыхание изменяет состояние сознания. Можно предложить еще одно упражнение. Сядьте дома, в удобном месте, позаботьтесь о том, чтобы вас ничто не отвлекало. Теперь

** См. в № 2 за 1990 г. статью Р. Дубиелла и С. Всехсвятского «Я — неформальный шаман».*

дышите связно, без пауз и смотрите за тем, что вас отвлекает, что вы вспоминаете или чувствуете. Возможно вы ощутите раздражение от того, что занимаетесь «ерундой». Постарайтесь не пойти у него на поводу и узнать, что скрывается за ним. Для этого только продолжайте дышать связно и наблюдать свои ощущения. Скорее всего обнаружится то, что вам сильно мешает и в обычной жизни. Если вы сможете полюбить это и не раздражаться на свое состояние, то оно само станет вам другом. Это может быть какое-то физическое ощущение или какое-то воспоминание, или еще что-нибудь. Постарайтесь сохранить свое дыхание на удобной для вас глубине.

Если у вас из этих занятий ничего не получилось, не огорчайтесь. Свободное Дыхание очень просто, но часто без помощи инструктора невозможно найти сразу свой, наиболее естественный стиль дыхания.

Если вы получили какой-то результат, то у вас может возникнуть вопрос: отчего связное дыхание так сильно влияет на ваше состояние? Дело в том, что всякое разделение нашего сознания приводит н к паузам в дыхании. Легко обнаружить, что отсутствие пауз в дыхании тогда, когда мы обнаруживаем точку разделения сознания, восстанавливает целостность сознания. Иными словами — те стереотипы, программы, комплексы, которые привиты нам, с нашего согласия, жизнью в современом обществе, управляют нашим сознанием, изменяя структуру дыхания. И если мы вернем ему естественный ритм, без пауз, мы можем соединить разделеные части нашего сознания, те части, которые обычно называют «бессознательное», «подсознательное», «надсознательное», «сверхсознательное», «измененное сознание» — и другие, которые в действительности являются нашим целостным всеобщим сознанием Мы получаем тогда не «измененное сознание», а сознание «соединенное». Это и есть интеграция. Осваивая технику Свободного Дыхания, человек получает замечательное средство для выведения себя из-под власти жестких программ поведения — борьбы, осуждения и разделения. Это внутренняя свобода, которая позволяет различать, не разделяя.

Надо сказать, что современные техники связного дыхания вовсе не являются современным открытием по своей сути. Напротив, это древнейшие практики, известные человечеству, всем его культурам, а прежде всего — религиям. Такое дыхание характерно для христианской и для мусульманской молитвы. Оно существует в суфизме, в буддизме и в даосизме. У Карлоса Кастанеды связное дыхание служило ключевой техникой при обучении сталкингу — искусству быть в жизни мягким, естественным и неуловимым, «искусству красться». Словно бы о том же сказал Лао Цзы: «Умеющий ходить не оставляет следов». Известно, что в древнем Китае дыхательная гимнастика каралась смертной казнью,— ее считали средством достижения бессмертия.

Свободное Дыхание представляет собой чистое зерно, ядро древних техник. То, что знало человечество во все века, теперь возрождается в современных методиках ребефинга, вайвэйшн и других. Они, как и их прародители, естественны и целостны. То, что сейчас называют Свободным Дыханием, есть гармоничная интеграция всех путей, ведущих к единству и целостности человека. И это не лозунг, а практика: 1 сентября 1990 года в Москве создана Международная Ассоциация Свободного Дыхания, объединяющая людей, занимающихся разными интегративными техниками, не только дыхательными. Координатором Ассоциации с советской стороны избран руководитель московской группы Свободного Дыхания и автор этого названия Сергей Всехсвятский, уже знакомый нашим читателям. Координатор с американской стороны — руководительница школы вайвэйшн Энн Джилл Деонард.

Омоложение—

Все мы знаем — отечественная медицина бессильна перед многими нашими физическими и психическими недугами. Консерватизм ее или недостаточно высокий профессиональный уровень «среднего» врача, дефицит гуманизма или лекарственных препаратов,— так или иначе, но все мы оказались в трудном положении. Отчаявшись, стали искать выход — припоминать давние народные рецепты, обращаться к древним традициям экзотической медицины и — наконец-то! — заинтересованно осматриваясь в отечестве своем, обнаружили немало «нетрадиционных» целителей, узнали о новых или очень старых методах лечения. Теперь что ни день, то открытие. От многих из них мы отворачивались многие годы.

В декабре прошлого года газета «Вечерняя Москва» написала о Г. Н. Сытине и его системе СОЭВУС — словесно-образного, эмоционально-волевого управления состоянием человека. Не сказать, что газета «открыла» этот феномен,— о нем давно уже ходят слухи. Наши читатели не раз просили уточнить их, рассказать подробнее о чудесном докторе, а последние публикации в прессе и сообщение о том, что вышла книга Г. Н. Сытина «Реальное омоложение женщины», еще «подогрели» этот интерес. И вот наш корреспондент в гостях у Георгия Николаевича Сытина (кстати, он давний читатель нашего журнала).

Но прежде — немного о нем и его методе. В этом году Г. Н. Сытину исполнится 70 лет, более 40 из них он разрабатывает и совершенствует СОЭВУС. Идея, которая легла в основу метода, пришла его автору в годы второй мировой войны, когда он, еще юноша, получив 9 ранений и контузию, узнал приговор врачей: нежизнеспособен. И с ним не согласился. Словно заклинание, словно молитву, повторял: «Изо всех сил отвергаю всякую болезнь. Я все более твердо, все более твердо отвергаю всякую болезнь. Я здоровею, крепну...» Метод отрабатывал на себе. Лучшая его реклама и подтверждение — сам автор: совершенно здоровый человек трудится с энергией, которой позавидуют и молодые, у него шестимесячная дочь... Кстати, он — кандидат психологических наук.

В чем же метод?

Это лечебные тексты, «настрои», произнося которые определенным образом, можно, как утверждает Г. Н. Сытин, избавиться и от гипертонии, и от астмы, снять тяжелые неврозы, вылечить шизофрению и другие заболевания. При этом можно даже внешне помолодеть лет на 10—20, не говоря уже о душе. «И никакой мистики, чудес, гипноза,— улыбается доктор,— только психокоррекция, основанная на научных экспериментах. И никаких лекарств. Весьма актуально в наше время. К тому же нет угрозы опасных побочных действий, тут не может быть и «перебора».

Со своими единомышленниками Г. Н. Сытин создал Всесоюзный центр психологической поддержки и нелекарственного лечения. Комиссия Минздрава СССР признала эффективность СОЭВУСа, однако пока что центр этот ютится в двух маленьких кабинетах городской поликлиники. И, конечно, деятели зарубежной медицины, утверждающие, что в мире не знают такого результата, какого сумел добиться Сытин, предлагают ему открыть в своих странах филиалы центра. Но Сытин не собирается уезжать, а думает о том, чтобы помочь каждому, кто нуждается в его помощи.

Конечно, у читателей возникнет немало вопросов в связи с нашей публикацией. Предваряя некоторые из них, наш корреспондент Л. Немира обратилась к Г. Н. СЫТИНУ.

ЭТО ВОЗМОЖНО!

— Прежде всего — об уже вышедших ваших книгах — «Животворящая сила» и «Реальное омоложение женщины». Кто их издатель, каков тираж и можно ли их приобрести?

— Издает их Советский фонд милосердия и здоровья совместно с нашим центром. Тираж до 50 тысяч экземпляров, а распространяем его мы сами среди тех, кто к нам обращается.

Сейчас я готовлю к печати еще две книги: «Реальное омоложение мужчины» и «Божественные настрои» — их тоже можно будет приобрести. Заявки принимаются в нашем центре по адресу: 123592, Москва, ул. Кулакова, 23.

— А в чем особенность «Божественных настроев»? Почему они именно так называются?

— От светских эти настрои отличаются тем, что человек призывает на помощь Божественный свет и Божественную энергию. Обратиться к ним более четверти века назад меня побудили верующие люди, их немало приходит ко мне за помощью, причем благодаря положительным результатам лечения, поток их увеличивается. Как показывает практика, «Божественные настрои» более эффективны.

— Для всех? И для неверующих?

— Именно так. Но неверующим людям лучше начинать лечение со светских настроев, а божественные иметь про запас как более сильные.

— Учитывая те две книги, которые должны скоро выйти, можно ли сказать, что опубликованы все ваши разработки?

— Это только процентов пять от того, с чем мы реально работаем. Кроме настроев на оздоровление и омоложение всех систем организма, есть, к примеру, и настрои защитного характера: от дурного воздействия других людей,— от того, что в народе называют «сглазом», от болезненной реакции на недоброжелательность, подлость...

— А можно ли воздействовать на семейные отношения?

— Есть настрой на уважение к себе. Уважающий себя обладает чувством собственного достоинства, ему чужды мелочные обиды, и он не станет оскорблять другого. Кстати, настрой на устойчивость к подлости мы недавно передали Ельцину, надеемся, он им воспользуется.

— Насколько я понимаю, для мужчин и женщин настрои разные. А есть ли настрои для детей?

— Есть. Например, если ребенок заикается, ему может помочь и самый простой настрой, состоящий из повторения только одной фразы: «Таня (Маша, Катя...) говорит легко-легко, как мама».

— Есть ли у вас ученики?

— Да, и число их растет. Только, к сожалению, в последнее время растет и число лжеучеников, которые пытаются работать по моему методу. Но делать это непросто, ведь каждый настрой создан путем строго выверенного научного эксперимента, и редактировать его, насколько бы необычным он ни казался, или составлять на свой лад нельзя. В лучшем случае он будет малоэффективным...

Г. Н. Сытин рекомендует нашим читателям «один из самых эффективных настроев — для душевного комфорта, мира и согласия в семье».

ИДУ ДОМОЙ, КАК В БОЖИЙ ХРАМ

(Фрагмент настроя)

Как для священника алтарь, дом для меня всегда святыня. Иду домой, как в Божий храм, заранее очиститься стараюсь от всякой скверны, ненависти и вражды. Стараюсь в Божий храм прийти, чтоб принести своей семье блаженство, счастье и надежду. Хочу в душе своей нести неугасимый Божий Дар любви, добра, сочувствия и ласки.

Я знаю, в жизни непреклонным надо быть, когда приходится сражаться со злом, предательством и ложью.

Дома нежность, доброта и ласка должны быть постоянны, нерушимы, как гранит.

Иду домои, как в Божий Храм. Очищенный и осветленный, исполненный насквозь божественным святым ярчайшим светом.

Мужчины мешают деловой женщине?

Более половины выпускниц женского колледжа из штата Калифорния блестяще себя показали в традиционно мужских для США областях науки, на производстве и в бизнесе. Полагают, что секрет успеха в том, что это женское учебное заведение — одно из немногих, где нормы жизни устанавливаются самими женщинами. Девиз студенток колледжа: «Нам мужчины не нужны».

Возможно и не нужны. Но...

Мнение о том, что деловое общение бесполо — опасное заблуждение. Так считает психолог Е. Собчик, директор фирмы «Пигмалион», открывший школу женского обаяния. Мужчина, видя перед собой женщину, реагирует на нее прежде всего как на женщину, а потом уже как на делового партнера. Если рассчитываете на успех в бизнесе или политике, не бойтесь быть привлекательными. Как женщина.

Специально для «Науки и религии»

Григорий КВАША

Рисунки А. Шувалова

В № 12 прошлого года рассказывалось о работе Григория Кваши, изучающего особенности восточного гороскопа. Взяв за основу открытие древних мудрецов, выделивших 12 типов людей (в зависимости от года рождения), он и его коллеги обнаружили сложные взаимосвязи и явные закономерности в мироощущении этих типов, в свойствах личности, способностях к различным видам деятельности и т. д. Все эти взаимосвязи и закономерности отражены в нескольких структурах, с разных сторон освещающих проблему. Так, идеологическая структура выделяет тройки единомышленников (знаки, отстоящие друг от друга на четыре года); психологическая — четверки родственных в этом плане типов; возрастная — определяет, какому возрасту соответствует тот или иной знак, (например, Лошадь — вечный школьник, а Тигр — патриарх); структура векторного кольца дает разгадку того, какой знак по отношению к другому «хозяин», а какой — «слуга»; социальная показывает отношения того или иного знака к обществу, его поведение в коллективе и т. п. По существу, на основе восточного гороскопа создан новый гороскоп, который его авторы называют структурным. В его рамках появилась и теория, раскрывающая феномен женщины. О ней и пойдет речь, что закономерно для мартовского номера.

Структурный гороскоп, как нам кажется, освобождаясь от излишнего эмпиризма и мистицизма восточного гороскопа, дает ключ к разгадке некоторых довольно старых задач, которые решены неудовлетворительно, либо вовсе не решены, и даже попали в разряд вечных. Таков женский вопрос. Мы предлагаем свою теорию женщины*. Анализ невероятно огромного числа биографий исторических лиц, деятелей мировой культуры, писателей, художников, политиков и т. д. подтверждает надежность решений, подсказанных структурным гороскопом.

ВОЛЯ, ИНТУИЦИЯ, ЛОГИКА

Многие уверены, что логика — это мужское свойство, а в женщине все «держится» на интуиции. И когда обнаруживается, что женщина мыслит логически, то говорят, что у нее мужской тип мышления. Та же история с волей. Никто не отрицал, что волевые женщины встречаются, но никто и не сомневается, что в сумме таковых несравненно меньше, чем мужчин.

Поначалу и у нас выходило, что к волевому типу относятся лишь женщины тройки Бык — Змея — Петух, а три остальные тройки — хотя и разные, но преимущественно все же интуиционные типы мышления. Когда изучаешь проблему женской власти, то такая теоретическая база вполне устраивает: практически все женщины-правительницы родились именно в годы Петуха, Змеи и Быка. А остальные девять знаков настолько мало отличались друг от друга в области политики и власти, что действительно легко подходили под один тип.

Однако более глубокие исследования показали, что попытка загнать женщин в интуиционную резервацию была тщетной. У женщин знаков Кот — Коза — Кабан была обнаружена романтическая воля, соответствующая мистическому типу мышления (он у мужчин знаков Крыса — Обезьяна — Дракон), а у женщин знаков Лошадь — Тигр — Собака — бойцовские качества, соответствующие логическому типу мышления (мужчины знаков Петух — Бык — Змея). И воли, и логики у женщин оказалось ровно столько же, сколько и у мужчин — по три знака на каждую. Такая же ситуация у мистического и интуиционного типов мышления. Полное равенство возможностей!

ДВОЙНОЕ ДНО

К радости женщин или к их печали, у всех у них без исключения происходит раздвоение личности. Поясним.

Всем своим поведением, манерами, пристрастиями, образом жизни они как бы демонстрируют одно, а по сути живут совсем по-другому. То есть язык (атрибутика, способ выражения) один, а суть иная, но производимое впечатление так сильно, что докопаться до сути почти невозможно, и сказывается она только, как итог их жизни.

Пока же необходимо детализировать это самое двойное дно.

Тройка Змея — Бык — Петух — тройка женской воли, воли, достаточной для удержания власти, для разумного правления, лишена языка — способа внешнего проявления этой воли, у них нет соответствующей манеры поведения, образа жизни, привычек, словом, того, что способно создать у людей впечатление мощной и продуманной силы.

Женщины тройки Лошадь — Собака — Тигр — яркие, впечатляющие, им не трудно собрать вокруг себя приверженцев, поклонников таланта, у них волевая манера поведения, новаторский язык. Но логическое мышление и сопутствующие ему бойцовские качества, чужды гибкости и компромиссов. Они достаточно прямолинейны и слишком последовательны. Приверженцы оказываются

* *В создании теории участвовала Жанна Аккуратова.*

им не нужны, так как они не знают, что с ними делать.

Тройка Крыса — Дракон — Обезьяна владеет безукоризненным языком любви. На внешний взгляд, эти женщины способны на любые безрассудства, это видно невооруженным глазом, и порой уходят годы, чтобы за внешним шармом и блеском разглядеть жесткий реализм, осмысленность поступков и соблюдение собственных интересов.

Женщины Кот — Кабан — Коза, напротив, производят впечатление спокойных, уравновешенных, иногда даже солидных и холодноватых. На самом же деле эти женщины обладают мощной волей, таинственным мистическим мышлением и так называемой сексуальной проницательностью.

Вот это несоответствие языка и сути, сути и внешнего рисунка, пожалуй, главное в теории женщины. У мужчин язык и суть идеально подогнаны друг к другу, поэтому они — создания цельные, единые, и потому же — творчески активные.

Обладатели волевого типа мышления мужчины — Собака — Лошадь — Тигр, владея языком, полностью соответствующим их сути, являются монопольными владельцами такого могущественного творческого явления, как новаторство. Женщины Лошадь — Собака — Тигр обладают языком новаторства, а воля, необходимая для его претворения в жизнь, ушла к тройке Петух — Бык — Змея.

Совпадение языка и сути у мужчин тройки Кот-Кабан-Коза порождает не менее могущественное творческое явление — завершительство. У женщин этого явления нет, именно из-за расхождения языка и сути. Женщины Кот — Коза — Кабан пытаются вполне реальную жизнь объяснять через мистические теории, прозрения и т. д. Поэтому лучших из них не тянет писать прозу — они уходят в оккультные и близкие к ним сферы. Достаточно вспомнить Елену Блаватскую (Кот), Елену Рерих (Кот), Анну Шмидт (Кабан), Вангу (Кабан), Анни Безант (Коза), Индри Деви (Кабан).

Мужская тройка Петух — Бык — Змея (логики) дает крупнейшее творческое явление в сферах, поддающихся полной формализации. В первую очередь — это военное искусство, мультипликация, научная фантастика (сайнс фикшн). Женщин в этих сферах, по крайней мере в высших их проявлениях, мы не найдем.

Ну и наконец, одну из самых существенных потерь женский род несет от этой своей раздвоенности в сфере любви.

Среди женских знаков вообще нет «источника» истинной любви. Кот — Коза — Кабан обладают сексуальной проницательностью. Мужчины для них открыты настолько, что они легко снимают их комплексы неполноценности. Женщины тройки Крыса — Обезьяна — Дракон не в состоянии определить глубинную суть мужчины, да им это и не нужно, их задача другая — они и есть сама любовь, их внешность, голос, взгляд, походка и даже некая странность будто созданы для того, чтобы напомнить всем, что существует мир грез, цветов и так далее в том же духе

Раздвоенность личности является причиной и женских слез и эмоциональной несдержанности, доходящей до истеричности: никак не удается соединить две нестыкуемые половины. Женщина и сама не понимает, чего же она хочет, ибо преобладающий «язык» требует одного, а загнанная вглубь суть в конечном счете добивается своего и в общем-то совсем другого. Пресловутая женская загадочность... Впрочем, самые жуткие следствия женской раздвоенности мы еще поведаем в конце статьи.

СЛАБОСТЬ ИЛИ СИЛА?

Что же, женщины из-за своей раздвоенности вроде бы второй сорт? Разберемся.

Да, есть творческая гениальность. Но есть еще гениальность восприятия. А разве оно — не оборотная сторона творчества? Ведь гениальный восприниматель — это не только зритель, читатель, болельщик (без них культурный процесс также немыслим), но это еще и редактор, и критик, а может быть, и историк.

Нет сомнений, что мужчины, воспользовавшись своей творческой плодовитостью, захватили не принадлежащие им профессии критика и редактора, внеся в эти профессии предвзятость, отсебятину, зависть, и, если хотите, злобу.

Лишь женщина способна искренне и глубоко воспринять не только близкие ей по духу идеи и произведения, но и то, что, на первый взгляд, для нее неприемлемо. Не так ли должен вести себя и критик, и редактор? Мужчина же целен, в нем нет щели для чужого, он готов отвергнуть все, что не согласуется с его системой взглядов.

Нетворческий, нецельный характер женщины делает ее незаменимой на монотонных производствах: там, где мужчина не выдержит и нескольких месяцев, женщина работает годами. Эти же свойства делают женщину гораздо лучшим исполнителем, чем мужчина. А поскольку спрос в учреждениях и производстве на исполнителей всегда высок, то и безработица женщине не грозит, как это прогнозируют многие. Разумеется, речь идет о женщинах в целом, а исключения будут...

ВОКАЛ И ГИМНАСТИКА, НАУКА И ВЛАСТЬ...

Вполне возможно, что многие сферы человеческой деятельности вообще не предназначены для гомогенных творцов, а лучше всего подходят именно «раздвоенным» женщинам.

Вполне возможно, что спортивная гимнастика требует волевой сути и атрибутики полноценной ориентации в пространстве. Такое сочетание есть лишь у женщин тройки Бык — Змея — Петух, что обеспечивает им здесь знаковую монополию уже многие годы. Особенно заметна роль Быка (Кучинская, Команеч, Багинская, Шушунова и др.). У мужчин же почти одинаково выступают и гимнасты воли (Лошадь — Собака — Тигр) и гимнасты — знатоки пространства (Петух — Бык — Змея).

Точно так же не исключено, что в вокальном искусстве определенного направления очень важно иметь завораживающий тембр (атрибутика воли) и чистый слух, систематизирующий голос, освобождающий его от всех излишних эмоций, шумов, неясных нот, фальши. Не потому ли женский вокал все больше завоевывает поклонников, причем речь идет именно о вокалистках годов Лошадь — Тигр — Собака. Элла Фитцджеральд, Барбара Стрейзанд, Патрисия Каас (все — год Лошади); Лайза Миннелли, Мадонна (обе — год Собаки); Сюзи Кватро, Сандра, Агузарова (год Тигра) Надеюсь, из предыдущего понятно, почему именно эти знаки «ведут» в этой сфере.

Ну и, конечно, если жизнь поможет женщинам компенсировать отсутствие одной нужной половинки, то они могут, как говорится, и на одной ножке обскакать многих мужчин.

В первую очередь речь идет о власти. Для власти нужна воля, воля и еще раз воля. Воли у женщин не меньше, чем у мужчин. Но их двойственность, отсутствие цельности, неспособность женщин, имеющих волю, «говорить» на

языке воли делает почти невозможной для них политическую карьеру. Они не смогут «прорваться» к власти.

В тех же случаях, когда есть возможность попасть к власти без длительной борьбы, то правят волевые женщины не хуже мужчин и даже лучше. Примеры всем известны — Маргарита Датская (Змея), Елизавета I Тюдор (Змея), Елизавета Петровна (Бык), Екатерина II (Петух), пришедшие к власти благодаря непосредственной близости к короне, а также современницы — Индира Ганди (Змея), Корасон Акино (Петух), Беназир Бхутто (Змея), Виолетта де Чамморо (Змея), пришедшие к власти исключительно благодаря родственным отношениям с правителями-мужчинами, но не уступающие этим мужчинам.

Ситуация с женской властью замечательна еще и тем, что все остальные женские знаки практически лишены шансов на власть и таким образом женская негомогенность помогает проводить куда более жесткий отбор по признаку воли, в то время как у мужчин к власти прорываются все кому не лень, в том числе самые слабые для власти знаки — например, безвольные ортодоксы — Коза и Бык. Происходит это потому, что цельный мужчина, хоть и безвольный, производит впечатление значительной личности.

Аналогична ситуация с наукой. Для творческих мужских знаков практически нет запретов в науке. И новаторам, и завершителям, и мистикам-эмпирикам найдется свое место. У женщин же лишь логики способны хоть как-то компенсировать отсутствие цельности, лишь их мощное мышление способно к каким-либо реальным теоретическим результатам, к таким необходимым в науке вещам, как планирование эксперимента, анализ данных, синтез результатов и т. д.

Значит — лишь рожденные в годы Лошади, Собаки, Тигра...

Нобелевские премии последних лет подтверждают эту мысль. Рита Леви-Монтальчини (Лошадь) — премия по медицине, Барбара Макклинток (Тигр) — премия по медицине, Дороти Кроуфут-Ходжкин (Собака) — премия по химии, Мария Гепперт-Майер (Лошадь) — премия по физике, Гертруда Илайон (Лошадь) — премия по медицине. Никто не откажет в логике и великому математику Софье Ковалевской (Собака).

КАЖДОМУ — СВОЕ

Тройка Бык — Змея — Петух уверенно чувствует себя в сфере власти и волевых видах деятельности, а тройка Лошадь — Собака — Тигр в сфере точных знаний и умений. Кроме того, женщины этих шести знаков как нельзя лучше приспособлены для семейной жизни, ибо именно романтизм идеально готовит женщину к сфере брака, осуществляемой по схеме ухаживание — брак — рождение и воспитание детей.

Остальные шесть знаков как нельзя лучше соответствуют сфере сексуальных отношений. Женская сексуальность становится все более значимой в мировой культуре. В балете, кино, эстраде, светской жизни и даже в политике сексуальность играет все большую роль, оправданным становится и сексуальный брак.

Разумеется, роль сексуальных троек разнится. Тройка Крыса — Дракон — Обезьяна ближе к роли секс-символов, они вдохновляют, а тройка Коза — Кабан — Кот выполняют задачу сексуального умиротворения. (Отметим, что принадлежность к знаку не гарантирует в каждом случае всех указанных качеств — каждый задаток нуждается в развитии, в определенных условиях, в высоком спросе, без этого он угасает, или, по Фрейду,— сублимируется).

В ПОЭЗИИ — РАВНЫ

Одна-единственная структура нашего гороскопа — идеологическая, с четырехлетней периодичностью, породившая ту пропасть, что лежит между мужчиной и женщиной, по-своему уникальна. Все остальные структуры не делают никаких различий между мужчиной и женщиной.

Психологическая структура, которая выделяет тройки гуманистов (Змея, Лошадь, Коза), мечтателей (Кот, Тигр, Дракон), деятелей (Обезьяна, Петух, Собака) и «шокирующих» знаков (Кабан, Крыса, Бык) не дает никаких преимуществ ни мужчинам, ни женщинам, показывая огромные просторы, на которых реализуется равенство полов.

Точно так же и **социальная структура**: открытые знаки (Лошадь, Крыса, Кот, Петух), закрытые знаки (Обезьяна, Змея, Тигр, Кабан) и ортодоксальные знаки (Собака, Коза, Бык, Дракон) никаких, даже малейших различий между мужчиной и женщиной не делает.

Все три перечисленные структуры являются целиком языковыми (атрибутивными) и не затрагивают суть знака.

Равенство в этих структурах дает возможность женщинам оказать самую жесткую и реальную конкуренцию в тех сферах, где суть не затрагивается совсем,— в полностью языковых сферах. Например, в поэзии. Так и есть, женская поэзия нисколько не уступает мужской, в чем легко убедиться, если сравнить лучшие образцы мужской поэзии с произведениями Анны Ахматовой, Габриэллы Мистраль, Эмили Дикинсон, Марины Цветаевой...

И ВСЕ-ТАКИ...

Но сколько ни говори о равенстве женской и мужской поэзии, любому ясно, что поэтов-мужчин несравненно больше. Один лишь знак — Дракон в одной лишь России дал у мужчин — Афанасия Фета, Иннокентия Анненского, Александра Блока, Андрея Белого, Иосифа Бродского... Да и в других сферах налицо количественное превосходство мужчин.

Структурный гороскоп делает последнюю попытку объяснить и оправдать заниженное положение женщины в нашем обществе, при изначальном равенстве возможностей. Это делается с помощью возрастной структуры. Она объясняет, как движется человек по возрастным ступеням: три периода, по четыре возраста в каждом. У мужчин в каждом периоде развитие идет по единой и мощной схеме: возраст планирования, возраст экспериментирования, возраст моделирования и возраст волевого осуществления.

У женщин нет четкой картины каждого периода, в каждом она занята сразу двумя делами: одним атрибутивно, другим по сути. Простой пример. Мальчики осваивают речь в третьем возрасте (от трех до семи лет), осваивают цельно — и на уровне разума, и на уровне языковом, живут, как великие завершители. Девочки же на смысловом уровне начинают осваивать речь уже во втором возрасте (от года до трех), в третьем же, самом удобном для освоения речи, они переключаются на другие проблемы.

И так всю жизнь — ни в одном из возрастов женщина не может сосредоточиться на одной проблеме, ее внимание рассредоточено.

Вывод из этого положения поистине грандиозен. Для мальчиков, мужчин, огромное значение имеет воспитание. Из мальчика, в зависимости от полноценности воспитания, может вырасти как гений, так и полное ничтожество.

Девочка, женщина, напротив, почти безразлична к воспитанию.

Из девочки так же трудно сделать гения, как и окончательно загубить ее. Таким образом, мужчины дают очень широкий разброс, женщины же обеспечивают среднюю линию. Их девиз — ни гениев, ни посредственностей, главное — стабильность.

Такая же ситуация в движении по годам. Мужчина в послевисокосном году (Змея, Петух, Бык) принимает решение, на следующий год осуществляет его, на третий год исчерпывает все возможности и подводит итоги, получает результаты; на четвертый год расчищает территорию для нового решения.

Женщина же и решение принимает в течение двух лет, и осуществляет его одновременно с принятием. Такая раздвоенность не дает ей шансов быстро разогнаться, но и предохраняет от абсолютного поражения.

Суммируя смысл этих двух структур, можно сказать, что

в динамике женщины безусловно уступают мужчинам. Поскольку наша культура полностью находится в системе прогресса, то значение мужчины безусловно выше.

А как же равенство? Есть ли у женщины шансы осуществить его? Есть. Но не в тех системах, которые прогрессируют, а в циклических, желающих стабилизироваться. Вот уж там легко взлетающий, но и легко падающий мужчина безусловно социально менее значим.

Даже в России, несмотря на ее мощную динамику, у женщин шанс этот также реализуется. Все оттого, что Российский путь характерен подъемами и спадами. Во времена общей деградации общества именно женщины удерживают средний уровень, не давая исчезнуть нации и ее элитному генофонду. Когда же идет возрождение сохраненного женщинами национального слова и дела, то они же, как гиря, висят на мужчинах, не давая им слишком быстро идти вперед.

Как видим, несмотря на исходную простоту теории женщины, следствия ее многообразны. По возможности они представлены здесь все, умышленно не затронуты лишь подробности возрастных отличий мужчины и женщины, поскольку этому будет посвящена отдельная статья.

И все-таки в женском вопросе самое главное — брак и семья. Изложенная выше теория женщины позволяет рассмотреть и эту проблему; структурный гороскоп безошибочно оценивает сочетания знаков в браке.

Все попытки разрушить брак как социальный институт проваливаются. Он устоял перед натиском стольких революций — религиозных, индустриальных, сексуальных. Его хоронят, а он становится все более необходим обществу. Не счастливой любви, а счастливого брака желаем мы своим детям, как бы догадываясь, что брак, даже самый удачный, всегда останется тюрьмой для двоих.

Что же держит брак?

Больше всего походит на истину старая идея о том, что муж и жена — потерявшиеся половинки, стремящиеся соединиться.

Увы, структурный гороскоп, в этом случае не может слишком порадовать, ибо утверждает, что идеально подходящих друг другу знаков, которые, соединившись, составили бы единое целое, нет. Но именно это доказывает, что к браку следует относиться без чрезмерных иллюзий, как можно серьезнее. Если заранее подготовиться к трудностям и неприятностям, то, возможно, удастся их смягчить, а, быть может, и избежать. Но надо очень точно знать, где нас ждут эти неприятности. Прислушайтесь к рекомендациям структурного гороскопа, он знает*.

Теория женщины утверждает, что проблематика брака и любви гораздо ближе женщине, чем мужчине. Теория брака добавляет, что тип брака также в основном определяет женщина, так что реальный выбор типа брака лишь у мужчины, женщина так или иначе добьется своего, но при всем том достичь своего идеала брака ей будет нелегко.

12 женских и 12 мужских знаков дают 144 варианта брака.

I

Самым перспективным может считаться брак, в котором супруги владеют общим языком (это тройки единомышленников, объединяющие знаки, отстоящие друг от друга на четыре года).

Девять браков внутри тройки Собака — Тигр — Лошадь — это союз соратников. Он чрезвычайно популярен среди активных творцов. Муж руководит, жена работает, муж планирует, строит дом, жена ведет хозяйство. Словом, домострой. Творческая мощь мужчины в таком браке удваивается. Трудности могут возникнуть в сексуальной сфере, поэтому нельзя тянуть с появлением детей (минимум двух-трех). Очень важно, чтобы жена признала главенство мужа, а он не должен рассчитывать на слишком страстную любовь жены, главное для него — ее преданность.

Самый трудный в этой девятке брак, в котором он — Тигр, она — Лошадь, ибо Тигр очень ревнив, а Лошадь очень общительна.

Девять браков внутри тройки Змея — Бык — Петух. Это обратный домострой, поскольку руководитель и строитель дома здесь жена, а муж — главный работник, деятель. В этом союзе очень важна любовь жены и способность мужа не слишком увлекаться самоутверждением на стороне. Важно также, чтобы жена управляла тихо и незаметно, ибо бойцовский характер мужа может привести к конфликтам.

Трудноват брак, где он — Змея, она — Бык, поскольку утонченный и чувствительный муж может столкнуться со слишком сильным прессингом супруги.

Девять браков внутри тройки Крыса — Обезьяна — Дракон. Это браки любви. Как можно дольше в таком браке надо находиться в любовной стадии. Можно не торопиться с детьми. Нет нужды и в слишком большом хозяйстве. Воля мужа достаточно мягкая, жена может взять на себя финансы. Ее холодность растает, как лед весной, под жаркими лучами его чувства.

Наиболее опасны браки знаков Обезьяна — Крыса, поскольку в силу вступают законы векторного кольца (отношения «хозяин — слуга»), сжигающего барьеры самосохранения.

Девять браков внутри тройки Кот — Кабан — Коза. Это спокойный брак, где мало любви, но много гармонии и покоя. Красивый муж и сексуальная жена, ее воля, его реализм. Не слишком большое хозяйство, но много эстетики. И все-таки за мужем надо приглядывать — не увели бы.

Браки весьма сходны, но союз «она — Кабан, он — Коза» сомнителен.

В перечисленных 36 браках супругам не нужно много слов, чтобы наладить взаимодействие, они и так прекрасно понимают друг друга. Общность языка — это общность идеалов, образа жизни, стратегии хозяйства. Отсутствие борьбы за власть, согласованность сексуальных стремлений — все это выделяет группу из всех других вариантов. Однако благополучие этих браков держится на определенной поверхностности отношений. Надо верить друг другу на слово, просто жить и радоваться единству душ, не апеллировать к разуму, не «копать» слишком глубоко.

II

Следующие 36 браков можно назвать романтическими. В них также существует языковое единство, но на этот раз оно основано не на прямом совпадении, а на совпадении романтизируемых сфер.

Девять браков между тройками, где она — Лошадь, Собака, Тигр, а он — Крыса, Дракон, Обезьяна. Она романтизирует любовь, он романтизирует волю. Ее романтизм находит благоприятную почву, поскольку муж большой специалист в этой сфере. Его романтическое отношение к воле жены, увы, бесперспективно, поскольку воли у нее нет, одна видимость. Если установится все же его власть, то все будет нормально. Комплексы неполно-

* Основы теории брака разработаны совместно с Жанной Аккуратовой.

ценности жены растут, главное, чтобы она не очень увлекалась командованием, ибо отсутствующая воля — плохой помощник властителю. Поскольку женщины этих знаков всегда стремятся быть соратницами, все-таки желательно, чтобы муж думал не только о любви, но и о деле.

Опасен брак, где она — Лошадь, он — Крыса, ибо действуют законы векторного кольца.

Девять браков между тройками, где она — Крыса, Дракон, Обезьяна, а он — Лошадь, Собака, Тигр. Она романтизирует волю, он романтизирует любовь. Ее романтизм находит то, что искал, муж рад доказать своей избраннице всю мощь своего характера, работая не покладая рук. Увы, жена будет восторгаться, но реальной помощи не окажет. И это дополнительная причина, чтобы разочароваться в жене, от которой романтический муж ждал любви и не дождался. Впрочем, шанс удержать его остается. Это — красота жены, ее внешняя сексуальность. В этом браке очень важен и материальный достаток.

Самый трудный вариант: он — Лошадь, она — Крыса. Роковые страсти (все то же кольцо). Более перспективны браки Собака — Обезьяна, Дракон — Тигр, в них есть психологическая общность.

Девять браков: она — Змея, Бык, Петух, он — Кот, Кабан, Коза. Она романтизирует мужскую красоту, а он — логику и боевитость. Поскольку жена — источник романтической (слепой) любви, а муж — настоящий красавец, то ее пристрастие носит чрезмерный характер. В таком браке женщина быстро забывает, что воля опасное оружие, которым надо пользоваться осторожно. Она будет пытаться «давить» на мужа, а он этого не любит и вполне может не выдержать.

Браки Кот — Петух и Коза — Змея опасны как векторные, в них страсть жены превысит все пределы... А вот брак Кот — Змея освящен одним из самых романтических романов — «Мастер и Маргарита». Это Михаил и Елена Булгаковы.

Девять браков: она — Кот, Коза, Кабан, он — Петух, Змея, Бык. Здесь муж ищет в жене покоя и гармонии, а она в нем — активности, деловитости, задора. Когда муж ощутит женскую волю, ему будет непросто. Зато в этом браке у него есть шанс расстаться с комплексами, усмирить свои амбиции.

Муж не должен снижать своей активности. Где он найдет на это силы — заранее сказать трудно, ибо в этом браке жена достаточно независима и действует, почти не ориентируясь на мужа. Если бы она все-таки могла относиться к нему поуважительнее...

Опасны кольцевые, векторные браки Петух — Кот, Змея — Коза.

Эти 36 браков держатся на романтизме и на параллельности языка. Здесь еще более опасно глубокое проникновение в смысл, суть. Этот брак должен быть поверхностным, почти бесконтактным, основанным на взаимном любовании супругов, если хотите, даже на самообмане. Не надо снимать романтического покрывала, самообижаться...

III

Третья группа браков — это браки с общей сутью. Браки с лобовым столкновением, заманчивые, но и опасные из-за того, что слиться тут труднее всего, слишком равны силы.

Девять браков мужской тройки Лошадь — Собака — Тигр и женской тройки Змея — Петух — Бык называют «коса на камень». Обычно такой брак заключается по обоюдной страсти, и уже из одного этого видно, сколь малы здесь шансы на спокойное течение. Оба супруга — источники романтической (слепой) любви. Пока она сильна, ничего не страшно. Но один из супругов может неожиданно охладеть, страсть другого при этом лишь более разгорится. А если охладеют оба, начнется борьба за власть, в которой победителя не будет, проигравшими же окажутся оба. К тому же супруги говорят на разных языках. Необходимы совместные дела, ибо деловые способности обоих высоки.

Предостережем от кольцевых, векторных браков: Собака — Бык, Тигр — Бык, Собака — Петух. Брак Змея — Лошадь смягчится общей психологией, брак Змея — Тигр — общей углубленностью, эстетизмом.

Девять браков женской тройки Лошадь — Тигр — Собака и мужской тройки Змея — Петух — Бык. Тут роднит супругов общая активность, потенция, практичность и хозяйственность. Если эти сферы будут главными в семейной жизни, то шансы брака велики. Только не ждать любви, не упрекать друг друга в отсутствии воли. Поспокойней...

Взаимопонимание затруднено, но зато общий смысл искать легче, ведь оба — логики. Женщина этих знаков — соратник в любом браке, а потому лучше, если муж — творческая личность, тогда брак удачен.

Три векторных брака Собака — Петух, Бык — Тигр, Собака — Бык. Наиболее удачны браки Змея — Лошадь, Тигр — Петух.

Девять браков женщин тройки Крыса — Дракон — Обезьяна и мужчин тройки Кот — Кабан — Коза. Один из самых холодных браков. И мужчина, и женщина больше способны вызвать чужую любовь, чем любить сами. Разве что как салонный брак, при большом достатке... Главное требование — искать смысл — здесь также плохо реализуется, ибо этим знакам трудно докапываться до сути.

Кольцевые браки у Дракона — с Котом (слуга) и Кабаном (хозяин). Брак она — Обезьяна и он — Коза освящен именем А. С. Пушкина. Однако можно ли считать этот брак удачным?

Девять браков тройки женщин Кот — Кабан — Коза и мужской тройки Дракон — Крыса — Обезьяна. Несмотря на любовь мужа и сексуальность жены, проблемы те же, что и у других 27 браков с единой сутью. Сексуальная проницательность жены не столь необходима мужу, он сам владеет секретами любви. Равенство воль также не сулит легкости отношений. Ну и, конечно,— разность языков. И все же: если любовь в браке есть, то и этот брак можно сохранить. Главное — не забывать, что оба супруга самостоятельные личности, общение идет на уровне разума, философии и даже мистических откровений.

Дракон в векторных отношениях с Котом и Кабаном. Что это значит? В двух словах не скажешь, но для длительной жизни не порекомендуешь...

В перечисленных браках без слов не договориться. А потому надо напрячь разум и искать общий смысл. Беседуйте, ищите сермяжную правду, ведите совместные дела, помимо семейных. Словом, будьте больше компаньонами, нежели супругами.

IV

Наконец, последние 36 браков — это браки с романтизацией сфер разума, романтизацией по сути.

Девять браков женщин тройки Лошадь — Тигр — Собака и мужчин Кот — Кабан — Коза. Достаточно странный брак, в котором мужчина очарован энергией жены, ее активностью, она же переносит на него свой материнский инстинкт, опекает его. Не мало ли для прочного союза? Ни у того, ни у другого нет ни воли, ни источника любви. И все-таки — энергии у жены много, и если муж занят творче-

ством, то она будет ему опорой.

Как всегда, не торопитесь в векторные браки — Тигр — Коза и Лошадь — Кабан. Полегче у Тигра с Котом.

Девять браков женщин Коза — Кот — Кабан и мужчин Лошадь — Собака — Тигр. Мужчина ищет любви и находит сексуальное ее воплощение, чем весьма доволен. Ей нравится мощь и несгибаемость мужа. Брак вполне реален, если мужчина забудет, что он домостроевец. Домостроя не будет, ведь характер брака определяет жена. И муж, несмотря на свою волю, должен тут уступить.

Векторные браки Кабан — Лошадь и Коза — Тигр. Не для слабонервных. Неплохо — Тигр — Кот, Лошадь — Коза, здесь общность психологии.

Девять браков женщин Дракон — Крыса — Обезьяна и мужчин Петух — Змея — Бык. Трудно представимый брак. Но и такие есть. Муж, романтизирующий женскую красоту. Будет ли он доволен ее холодностью? Как она отнесется к его комплексам, к активности? Впрочем, разум может помочь и в этом браке. Активность в добывании денег мужа и экономность жены составляют единое целое. Да, но здесь отсутствие и любви, и воли, а также общего языка. Одни минусы. Впрочем, брак-то салонный — красота жены будет льстить самолюбию мужа.

Наибольшее доверие вызывает брак Обезьяна — Петух.

И последняя девятка. Она — Петух — Змея — Бык, он — Дракон — Крыса — Обезьяна. Вот уж не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Отсутствие общего языка, а брак один из самых известных и прочных. Видимо, дело в том, что в сути у обоих супругов любовь и воля. Муж боготворит силу воли жены, жена боготворит мудрость любви мужа. Оба при этом любят, оба спокойны и уверены, а главное — никакой конкурентной борьбы. Жена уступает главенство в любви мужу, а тот уступает главенство жене во власти. Ну и, конечно, поиск смысла. Практически все девять браков равны и хороши.

Таким образом, эти 36 браков как раз требуют докапывания до глубин, но при этом с невозможностью назвать все своими именами.

Лучше минуйте сферы обыденности и повседневности, ищите те сферы, где человек раскрывается до конца. Как пел Высоцкий — пария в горы тяни...

Этот нелегкий разговор хочется заключить напоминанием (предостережением): брак — это союз двух изначально очень далеких и разных людей. Часто он не имеет никаких дополнительных подпорок (национальность, общая религия, близкий уровень образования), кроме непосредственно гороскопических.

Поэтому будьте бдительны: женщины и мужчины — это не просто женщины и мужчины. Все мы разные, а стало быть, всегда есть выбор. Всегда есть шанс. Прежде чем принять окончательное решение, загляните в наш структурный гороскоп. Желаем счастья!

Вступительный Экзамен

Мэри КЭРИ

Мэри Вирджиния Кэри — американская писательница. Родители ее были англичанами. Мэри — убежденная католичка, активно участвует в жизни своей общины, в ее благотворительных делах. Работала в фирме Уолта Диснея, писала сценарии для мультфильмов. Впоследствии в серии книг для детей и подростков, издаваемых под эгидой Альфреда Хичкока, были опубликованы несколько ее приключенческих книг, а также сборники сказочных повестей и рассказов.

Предлагаемый читателям «Науки и религии» рассказ, впервые опубликованный в начале 70-х годов, был включен Айзеком Азимовым в издаваемую им антологию «Юные ведьмы и колдуны» и признан одним из лучших в англоязычной сказочной фантастике.

Кейт Фозерингейт сидела в кабинете директрисы Школы благородных девиц мисс Перкль. Ее стул был третьим по величине. Сама директриса, мисс Перкль, восседала за огромным и пыльным столом на стуле, больше походившем на трон. «Так и должно быть,— подумала Кейт.— Директриса — это директриса, мисс Перкль очень старая леди и имеет полное право на самый большой стул».

Мисс Перкль и в самом деле была стара, хотя насколько стара — никто не знал. В какое-то мгновение Кейт представила, что давным-давно, наверное, в средние века, она жила в рыцарском замке. Не исключено, что ей довелось видеть падение Римской империи. Или оказаться свидетельницей того, как закладывались первые камни лондонского Тауэра. Действительно ли она приплыла в Америку на «Мэйфлауэре», как говорила ей мать? Действительно ли она была в Сейлеме, когда вешали ведьм?

Неважно. Мисс Перкль была прелестной старушкой с белыми, как пух одуванчика, волосами и розовыми морщинистыми щечками. Кабинет ее тоже был прелестен. В корзине около полок со скоросшивателями дремал черный кот. На книжном шкафу расположилось чучело мартышки. На подоконнике светился хрустальный шар, а на столе лежал череп с отпиленной макушкой. В нем мисс Перкль держала скрепки и бумаги.

В общем, школа казалась Кейт воплощением всех ее желаний и даже более того.

Кейт и ее мать приехали из города по Семетри-Роуд. Эта узкая извилистая дорога сначала шла через дубовую рощу, потом — вдоль старого кладбища, где надгробья клонились друг к другу, будто шепотом поверяли какие-то тайны. Напротив кладбища и находилась школа — закопченное, увитое плющом каменное здание. Внутри его пахло древностью, паутиной и чуть-чуть мышами.

Мать и дочь ожидали приема в эбонитовом зале. Даже стены здесь были черными, и тяжелые портьеры, наглухо закрывавшие окна, не пропускали ни единого солнечного лучика. В полумраке, при отблесках пламени одинокой свечи, стоявшей на столе, Кейт едва могла различить картины. Это были женские портреты. Кейт знала, что почти всем им не одна сотня лет. А еще ей было известно, что женщины, изображенные на портретах,— ведьмы. В городе об этом, разумеется, не догадывались. Мать Кейт тоже была ведьмой. И Кейт тоже будет ведьмой. Мисс Перкль позаботится о ее воспитании. Горожане знали только, что Школа мисс Перкль — весьма, весьма привилегированное заведение, куда принимают далеко не всех девочек. Но для Кейт не было секретом, что у мисс Перкль обучают ни чему иному, как ведовству.

Наконец Кейт и ее мать были призваны из сумрака эбонитового зала в кабинет мисс Перкль. Девочку усадили, и она стала смотреть, как директриса открывает большую книгу с пергаментными страницами.

— Сколько лет ребенку? — спросила мисс Перкль. Голос ее прозвучал, как шорох сухих листьев.

— Почти десять,— ответила мать Кейт.

— Превосходно,— сказала мисс Перкль. И записала ответ гусиным пером. Потом она воззрилась на Кейт сквозь свои старомодные квадратные очки и медленно произнесла:

— Ты выглядишь достаточно умной. Ты умна, Кэтрин?

— Да, мисс Перкль,— подтвердила Кейт. И это было не похвальбой, а чистой правдой. Она знала арифметику, астрономию, английскую литературу, древнюю историю и еще многое другое.

Ее мать подала мисс Перкль конверт.

— Здесь школьные бумаги Кейт,— сказала она. — Я сохранила все ее табели. Она — первая в классе.

Мисс Перкль вытряхнула все на стол. Взглянув на бумаги, она кивнула и снова что-то записала в своей книге. Гусиное перо чудесно поскрипывало. Кейт нравился этот звук. Директор школы, где она училась, писал шариковой ручкой, которая вообще никаких звуков не издавала.

— Ну что же, пока все хорошо,— заметила мисс Перкль. — Теперь поговорим о вступительном экзамене. Вы знаете, что наша школа представляет собой учебное заведение, отличающееся от других. Мы не можем довольствоваться обычными табелями и обычными знаниями. Кэтрин должна владеть хотя бы начатками греческого. Некоторые замечательные заклятья пришли к нам от греков. Кроме того, она должна знать латынь. Несколько наших курсов читаются исключительно на латыни.

— Она сдаст экзамен,— отозвалась мать Кейт. — Я обучала ее дома.

— Очень хорошо,— сказала мисс Перкль. — Мы приурочим экзамен к ее дню рождения. Когда у нее день рождения?

Мать Кейт помедлила.

— Кажется, в следующем месяце. Числа пятнадцатого, я думаю.

— Ты думаешь? — выдохнула мисс Перкль. Отложив гусиное перо, она сурово смотрела на миссис Фозерингейт.— Не хочешь ли ты сказать, что не знаешь дня рождения своего собственного ребенка?

— Не... не точно,— тихо сказала мать Кейт.

— Эбигайл Констанс Мердок Фозерингейт! — вскричала мисс Перкль. И полное имя матери Кейт в ее устах не предвещало ничего хорошего.

— Ты считалась прекрасной ученицей. Не превратились ли твои мозги в овсянку? Ты не могла забыть день, когда родилась Кэтрин!

Миссис Фозерингейт поглядела на свои руки.

— Меня не было рядом с ней в тот день,— прошептала она. — Мисс Перкль, я знаю правило, что...

— Что все юные девицы, принимаемые в школу,— дочери наших выпускниц или, в крайнем случае — внучки,— перебила мисс Перкль. — Ты хочешь сказать, что Кейт не твоя дочь?

— Но она моя дочь! — воскликнула миссис Фозерингейт. — Она попала ко мне совсем крошечным ребенком. Я вырастила ее. Я люблю ее. Если не я ее мать, то кто?

— Во всяком случае, мне это не известно,— заключила мисс Перкль. Она встала и с силой захлопнула свою большую книгу. — Мы принимаем только тех, чьи матери или бабушки учились у нас. Кэтрин не родня тебе по крови. Правила есть правила, и мы не делаем исключений.

— Мисс Перкль, пожалуйста,— попросила мать Кейт.

— Удочерение не считается! — отрезала директриса.

Кейт подумала, что она не такая уж милая старушка, какой показалась сначала. И ей захотелось превратить мисс Перкль в мухомор — гадкий, желтый мухомор с красными крапинками.

— Не глупи, дитя,— бросила мисс Перкль,— ты не можешь превратить меня в мухомор. Ты не ведьма. Ты обычная маленькая девочка, которая получает хорошие отметки.

Внезапно распахнулась дверь, и в кабинет ворвалась пухлая круглолицая женщина.

— Мисс Перкль! — она размахивала газетой. — Ужаснейшая вещь! На второй странице!

Мисс Перкль взяла газету и раскрыла. Какое-то время она читала, потом ее розовые морщинистые щеки стали пепельно-белыми. Она подняла широко раскрытые невидящие глаза от газетной полосы.

— Что случилось, мисс Перкль? — встревожилась мать Кейт.

— Мэр хочет спрямить и расширить Семетри-Роуд,— мисс Перкль сложила газету и опустила ее на стол. — И потому он собирается просить у городского совета разрешения снести нашу школу.

— О, нет! — выдохнула мать Кейт.

— Извини меня, Эбигайл,— сказала мисс Перкль. — Я должна срочно встретиться с мэром.

— Мисс Перкль, а насчет Кейт...

Мисс Перкль покачала головой.

— Не будем больше это обсуждать. А сейчас меня ждут неотложные дела. Я отправляюсь в город.

И она ушла, оставив миссис Фозерингейт и Кейт в кабинете.

Медленно возвращались они обратно по узкой извилистой дороге. Миссис Фозерингейт молчала. Кейт плакала.

На следующий день в газете появилась еще одна статья о Семетри-Роуд. В ней говорилось о намерении мэра возместить мисс Перкль убытки, которые она понесет из-за потери недвижимости. Кроме того, мисс Перкль предлагалось перевести школу, ей принадлежащую и ею руководимую, в новое здание, ближе к городу. Над статьей была помещена фотография, изображавшая мэра за его рабочим столом. Он улыбался. Во всяком случае, он старался улыбаться.

— Как у него много бородавок,— удивилась Кейт.

— Могу догадаться, откуда они взялись,— сказала миссис Фозерингейт. — Мисс Перкль всегда очень удавались бородавки. К сожалению, похоже, что бородавки не спасут школу. По-моему, мэр твердо стоит на своем.

На следующей неделе городской совет провел голосование. Проект новой дороги был одобрен. Совет вынес постановление о сносе школы мисс Перкль. Сразу же после голосования один из членов совета заболел ветрянкой, несмотря на то обстоятельство, что уже болел ею раньше, в детстве. Другой свалился с лестницы у себя в подвале и сломал руку в двух местах. Третий член совета выбежал в полночь на улицу, оглашая ее истошными воплями о заполонивших его дом летучих мышах.

— Мисс Перкль и ее преподавательницы делают худшее, на что они способны,— заметила миссис Фозерингейт.

Но это худшее не было достаточно плохим. Совет не переголосовал, и мэр не передумал.

— Может быть, мисс Перкль понравится новое здание,— предположила Кейт.

Ее мать вздохнула.

— Нет, нет. Все, кто учился у мисс Перкль, привязаны именно к этому месту. Знаешь ли ты, Кейт, что иным паучьим сетям там по двести лет? А мухоморы в подвале, а царь-зелье, аконит в травяном саду за домом? Понадобятся годы, чтобы развести такую паутину и вырастить новые мухоморы. Да нет, понадобятся столетия!

— Ну, меня-то все равно не примут, так зачем волноваться?

На самом деле Кейт волновалась. И когда на Семетри-Роуд появились бульдозеры, она была там. По случаю реконструкции дороги поднялась изрядная шумиха. Честь вынуть первую лопату грунта, перед тем как бульдозеры начнут срывать старую дорогу, была возложена на самого мэра.

На церемонию прибыли члены городского совета. Волосы одного из них, почему-то ставшие ярко-зелеными, прикрывала шляпа. Присутствовали также газетные репортеры и съемочная группа местного телевидения. Пришли горожане и, конечно, в полном составе учительницы и ученицы школы мисс Перкль. Сама мисс Перкль высоко держала голову, но губы ее дрожали и глаза были красны. Совсем недавно она плакала.

Духовой оркестр занял свое место позади бульдозеров и сыграл бравурный марш. Телекамера нацелилась на мэра. Мэр нагнулся, и лопата в его донельзя бородавчатой руке коснулась каменистой поверхности старой дороги.

Внезапно Кейт поняла, что протискивается сквозь толпу. Через секунду за ее спиной остались и члены городского совета, и тележурналисты, и газетчики. Она оказалась рядом с мэром.

Мэр фальшиво улыбнулся.

— Отойди, малышка,— прошипел он.

Кейт что-то произнесла — никто не расслышал что — и сделала легкое движение рукой. Потом повернулась и пошла обратно сквозь толпу. Туда, где стояла ее мать.

Мэр снова приготовился копать. Лопата вонзилась в изрытый колеями дорожный грунт. И вдруг из ямки появилось что-то зеленое. Что-то зеленое и шипастое, что росло, росло и росло.

Мэр вскрикнул и отскочил, когда колючий, вьющийся побег вцепился в его одежду.

Телевизионщики поспешно ретировались, оттащив камеру дальше по дороге. Причем, как можно дальше.

Толстяк-бульдозерист, ждавший в своей машине, смотрел, выпучив глаза, на гигантский терновник, который теперь закрывал дорогу, и заорал:

— Эй! Черта в елку! — И его бульдозер с ревом и лязгом двинулся на странное растение.

Спустя мгновение вьющиеся зеленые плети уже опутали машину, похоже было, что они ее проглотили. Бульдозерист опрометью кинулся прочь.

Так же поступил и мэр.

И члены городского совета.

И газетчики с горожанами.

Так поступили все, кроме мисс Перкль, ее учительниц и учениц. И, разумеется, Кейт и ее матери.

— Они не расширят дорогу,— сказала Кейт, обращаясь к мисс Перкль. — И школу они тоже не снесут.

Тут она сделала еще один жест, и длинющий, усеянный шипами стебель сморщился, уронил свои зеленые руки, высох и развеялся по ветру. На дороге остались лишь брошенные бульдозеры. Мисс Перкль выглядела крайне обеспокоенной.

— Не волнуйтесь, пожалуйста! Побег будет вырастать всякий раз, когда они будут начинать работу на дороге.

— Мое милое дитя! — дар речи вернулся к мисс Перкль. — Как же ты это делаешь? Мы все на «отлично» насылаем бородавки, напускаем летучих мышей и заставляем предметы взлетать или падать, но ни у кого из нас со времен знаменитой ведьмы Хафзибы Кэрью не получалось вырастить волшебный терновник. Где выучилась ты этому изумительному заклинанию?

— Я не уверена,— сказала Кейт,— но мне кажется, я услышала его однажды во сне.

Потом все они пошли по узкой, извилистой старой дороге в школу. И мисс Перкль, Кейт и ее мать пили чай в эбонитовом зале, и портреты знаменитых выпускниц былых времен смотрели на них из своих рам, и тяжелые портьеры закрывали солнечный свет, и единственная свеча горела на столе.

— Видите ли, у Кейт есть сила,— объяснила миссис Фозеригейт. — Я пыталась сказать вам об этом. Пусть она найденыш, и мы не знаем, кто ее родная мать,— сила у нее есть.

— Найденыш? — переспросила мисс Перкль.

— Ее оставили у меня на пороге,— призналась мать Кейт. Совсем крошечной. Но у нее есть сила. Даже если она и не потомок выпускницы.

Мисс Перкль казалась озадаченной. Как обыкновенная девочка может оказаться настоящей ведьмой? Медленно мисс Перкль оглянулась на один из старых тусклых портретов, висевших на темной стене. Она взяла свечу со стола и поднесла к портрету. Она смотрела на лицо в раме, а лицо смотрело на нее. Изображенная на картине, правда, была старше, но сходство с Кейт поражало.

— Ну, конечно,— сказала мисс Перкль. — Как я не заметила сразу. Кейт н е о б ы ч н ы й ребенок. Вне всяких сомнений она потомок Хафзибы Кэрью, самой достойной нашей выпускницы. Удивительно похожа, и действительно есть сила.

— Не всегда,— созналась Кейт. — Как-то один мальчишка, Фелпс, стащил мои роликовые коньки, и я попробовала превратить его в мухомор. Не вышло.

— Нет? — заинтересовалась мисс Перкль.

— Нет. Он превратился в шмеля и ужалил меня.

— Неважно,— мисс Перкль поставила свечу обратно на стол. — Ты молода. Подожди, когда ты закончишь образование и станешь настоящей ведьмой с настоящим дипломом.

— Так вы примете меня? — обрадовалась Кейт.

— Занятия начинаются в понедельник,— объявила мисс Перкль.

Кейт обвела эбонитовый зал счастливым взглядом. Она вспомнила о коллекции древней паутины, о подвале, густо поросшем мухоморами, о травяном садике с царь-зельем, аконитом.

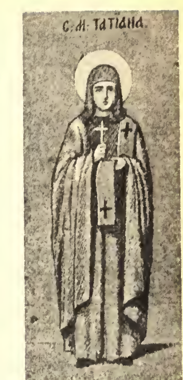
— А как же вступительный экзамен? — спросила она.

— Милая Кэтрин,— сказала мисс Перкль. — Не забивай себе этим голову.

Перевод с английского Марии БАЙМУХАМЕТОВОЙ и Максима ОШУРКОВА.

Сорок сороков

ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

Св. Татиана

В дореволюционной Москве существовала церковь, с которой связан совершенно особенный праздник. Это церковь во имя св. Татианы при Московском императорском университете. А праздник отмечался каждый год, в день основания старейшего русского университета и в день поминания святой Татианы — 12 января (по старому стилю). Татьянин день стал «престольным днем» университетской церкви.

В нашем путешествии по московским «сорока сорокам» мы впервые подошли к домо́вой церкви — самой значительной, после приходских, разновидности московских православных храмов. Домовые церкви, как показывает само их название, открывались при домах, но не только и не столько при богатых особняках и дворцах, а при богадельнях и приютах, учебных заведениях и войсковых частях, даже при тюрьмах. «При» — значит в тех же стенах, под тем же кровом. Кстати сказать, и другие московские «вузы» имели домовые церкви. Петровская земледельческая и лесная, ныне — Тимирязевская сельскохозяйственная, академия в Петровско-Разумовском — церковь Петра и Павла; Межевой институт (Институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии) в Гороховском переулке — церковь Константина и Елены; бывший «Катковский лицей» в конце Остоженки, у Крымского моста (в наше время это здание принадлежало Московскому государственному институту международных отношений) — церковь Николая Чудотворца; Институт инженеров путей сообщения на Бахметьевской (ныне Московский институт инженеров железнодорожного транспорта на улице Образцова) — тоже Никольский храм.

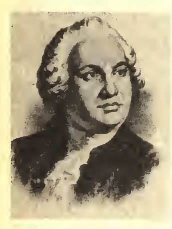
Но если Никольской была каждая десятая церковь старой Москвы, то святой Татиане была посвящена единственная — университетская (не считая трех придельных престолов и домовой церкви при Софийской больнице на Садовой Кудринской, где мученица Татиана делила престол с мученицей Софией).

В православных святцах Татьяна выглядит еще более одиноко: только одна святая с таким именем.

Судьба университетского храма, пожалуй, столь же редкостна, как и имя святой, которой он был посвящен. Нас теперь не удивишь примерами превращения церквей в фабричные цеха и склады, архивы и музеи. А тут наоборот: в божий храм был перестроен просторный манеж главного усадебного дома Пашковых, в 1832 году приобретенного Правлением университета. В «преднаполеоновские» годы манеж этот был очень популярен среди москвичей: в течение трех лет (с 1805-го по 1808-й) в нем выступала труппа сгоревшего Петровского театра (на его месте позже был построен Большой театр).

Перестройкой усадебного дома в новое здание университета (и, в частно-

сти, манежа — в университетскую церковь) руководил Евграф Дмитриевич Тюрин (1792—1870), один из последних архитекторов классической школы, как характеризуют его искусствоведы. Здание было перестроено в стиле позднего ампира. Новая церковь выходила на Моховую улицу полукруглой дорической колоннадой — монументальной и в то же время

М. В. Ломоносов

строгой и простой. «Эта постройка Тюрина,— читаем в книге «Зодчие Москвы» (Выпуск I, М., 1981. С. 187),— интересна и ценна во всех отношениях. С одной стороны, она достаточно самостоятельна... с другой — она оригинально вписывается в новое здание университета».

Интерьер церкви был украшен творениями другого прекрасного мастера — скульптора Ивана Петровича Витали (1794—1855). Убранство это редкостно для православного храма — иконостас его был скульптурный. Витали трудился над ним два года. Завершало иконостас распятие в лучах славы с фигурами ангелов по обеим сторонам; слева от креста — «ангел радости», справа — «ангел скорби». Лишь эти ангелы и сохранились. Где все остальное — неведомо...

Е. Д. Тюрин, к слову сказать, руководил перестройкой манежа в храм бесплатно, и коллекцию картин, которую собирал всю жизнь и в которой были творения Рафаэля и Тициана, завещал в дар Московскому университету.

Почему же домовая церковь при старейшем русском университете стала Татьянинской? За объяснениями обратимся к фигуре Ивана Ивановича Шувалова, одного из крупнейших государственных деятелей елизаветинской России. Действительный тайный советник и действительный обер-камергер, кавалер орденов святого Андрея Первозванного и святого Александра Невского, святого Владимира и святой Анны, а еще и Белого Орла... И все это было надежно обеспечено главной «должностью» Ивана Ивановича — фаворита императрицы Елизаветы Петровны. Но отдадим должное И. И. Шувалову: свое исключительное положение при дворе он использовал на благо русской культуры и науки. По его ходатайству была создана Петербургская Академия художеств, в которой он президентствовал. Он покровительствовал М. В. Ломоносову, поддерживал многие его начинания, в том числе — проект создания в Москве первого российского университета.

Этот исторический проект Иван Иванович подал на подпись императрице Елизавете 12 января 1755 года, с невинным и, быть может, даже похвальным тайным умыслом: отметить тем самым именины горячо любимой «матушки» — Татьяны Ростиславской.

Вот по какой причине именно мученица Татиана, римлянка, жившая в первой половине III веке, сделалась покровительницей Московского университета. Вот почему традиционным праздником этого университета стал Татьянин, а не какой-нибудь другой день в году.

Это был не совсем обычный праздник. Попытаемся воспроизвести его картину.

Итак, 12 (по новому календарю — 25) января, сто или немногим более ста лет тому назад, в первопрестольной.

Утром — торжественный молебен в университетской церкви. Служит непременно архиерей «в сослужении» настоятеля храма — профессора богословия. Под церковными сводами звучит акафист[1] — хвалебное молитвословие в честь мученицы Татианы.

По окончании акафиста публика переходит в актовый зал на столь же торжественное юбилейное заседание с участием всей университетской профессуры, а также самых именитых воспитанников Alma mater[2] и высших властей столицы. Из храма божия — в храм

И. И. Шувалов

самого изысканного и изощренного красноречия. «Три четверти зала наполняет студенческая беднота, промышляющая уроками: потертые тужурки, блины-фуражки с выцветшими добела, когда-то синими околышками... Но между ними сверкают шитыми воротниками роскошные мундиры дорогого сукна на белой шелковой подкладке и золочеными рукоятками шпаг по моде причесанные франтики: это дети богачей» (В. А. Гиляровский. Москва и москвичи. М., 1955. С. 257). Этот второй, уже светский ритуал длится недолго. Речи короткие, и чем короче — тем дружнее и громче аплодисменты, звучащие благодарностью оратору за лаконичность. Чувствуется, что речи для всех в этом блестящем зале, от ректора до захудалого студента,— лишь прелюдия к завершающему действу — в третьем «храме», который исстари принято называть «храмом Бахуса».

Центр праздника перемещается в знаменитейший в свое время, ныне не существующий ресторан «Эрмитаж» на углу Неглинной и Петровского бульвара, созданный французским кулинаром Оливье. (Ресторан со славной летописью: 1879 год — чествование И. С. Тургенева, 1902 год — банкет после премьеры «На дне» М. Горького...) Почтенная публика направляется сюда сразу из университетского актового зала, а многосотенная масса студентов по дороге предварительно «подзаряжается» в пивных и трактирах. Для нее в «Эрмитаже» подготовлен самый просторный зал: официанты вынесли из него обитую шелком мебель, заменив ее простыми деревянными столами и табуретками; пол густо посыпан опилками; в буфете и на кухне припасены лишь немудреные холодные закуски, водка да пиво.

Студенты движутся к «Эрмитажу», горланя на всю Москву-матушку разудалые песни. Наибольшей популярностью пользуется своего рода величальная:

Да здравствует Татьяна,
Татьяна, Татьяна!
Вся наша братья пьяна,
пьяна, пьяна
В Татьянин славный день.
— А кто виноват! Разве
мы!
— Нет! Татьяна!
— Да здравствует Татьяна!

Разгул приобретает столь невообразимый размах, что, описывая его, начинаешь опасаться обвинений в «сгущении красок». Лучше обратиться к свидетельствам очевидцев.

В 1903 году в Москве была издана книжка П. Иванова «Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы», с обстоятельным описанием Татьянина дня — «дня всеобщего безумия» (с. 284 — 288).

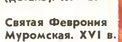
Окончание на 4-й странице обложки

---

[1] *Акафист исполняется молящимися стоя, отсюда его название, которое переводится с греческого точным эквивалентом — «неседален».*

[2] *Alma mater — мать-кормилица (лат.), традиционное обозначение университета или какого-либо иного учебного заведения его воспитанниками.*

Святая Параскева (деталь). XIV в.

Святая Феврония Муромская. XVI в.

Зачатие Иоанна Предтечи. Нач. XVI в.

Равноапостольные царь Константин и царица Елена. XVI в.

ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

Начало см. на с. 63

«Глубокий безумный круговорот подхватывает весь университет, всех студентов. И все кружится, кружится в каком-то фантастическом полубреду, в бешеной вакханалии... Нет денег, чтобы опьянить себя благородным шампанским... Водка и мутное пиво — два напитка Татьянина дня... Распахиваются сюртуки, расстегиваются тужурки... Шум страшный. То и дело раздается звон разбитой посуды. Весь пол и стены облиты пивом».

К полуночи «Эрмитажа» становится мало, и наиболее разгульные и состоятельные мчатся на лихачах к «Яру» и в «Стрельну»...

«Картина принимает фантастическую окраску,— читаем в той же книге. — Бешенство овладевает всеми. Стон, гул, гром, нечеловеческие крики. Каждый хочет превзойти другого в безумии.

Один едет на плечах товарища к стойке, выпивает рюмку и отъезжает в сторону. Другие лезут на декоративные растения. Третьи взбираются по столбам аквариума вверх. Кто-то купается в аквариуме».

«Все это не выдумка, не сказка,— подтверждает Николай Дмитриевич Телешов в книге воспоминаний «Записки писателя» (М., 1953). — Так и бывало обычно в Татьянин день. Не в день — а в ночь Татьянина дня. Под утро швейцары «Стрельны» и «Яра» нередко надписывали мелом на спинах молодежи адреса, и их развозили по домам «уцелевшие» товарищи...» (с. 290).

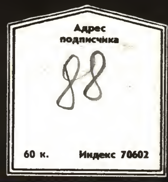
На «круглые» юбилеи разгул был особенно грандиозным. Например, в 130-летнюю годовщину Московского университета, в 1885 году.

«В этом году,— писал недавний выпускник медицинского факультета Антон Павлович Чехов,— выпито все, кроме Москвы-реки, и то благодаря тому, что она замерзла...»

И вот, четыре года спустя, в очередной, «рядовой» Татьянин день, над Москвой прогремел голос самого авторитетного человека в России тех лет — голос Льва Николаевича Толстого: «Русские ведомости» в номере от 12 января 1889 года напечатали его статью «Праздник просвещения 12-го января».

Начал Лев Николаевич вроде бы издалека...

«Что может быть ужаснее деревенских праздников! Ни в чем с такой очевидностью не выражаются вся дикость и безобразие народной жизни, как в деревенских праздниках... Все Св. Татьяне. Мужики едят студень и лапшу, просвещенные — омары, сыры, филеи и т. п.; мужики пьют водку и пиво, просвещенные — напитки разных сортов: вина, водки, ликеры, сухие и крепкие и слабые, и горькие и сладкие, и белые и красные, и шампанские... Мужики говорят о своей любви к кумовьям и поют русские песни; просвещенные говорят о том,

пьют; старые заставляют пить молодых и даже детей. Все поздравляют друг друга, целуются, обнимаются, кричат, поют песни, то умиляются, то храбрятся, то обижаются; все говорят, но никто не слушает; начинаются крики, ссоры, иногда драки...

Что это такое? Отчего это? А это праздник. Храмовый праздник. В одном месте Знаменье, в другом Введение, в третьем Казанская. Что значит Знаменье и Казанская, никто не знает. Знают одно, что престол — и надо гулять...»

После такого пролога Л. Н. Толстой принимается и за Татьянин день: «Праздник самых просвещенных людей не отличается ничем, кроме внешней формы, от праздника самых диких людей. Мужики придираются к Знаменью и Казанской без всякого отношения к значенью праздника, чтобы есть и пить; просвещенные придираются к дню Св. Татьяны, чтобы наесться, напиться без всякого отношения к что они любят Alma mater и заплетающимися языками поют бессмысленные латинские песни. Мужики падают в грязь, а просвещенные на бархатные диваны. Мужиков разносят, растаскивают по местам жены и сыновья, а просвещенных — посмеивающиеся трезвые лакеи».

Наверное, участники «Татьянинских торжеств» были сильно сконфужены и обескуражены толстовской проповедью, и «Татьянин день» 1889 года, надо полагать, выглядел несколько скромнее, нежели предшествующие. Но разве что только этот день. А по миновании некоторого времени студенты лихо распевали на заснеженных улицах и площадях:

Нас Лев Толстой бранит,
бранит
И пить нам не велит,
не велит
И в пьянстве обличает!
— А кто виноват!
Разве мы!
— Нет! Татьяна!
Да здравствует Татьяна!

Мученица Татиана, диакониса, прославившаяся всеми христианскими добродетелями, претерпевшая некогда, если верить житиям, чудовищные истязания Христа ради... Можно не верить житиям и смотреть на эту святую как на легендарного персонажа. Но и тогда достопамятный Татьянин день выглядит как кощунство. Равно как и бесчисленные сельские «престолы». Но если можно предположить религиозное невежество крестьян (хотя и это представляется маловероятным), то уж «прихожане» университетской церкви, возглавляемой профессором богословия, без сомнения, были прекрасно осведомлены о житии мученицы Татьяны. И тем не менее... Думаю, дело в том, что хотя и знали, оставались равнодушными, безучастными. И потому с обвинениями в сознательном кощунстве следует повременить. Это тема для особого разговора...

Александр ШАМАРО